МГЮА
95 ПЕРВЫЙ ПО ПРАВУ

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

- Уголовно-правовая политика России на современном этапе
- Дистанционные формы участия членов советов директоров (наблюдательных советов) хозяйственных обществ в их деятельности
- Определение круга субъектов ответственности за вред, причиненный высокоавтоматизированным транспортным средством
- Потребности практики расследования коррупционных преступлений и основные направления криминалистических исследований

Том 79 МАРТ 2026 № 3 (232)

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Издается с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 3 (232)
март 2026

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства.
Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Издается с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 3 (232)
март 2026

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбитта, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингенский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Издается с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 3 (232)
март 2026

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.
ISSN	1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул. , д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
САЙТ	https://lexrussica.msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 11198 Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 26.03.2026 Объем 16,85 усл. печ. л. (13,55 а. л.), формат 60×84/8 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
Переводчики	*Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова*
Редакторы	*Е. В. Осикина, А. В. Савкина*
Корректор	*В. А. Целищева*
Компьютерная верстка	*Д. А. Беляков*

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Education Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University (MSAL)»

Published in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 3 (232)
March 2026

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.
The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russi

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Comission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Education Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University (MSAL)»

Published in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 3 (232)
March 2026

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. ROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Recommended by the Higher Attestation Comission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Education Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University (MSAL)»

Published in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 3 (232)
March 2026

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927
ISSN	1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1, Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
WEB-SITE	https://lexrussica.msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 11198 Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	26.03.2026 Volume: 16,85 conventional printer's sheets (13,55 author's sheets), format: 60×84/8 An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
Translators	*N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova*
Editors	*E. V. Osikina, A. V. Savkina*
Proof-reader	*V. A. Tselishcheva*
Computer layout	*D. A. Belyakov*

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Recommended by the Higher Attestation Comission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Издается с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 3 (232)
март 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ / LOCUS STANDI

Звечаровский И. Э. Уголовно-правовая политика России на современном этапе 9

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

Габов А. В. Дистанционные формы участия членов советов директоров (наблюдательных советов) хозяйственных обществ в их деятельности 17

Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. Организационное единство как признак юридического лица 29

Кокова Д. А. Семья в фокусе государственной политики и влияние этого тренда на метод семейно-правового регулирования 44

Гринь О. С. Обеспечение нарушенных обязательств: допустимость теоретической конструкции 57

Ибадова Л. Т. Многосторонние договоры в российском гражданском праве: проблемы теории и практики 66

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

Расторопов С. В., Артамонова Е. А. Процессуальное положение лиц, указанных в части 3 статьи 115 УПК РФ 77

Гармаев Ю. П. Потребности практики расследования коррупционных преступлений и основные направления криминалистических исследований 89

Скрипченко Н. Ю. Проблемы реализации уголовной ответственности за побои, нанесенные лицом, имеющим судимость 102

Иванова Т. Н. Определение круга субъектов ответственности за вред, причиненный высокоавтоматизированным транспортным средством 113

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

Блещик А. В. Процедуры и инструменты правовой экспертизы правовых актов как элементы методики ее проведения 122

Городов О. А., Семенович К. С. Рассуждения об углеродных единицах и климатических проектах 133

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Education Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University (MSAL)»

Published in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 3 (232)
March 2026

CONTENTS

OPINION / LOCUS STANDI

Zvecharovskiy I. E. Criminal Law Policy of Russia at the Present Stage 9

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Gabov A. V. Remote Participation by Members of Boards of Directors (Supervisory Boards) in the Activities of Business Entities: Legal Forms and Implications 17

Filippova S. Yu., Shitkina I. S. Organizational Unity as a Characteristic of a Legal Entity 29

Kokova D. A. The Family in Public Policy Focus and Its Impact on the Method of Family Law Regulation 44

Grin O. S. Ensuring Breached Obligations: Admissibility of a Theoretical Design 57

Ibadova L. T. Multilateral Agreements in Russian Civil Law: Problems of Theory and Practice 66

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

Rastoropov S. V., Artamonova E. A. Procedural Status of Persons Specified in Part 3 of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation 77

Garmayev Yu. P. The Needs of Corruption Crimes Investigation and Main Directions of Forensic Research 89

Skripchenko N. Yu. Problems of Implementing Criminal Liability for Battery Committed by a Person with a Criminal Record 102

Ivanova T. N. Determining the Range of Persons Liable for Harm Caused by a Highly Automated Vehicle 113

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Bleshchik A. V. Procedures and Tools of Legal Expertise of Legal Acts as Elements of Its Methodology 122

Gorodov O. A., Semenovich K. S. Reflections on Carbon Units and Climate Projects 133

Recommended by the Higher Attestation Comission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.009-016

И. Э. Звечаровский
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Уголовно-правовая политика России на современном этапе

Резюме. В период 2022–2025 гг. развитие уголовного законодательства подвержено влиянию геополитической обстановки в Российской Федерации. Это привело к возникновению новых составов уголовно наказуемых деяний (например, ст. 78.1, 80.2 УК РФ) и изменению базовых положений уголовного закона (таких как ст. 48, 35 УК РФ). При этом сохраняется высокий уровень фактически не работающих норм. Так, в 2024 г. не применялась примерно пятая часть статей Особенной части УК РФ. Это может свидетельствовать не о превентивном эффекте уголовного закона, а о неэффективности и (или) необоснованности установленных правил. В правоприменительной практике обнаруживается тенденция ко всё большей автономности судебной власти, не всегда следующей букве закона. Обоснована необходимость реформирования отдельных институтов Общей части УК РФ, в частности унификации оснований уголовной ответственности (с учетом примеров УК Беларуси), уточнения форм вины, детализации положений, касающихся совершения преступлений группой лиц с вовлечением тех субъектов, которые не подлежат привлечению к уголовной ответственности. В ходе исследования обращено внимание, что расширение оснований освобождения от ответственности не привело к снижению рецидива среди осужденных за преступления небольшой и средней тяжести. При этом обнаруживается большое количество неприменяемых мер наказаний, что в целом ставит под сомнение эффективность такой системы. Подчеркнута важность информированности населения о возможности освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовный закон; уголовная политика; превенция; система наказаний; преступление; основания освобождения от ответственности; наказание; рецидив; форма вины; субъект преступления
Для цитирования: Звечаровский И. Э. Уголовно-правовая политика России на современном этапе. *Lex russica.* 2026. Т. 79. № 3. С. 9–16. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.009-016

Criminal Law Policy of Russia at the Present Stage

Igor E. Zvecharovskiy
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the period 2022–2025 the development of criminal legislation was influenced by the geopolitical situation in the Russian Federation. This has led to the emergence of new compositions of criminal offences (for example, Articles 781 and 802 of the Criminal Code of the Russian Federation) and to amendments in fundamental provisions of criminal law (for example, Articles 48 and 35 of the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, a significant proportion of statutory provisions remains effectively non-operational. Thus, in 2024 one-fifth of the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation were not applied. This may indicate, not a preventive effect of criminal law, but rather the ineffectiveness and/or unreasonableness of the established norms. Law-enforcement practice shows a tendency toward increasing judicial autonomy,

© Звечаровский И. Э., 2026

which does not always adhere strictly to the letter of the law. Therefore, reforming certain institutions in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation is justified: in particular, there is a need to unify the grounds for criminal liability (with reference to examples in the Criminal Code of Belarus), to clarify the forms of guilt, and to specify provisions concerning the commission of crimes by multiple persons that involve subjects (perpetrators) who are not criminally liable. The study further notes that the expansion of grounds for exemption from liability has not led to a decrease in recidivism among persons convicted of offences of minor and medium severity. This reveals a substantial number of inapplicable penalties and thus casts doubt on the effectiveness of the system. The study emphasizes the importance of public awareness about the possibility of exemption from criminal liability.

Keywords: criminal law; criminal policy; prevention; punishment system; crime; grounds for exemption from liability; punishment; relapse; form of guilt; perpetrator

Cite as: Zvecharovskiy IE. Criminal Law Policy of Russia at the Present Stage. *Lex russica.* 2026;79(3):9-16. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.009-016

Уголовно-правовая политика представляет собой направление деятельности органов государственной власти в области борьбы с преступностью, основанное на разработке, принятии и реализации уголовного законодательства. Традиционно считается, что уголовно-правовая политика реализуется в трех основных формах: правотворчестве, правоприменении и правовом воспитании.

В плане общей характеристики уголовно-правовой политики в форме **правотворчества** приведу следующие данные. За весь период действия УК РФ 1996 г. утратили силу 12 статей Особенной части, дополнен же Кодекс в этой части 161 статьей. Количество уголовно-правовых запретов в форме статей увеличилось почти на 60 %. Примечательно, что наиболее активно в этом вопросе законодатель вел себя применительно к разд. VIII «Преступления в сфере экономики».

Воздержусь от упреков законодателя в чрезмерном увлечении *криминализацией* и отмечу, что в механизме уголовно-правового регулирования этот процесс *всегда по определению доминирует над декриминализацией*. Вместе с тем укажу и на другое: *наблюдается неуклонный рост количества законодательных новелл, которые вообще не применяются на практике.* По итогам 2024 г. ни одного осужденного не было почти по 60 статьям Особенной части УК РФ, а это примерно пятая часть всех статей данной части Кодекса. В связи с этим особо подчеркну: *в российском правоприменении неработающие статьи Особенной части УК более подтверждают необоснованность дополнения ими уголовного закона, чем их предупредительный, сдерживающий эффект.*

Сегодня, в начале 2026 г., мы, конечно же, не можем не учитывать условия, в которых уголовно-правовая политика реализовывалась прежде всего в ближайшие годы, предшествующие этой дате.

В период 2022–2025 гг. вполне объяснимо внимание российского законодателя было сосредоточено на должном и оперативном обеспечении правового регулирования вопросов, связанных с проведением специальной военной операции (СВО). Данное обстоятельство определяло и формы, и характер изменений и дополнений в большинстве отраслей отечественного законодательства, включая уголовное.

Наверное, в первый раз мы заметили влияние названного обстоятельства на развитие уголовного законодательства тогда, когда Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ[1] была исключена часть 3 ст. 331 УК РФ, согласно которой «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени». Данное решение по-разному было воспринято специалистами. На мой взгляд, оно было вполне ожидаемым и верным по сути, т.к. нельзя создать то, чего не знаешь, — *законодательство военного времени, не оказавшись в этом времени.*

Сегодня, если оглянуться назад, есть основания полагать, что *с проведением СВО и в ее период мы получаем не только боевой, политический, социально-экономический, но и правовой опыт.* Принятие и реализация Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной воен-

[1] СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6535.

ной операции»[2] — очередное тому подтверждение. Данный Закон не был инкорпорирован в уголовное законодательство РФ, как того требует часть 1 ст. 1 УК РФ, а потому до марта 2024 г., а точнее до принятия Федерального закона от 23.03.2024 № 61-ФЗ[3], действовал как бы сам по себе, вне системы уголовного законодательства России. Федеральным законом также от 23.03.2024 только за номером 64-ФЗ[4] соответствующие положения утратившего силу Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ были помещены в УК РФ. Отмечу, что данным Федеральным законом был дополнен и УПК РФ в отношении реализации новых статей 78.1, 80.2 и части 3.1 ст. 86 УК РФ, чего ранее не было сделано.

В плане краткой и самой общей характеристики этих законодательных новелл необходимо обратить внимание на два момента.

Во-первых, при освобождении от уголовной ответственности по ст. 78.1 УК РФ или от отбывания наказания по ст. 80.2 УК РФ *условными являются не названные акты, а приостановление в первом случае производства по уголовному делу, а во втором — исполнения наказания по ходатайству командования воинской части (учреждения). И это, кажется, совершенно иная условность в сравнении с той, о которой мы обычно говорим применительно к ст. 76.2, 79, 90 УК РФ*.

Во-вторых, с принятием Федерального закона от 23.03.2024 № 64 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в отечественном уголовном законодательстве наряду с традиционным понятием досрочного снятия судимости появилось, на первый взгляд, неожиданное, но с правовой точки зрения вполне допустимое в отношении определенных категорий осужденных *понятие досрочного погашения судимости* (ч. 3.1 ст. 86 УК РФ)**.**

И еще об одной группе наиболее значимых дополнений и изменений уголовного законодательства, так или иначе обусловленных проведением СВО. Речь идет о серьезной корректировке гл. 29 Особенной части УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» (прежде всего о дополнении ее ст. 275.1, 276.1, 280.3, 280.4, 281.3, 282.4, 284.2, 284.3). Следует отметить, что в правоприменении эти законодательные новеллы стали вполне востребованными, о чем свидетельствует официальная статистика. Исключение составляет статья 281.3 «Организация диверсионного сообщества и участие в нем», которой УК РФ был дополнен Федеральным законом от 29.12.2022 № 586-ФЗ[5]. За 2023–2024 гг. по этой статье был осужден всего один человек.

Среди изменений и дополнений уголовного законодательства, обусловленных проведением СВО, были и другие, возможно не столь заметные, но тем не менее значимые. Некоторые из них затрагивали *фундаментальные* положения отечественного уголовного законодательства. Наглядным примером здесь может служить Федеральный закон от 14.02.2024 № 11-ФЗ[6], согласно которому существовавшая до этого в ст. 48 УК РФ дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категории преступления была дополнена перечнем конкретных видов преступлений. Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ[7] интересен тем, что в нем содержатся изменения, касающиеся, в частности, возраста уголовной ответственности (ч. 2 ст. 20 УК РФ), ответственности соучастников (ч. 5 ст. 35 УК РФ).

И, пожалуй, еще об одном аспекте формирования уголовного законодательства в рассматриваемый период — поощрительных нормах в уголовном праве. Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ УК РФ был дополнен статьей 352.1 с примечанием, согласно которому «военнослужащий, впервые совершивший преступление, предусмотренное настоящей статьей, может быть освобожден от уголовной ответственности, если он принял меры для своего освобождения, возвратился в часть или к месту службы и не совершил во время пребывания в плену других преступлений». Оставляя без внимания социально-правовую характеристику данной нормы, отмечу, что таким образом количество статей Особенной части

[2] СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4678.
[3] СЗ РФ. 2024. № 13. Ст. 1684.
[4] СЗ РФ. 2024. № 13. Ст. 1687.
[5] СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 33.
[6] СЗ РФ. 2024. № 8. Ст. 1038.
[7] СЗ РФ. 2025. № 47. Ст. 7048.

УК РФ, сопровождаемых подобного рода примечаниями, достигло 59 с распространением их действия на 66 статей (примечание к ст. 122 имеет иное значение).

В рассматриваемый период в УК РФ естественно вносились изменения и дополнения, не связанные с проведением СВО. Среди них, наверное, следует обратить внимание на корректировки гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», и в частности на статью 172.4 «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц» (введена Федеральным законом от 10.07.2023 № 323-ФЗ[8]). Сколько было шума в СМИ по поводу такого рода деятельности, однако, как оказалось, из ничего. Ни одного осужденного за весь период действия (2024–2025 гг.) этой статьи. В связи с этим по итогам 2025 г. будет интересно посмотреть, как под флагом борьбы с так называемыми дропперами сработают дополнения ст. 187 УК РФ частями 3–6[9].

Серьезные дополнения получила глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ. Несколькими федеральными законами (от 14.07.2022 № 260-ФЗ, от 30.11.2024 № 421-ФЗ, от 31.07.2025 № 282-ФЗ)[10] она дополнена пятью статьями (ст. 272.1, 274.2, 274.3, 274.4, 274.5). Учитывая небольшой период действия большинства из этих новелл, говорить о судебной практике их применения не приходится, однако по первым двум статьям (ст. 272.1, 274.2), действующим соответственно с 2022 и 2024 г., на сегодняшний день осужден всего один человек. И это при высоком удельном весе преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (около 40 %), и ежегодном неуклонном росте этого показателя (10–15 %).

Рассуждая далее о правотворчестве в сфере уголовного законодательства, обращу внимание на вопрос о том, что *не сделано* в этой сфере.

В апреле 2025 г. кафедрой уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с Верховным Судом РФ, а также журналом «Уголовное право» была проведена научно-практическая конференция «Единообразие судебной практики в уголовном праве». Один из итогов этого собрания заслуживает особого внимания: было отмечено безоговорочное признание точки зрения, что судебная власть в правоприменении не только продолжает укреплять самостоятельность, но и, по сути, сохраняет автономность по отношению к некоторым принципиальным положениям УК РФ.

Сегодня обнаруживается ситуация, при которой необходимо подчинять либо судебное правоприменение закону, либо наоборот. Важно подчеркнуть, что никто не посягает на святое: *уголовно-правовые запреты, наказания и иные меры уголовно-правового характера должны быть предусмотрены только УК РФ. Но, во-первых, уже давно, если даже так было не всегда, уголовное законодательство состоит не только из Кодекса, как это предусмотрено в нем (ч. 1 ст. 1), а во-вторых, при установлении преступности содеянного и его квалификации практически повсеместно учитывается разъяснительная практика Верховного Суда РФ. Так, может быть, названные обстоятельства настало время отразить в уголовном законе и не переживать при этом за нерушимый по-прежнему авторитет принципа законности?*

Далее, как известно, по уголовному законодательству России, за некоторыми исключениями, уголовно наказуемым является не только оконченное, но и неоконченное преступление. В последние годы ежегодно около 5–7 % преступлений от общего количества зарегистрированных выявляются на стадиях приготовления или покушения. Причем при ежегодном снижении количества выявленных преступлений (по сравнению с 2020 г. в 2024 г. такое снижение составило 132,9 тыс. преступлений) показатель неоконченных преступлений имеет неуклонную тенденцию к росту. Так, если в 2020 г. органами внутренних дел было выявлено около 88 тыс. таких преступлений, то в 2024 г. уже 118 тыс.

Остается открытым вопрос, на каком основании лица, совершившие неоконченное преступление, привлекаются к уголовной ответственности, если согласно ст. 8 УК РФ основанием такой ответственности выступает наличие в содеянном *всех признаков состава преступления.* В данном случае речь идет о составах соответственно оконченного и неоконченного

[8] СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5341.

[9] Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3506.

[10] СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5227.

преступлений. В любом учебнике по уголовному праву говорится о другом: обязательным признаком преступления с материальным составом выступают последствия, с формальным — общественно опасное деяние. Некоторые из ближайших соседей Российской Федерации, однажды позаимствовав редакцию ст. 8 УК РФ, уже давно навели в этом вопросе порядок (ст. 10 УК Республики Беларусь, ст. 14 УК Республики Армения). Возможно, аналогичные действия необходимо предпринять на уровне российского законодательства. При этом нужно сразу решить вопрос и об основании уголовной ответственности при соучастии, как это сделано в ст. 10 УК Республики Беларусь.

Отвечая на вопрос, что необходимо сделать в уголовном законодательстве с точки зрения единообразного, а значит и стабильного, его применения, обратим внимание еще на две проблемы, решение которых лежит на поверхности.

Во-первых, следует наконец навести порядок в УК РФ с разграничением умышленных и неосторожных преступлений, для чего в ч. 2 ст. 24 предусмотреть правило примерно такого содержания: *Преступление признается совершенным по неосторожности, если указание на эту форму вины содержится в статьях Особенной части настоящего Кодекса.* В развитие этого правила нужно внести соответствующие изменения в Особенную часть.

Во-вторых, необходимо полноценно регламентировать в УК РФ проблему множественности лиц: 1) усовершенствовать ст. 32 и 2) дополнить Кодекс положениями о совершении преступлений с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности. В первом случае следует добавить в редакцию ст. 32 УК РФ указание *на двух или более лиц*, *способных подлежать уголовной ответственности*, во втором — все квалифицированные составы преступлений в Особенной части дополнить промежуточным между основным и квалифицированным составами признаком совершения преступления *с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности.*

Что касается такой формы реализации уголовно-правовой политики, как **правоприменение,** то прежде всего следует обратить внимание на позицию Верховного Суда РФ в этом процессе. Изначально особая роль Суда от всех других субъектов правоприменения отличалась следующим.

С одной стороны, Пленум Верховного Суда РФ был не столь активен в разъяснении уголовного законодательства, как, например, в 2008, 2013 и 2018 гг., когда было принято шесть постановлений, непосредственно касающихся вопросов применения уголовного законодательства. В 2020 г. из 47 постановлений таких было четыре. Однако уже в 2021 г. Пленум Верховного Суда РФ лишь однажды дал судам разъяснения в форме постановления по вопросам судебной практики в области применения уголовного законодательства (от 28.10.2021 № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»[11]). С другой стороны, в период 2022–2025 гг. Пленум Верховного Суда РФ, как никогда ранее, был активен в принятии так называемых тематических постановлений, которые, как известно, наиболее значимы для стабильного правоприменения.

Из 10 постановлений Пленума Верховного Суда РФ, принятых в этот период, такой характер носили семь. Среди них впервые принятыми во время действия УК РФ 1996 г. были следующие постановления: от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”»; от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)»; от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях»; от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания». Впервые в отечественной судебной практике было принято давно ожидаемое всеми субъектами правоприменения постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2025 № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона»[12]. В рассматриваемый период Верховный Суд РФ реализовывал свои

[11] БВС РФ. 2021. № 12.

[12] БВС РФ. 2025. № 8.

полномочия как субъект законодательной инициативы по изменению и дополнению уголовного законодательства[13].

Отдельное внимание следует уделить вопросам правоприменения, субъектами которого выступают и судебные, и правоохранительные органы. Первоначально раскроем указанный аспект на досудебных и судебной стадиях уголовного преследования, не связанного с постановлением обвинительного приговора.

С момента вступления в силу УК РФ 1996 г. в стране кардинально изменилась структура ведения официальной статистики преступности. Изменение содержания категорий преступлений небольшой и средней тяжести, наиболее заметное по итогам корректировок уголовного законодательства в 2003, 2011 и 2019 гг., обусловило рост удельного веса таких преступлений в структуре преступности с 43 до 68 %. В период 2012–2018 гг. этот показатель достигал значения в 75 %.

Предполагается, что закономерной с учетом изложенного является попытка Верховного Суда РФ дополнить УК РФ понятием уголовного проступка. Реакцией законодателя на это стало значительное расширение перечня оснований освобождения от уголовной ответственности по этим категориям преступлений на случай совершения их впервые. Если в последний год действия УК РСФСР 1960 г. в нем содержались 4 вида освобождения от уголовной ответственности по нормам Общей части (ст. 10, 50) и 6 по положениям Особенной части (примечания к ст. 64, 77.2, 174, 213.3, 218, 224), то в УК РФ 1996 г. уже на момент вступления в силу были предусмотрены 6 видов в Общей части (ст. 75–78) и 13 в Особенной (примечания к ст. 126, 204, 205, 206, 208, 222, 223, 228, 275, 291, 307, 337, 338). На сегодняшний день Общая часть дополнена тремя видами освобождения от уголовной ответственности.

Как это ни парадоксально, но активность законодателя в рассматриваемом направлении не привела ни к количественным, ни к качественным изменениям в части уголовно-правового реагирования на преступность небольшой и средней тяжести. Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствуют о том, что количество дел, прекращенных по нереабилитирующим основаниям, не только не растет, но и в последние пять лет неуклонно падает (принимаются во внимание только те из них, которые связаны с освобождением от уголовной ответственности). В 2015 г. этот показатель составлял 176 858 дел, в 2020 г. — 175 562, в 2024 г. — 111 314 (снижение более чем на 60 тыс.), по итогам первого полугодия 2025 г. — всего 45 920 уголовных дел[14].

По-прежнему не применяется статья 76.1 УК РФ, несмотря на переименование и изменение размера санкции. Однако наибольший дестабилизирующий эффект в рассматриваемом направлении дала статья 76.2 УК РФ, которая первоначально применялась в отношении тех, кого ранее привлекали по ст. 76. Если в 2015 г., т.е. до принятия ст. 76.2 Кодекса, допустимо было помирить лицо, совершившее преступление, с потерпевшим по 160 тыс. уголовных дел по ст. 76 УК РФ, то уже в 2017 г. этот показатель составил 135 956 дел (около 20 тыс. ушло на судебный штраф). По итогам 2019 г. он уже равнялся 106 090 делам с примирением с потерпевшим (около 52 тыс. — с судебным штрафом). С 2021 г. начинается падение показателей применения не только ст. 76, но и ст. 76.2 УК РФ. По итогам 2024 г. по этим основаниям прекращено всего 81 571 и 13 060 уголовных дел, результаты 2025 г. будут еще ниже.

Существующие меры уголовно-правового характера не приводят к положительным качественным изменениям уровня преступности небольшой и средней тяжести. Так, по итогам 2024 г. от общего числа лиц, совершение которыми преступлений названных категорий было выявлено, было осуждено около 26 %. Однако 42 % из них имели непогашенные или неснятые судимости, причем около половины — по две, три и более.

Возникает резонный вопрос о допустимых способах изменения сложившейся ситуации. Для этого необходимо совершить ряд важных действий.

Во-первых, необходимо унифицировать основания освобождения от уголовной ответственности. Как показывает практика Научно-

[13] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2024 № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в статью 82 Уголовного кодекса Российской Федерации”» (документ опубликован не был).

[14] Здесь и далее приводятся данные судебной статистики из основных и сводных статистических сведений о состоянии судимости в России за соответствующий период, подготовленных Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. См.: URL: https://cdep.ru.

консультативного совета при Минюсте России, стремление решить этот вопрос присутствует постоянно (в частности, он рассматривался в связи с возмещением ущерба от преступления, примирением с потерпевшим).

Во-вторых, в УПК РФ, а не в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ следует закрепить, что лицо, совершившее преступление, имеет право избирать из предусмотренных законом выгодный для него вариант прекращения уголовного дела или уголовного преследования при наличии к тому оснований и соответствующих условий.

В-третьих, уже давно настало время посмотреть более внимательно на показатели успешности работы органов досудебного уголовного судопроизводства, и в частности на количество уголовных дел, направленных в суд.

В качестве завершающего раздела необходимо высказать ряд ключевых идей о применении мер уголовно-правового характера, связанных с постановлением обвинительного приговора.

Из видов уголовного наказания, предусмотренных статьей 44 УК РФ, не применяются два: арест и смертная казнь. Предполагается, что настало время исключить арест из УК РФ ввиду нецелесообразности его закрепления. Его применение не связано с отсутствием условий для исполнения. Наличие на протяжении почти 30 лет неработающего вида уголовного наказания в перечне других видов в ст. 44 УК РФ, который называется «система наказаний», неминуемо заставляет усомниться в обоснованности такой системы.

Относительно смертной казни следует отметить, что не имеет значения, что именно положено в основу неприменения данного вида уголовного наказания: гуманизм, экономия уголовной репрессии и пр., однако важно обосновать такое неприменение с правовой точки зрения. Смертная казнь — это вид уголовного наказания, предусмотренный в уголовном законодательстве. Последнее относится к числу федеральных законов, а те, в свою очередь, — к ве́дению Государственной Думы ФС РФ. Следовательно, вопрос о неприменении данного вида наказания, равно как и о его отмене, относится к компетенции Государственной Думы, которая с момента принятия УК РФ 1996 г. по этому поводу не меняла позиции. Аналогичным образом не ставился вопрос и о конституционности данного вида уголовного наказания.

В плане общей характеристики структуры мер уголовно-правового характера, применяемых при постановлении обвинительного приговора суда, необходимо отметить одно интересное обстоятельство: в 2024 г. в отношении почти 77 % выявленных лиц, совершивших преступления, состоялось осуждение постановлением обвинительного приговора, вступившим в законную силу. Это самый высокий показатель неотвратимости уголовной ответственности с 2003 г.

С 2020 по 2024 г. на 3 % вырос удельный вес женщин в общем количестве осужденных; на 6 % снизился показатель условного осуждения к лишению свободы, на 4–5 % вырос штраф. Наконец-то заработала предусмотренная в УК РФ в 2011 г. и вступившая в силу в 2017 г. альтернатива лишению свободы в виде принудительных работ (ст. 53.1 УК РФ). В 2024 г. этот вид наказания был назначен 21 389 осужденным, в то время как в 2020 г. — всего 992. Однако в 2024 г. в отношении почти 11 тыс. осужденных к принудительным работам (т.е. более чем половины от общего числа осужденных к этой мере) было *удовлетворено* представление начальников исправительных центров о замене принудительных работ реальным лишением свободы. Всего таких представлений было около 17 тыс.

Если учесть, что вопрос о замене наказаний, не связанных с лишением свободы, актуален в отношении практически любого вида такого наказания (в меньшей степени это касается штрафа), то следует признать, что действительной альтернативы реальному лишению свободы в УК РФ нет. Вопрос о том, нужна ли такая альтернатива с учетом качественной характеристики тех, кто осуждается к такой мере, выходит за рамки настоящей позиции и нуждается в дополнительной дискуссии.

В последние годы обнаруживается острая проблема с исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении неграждан РФ. Неслучайно в связи с этим в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 40 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания”» даны разъяснения, касающиеся назначения двух видов таких наказаний: исправительных и принудительных работ[15]. Практика покажет их действенность, однако уже на дан-

[15] Российская газета. 16.01.2026. № 7.

ном этапе очевидно, что без законодательных корректировок не обойтись.

В завершение необходимо отметить еще один крайне важный аспект реализации уголовно-правовой политики. В последние годы стало неактуальным рассуждать о такой ее форме, как **правовое воспитание.** Значимость указанной темы не предполагает более длительного ее раскрытия. В то же время важно высказать несколько ключевых идей в отношении того, что, по моему убеждению, называется *информационным аспектом действия уголовного закона*. В последние 10 лет ежегодно в структуре выявляемых в России преступлений около 70 % относятся к преступлениям небольшой и средней тяжести. По итогам 2024 г. этот показатель составил 68 %, за восемь месяцев 2025 г. — 65 % при снижении общего количества зарегистрированных преступлений на 4,5 %. Среди лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, около 40 % совершили преступление впервые, т.е. они могли бы претендовать на освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 75–76.2 УК РФ. Однако остается открытым вопрос, проинформированы ли и осведомлены ли такие лица о предусмотренной законом возможности быть освобожденными от уголовного наказания. Аналогичный вопрос уместен и в отношении особенностей применения ст. 31 УК РФ.

Подводя итог изложенному, можно заключить, что российский законодатель в целом адекватно и своевременно реагирует на состояние криминогенной обстановки в обществе. Вместе с тем очевидно, что в решении некоторых проблем, главным образом социально-экономического характера, доминирующими должны быть механизмы, отличные от уголовно-правового регулирования и охраны.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Звечаровский Игорь Эдуардович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
iezvecharovkij@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor E. Zvecharovskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
iezvecharovkij@msal.ru

Материал поступил в редакцию 3 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 14 февраля 2026 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 03.03.2025.
Revised 14.02.2026.
Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.017-028

А. В. Габов
Институт государства и права Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация

Дистанционные формы участия членов советов директоров (наблюдательных советов) хозяйственных обществ в их деятельности

Резюме. В статье исследуются содержание и проблемы применения положений законодательства об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью о принятии решений коллегиальными органами управления указанных хозяйственных обществ (советом директоров и коллегиальным исполнительным органом) с использованием дистанционных электронных форм участия. Соответствующие изменения, внесенные в федеральные законы от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» в 2024 г., стали развитием регулирования дистанционных форм участия в заседаниях (с помощью электронных либо иных технических средств), которые были легализованы после принятия Федерального закона от 28.06.2021 № 225-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Если статья 181.2 ГК РФ устанавливает общие положения о возможности проведения заседаний любыми гражданско-правовыми сообществами (и принятия ими решений), то изменения 2024 г. создали специальное регулирование именно для проведения заседаний и принятия решений дистанционно (с помощью электронных либо иных технических средств) советами директоров (наблюдательными советами) хозяйственного общества. Автор детально исследует особенности нового регулирования, отмечая его отличия от регламентации дистанционного участия в заседаниях общих собраний акционеров АО и участников ООО. Указываются также различия в подходах к регулированию между двумя вышеупомянутыми законами. В работе сформулированы выводы об основных проблемах текущего регулирования, способах их преодоления, предложения по его изменению.

Ключевые слова: хозяйственное общество; акционерное общество; общество с ограниченной ответственностью; корпоративное управление; совет директоров; решение собрания; дистанционное участие; голосование; электронная подпись

Для цитирования: Габов А. В. Дистанционные формы участия членов советов директоров (наблюдательных советов) хозяйственных обществ в их деятельности. *Lex russica.* 2026. Т. 79. № 3. С. 17–28. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.017-028

Remote Participation by Members of Boards of Directors (Supervisory Boards) in the Activities of Business Entities: Legal Forms and Implications

Andrey V. Gabov
Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the substance and practical issues arising from the application of statutory provisions governing decision-making by collegial management bodies of business entities — namely, boards of directors (supervisory boards) and collegial executive bodies — through remote electronic forms of participation.

© Габов А. В., 2026

The relevant amendments introduced in 2024 to Federal Law No. 208-FZ dated 26 December 1995 «On Joint-Stock Companies» and Federal Law No. 14-FZ dated 8 February 1998 «On Limited Liability Companies» further developed the regulation of remote participation in meetings (by electronic or other technical means), which had been formally recognized following the adoption of Federal Law No. 225-FZ dated 28 June 2021 «On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation». Whereas the Civil Code of the Russian Federation (Article 181.2) establishes general provisions on the possibility of holding meetings and adopting decisions by civil-law communities, the 2024 amendments introduced special rules specifically governing the remote conduct of meetings and the adoption of decisions (through electronic or other technical means) by boards of directors (supervisory boards) of business entities. The author analyzes in detail the distinctive features of this new regulatory framework, highlighting its differences from the rules governing remote participation in general meetings of shareholders of joint-stock companies and in general meetings of participants of limited liability companies. The study also identifies divergences in regulatory approaches between the two federal laws. The paper formulates conclusions regarding the principal shortcomings of the current regulation, proposes means of addressing them, and advances specific recommendations for legislative reform.
Keywords: economic company; joint stock company; limited liability company; corporate governance; board of directors; resolution of the meeting; remote participation; voting; electronic signature
Cite as: Gabov AV. Remote Participation by Members of Boards of Directors (Supervisory Boards) in the Activities of Business Entities: Legal Forms and Implications. *Lex russica.* 2026;79(3):17-28. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.017-028

Введение

Необходимость использования дистанционных форм взаимодействия в процессе деятельности совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества была отмечена в качестве рекомендации еще в Кодексе корпоративного управления 2014 г.[1] Среди прочего предлагалось во внутренних документах АО закрепить положения: о том, что при проведении заседаний совета в очной форме для определения наличия кворума и результатов голосования учитывается письменное мнение по вопросам повестки дня заседания члена совета, отсутствующего на заседании; о порядке получения письменного мнения члена совета, обеспечивающем его оперативное направление и получение (например, посредством телефонной или электронной связи); о предоставлении отсутствующим в месте проведения заседания членам совета возможности участия в обсуждении вопросов повестки дня и голосования дистанционно — с помощью конференц- и видео-конференц-связи.

Отметим, что соответствующие формы участия формально не были прямо или косвенно запрещены и до появления этих рекомендаций, однако отсутствие должного нормативного регулирования являлось сдерживающим фактором для их использования, прежде всего в силу опасений относительно корректности фиксации волеизъявления члена совета; возникало некоторое беспокойство касательно оспоримости тех решений, которые могли быть приняты с использованием электронных дистанционных форм участия. Впрочем, отметим, что появление соответствующих разъяснений создавало довольно зыбкую опору для применения таких форм в силу отсутствия обязательного характера, а также главным образом в силу того, что они были сформулированы в очень общем виде и не содержали конкретики. Тем не менее применение данных форм взаимодействия квалифицировалось в качестве наилучших (рекомендуемых) практик корпоративного управления.

В развитие этих рекомендаций Банк России выпускает еще одну — письмо от 15.09.2016

[1] Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // СПС «КонсультантПлюс».
Подробно о развитии регулирования дистанционных электронных форм взаимодействия в процессе корпоративного управления см.: *Габов А. В.* Электронное взаимодействие и цифровые технологии в корпоративном управлении акционерным обществом в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 24–64.
О влиянии цифровизации на классические правоотношения, включая корпоративные, также см.: *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 112.

№ ИН-015-52/66 «О положениях о совете директоров и о комитетах совета директоров публичного акционерного общества»[2]. В рекомендованном этим документом примерном положении о совете директоров ПАО, в разделе о созыве и порядке проведения заседаний совета директоров, содержится пункт 7.11, согласно которому отсутствующие в месте проведения заседания члены совета вправе участвовать в обсуждении вопросов повестки дня и голосовании дистанционно — посредством конференц- и видео-конференц-связи[3]. Позднее Банк России в информационном письме от 26.04.2019 № ИН-06-28/41 о рекомендациях по организации и проведению самооценки эффективности совета директоров (наблюдательного совета) в публичных акционерных обществах[4] указал среди способов (методов) проведения самооценки результаты анализа «видеозаписей заседаний и записей при проведении заседаний совета директоров в форме конференц-связи». Несмотря на отсутствие определений видео-конференц-связи и конференц-связи, можно было понять, что в первом случае речь идет о технологии, которая позволяет двум и более пользователям, находящимся в разных местах, видеть друг друга, осуществлять при таком визуальном контакте обмен информацией, а во втором — о возможности обмена информацией по телефону (по существу, о групповом телефонном звонке, при котором пользователи могут поддерживать разговор со всеми одновременно, но не иметь видеоконтакта). При этом дистанционные пользователи считались отсутствующими на заседании, однако соответствующие технические средства позволяли им участвовать в обсуждении и осуществлять волеизъявление. Такого рода взаимодействие стало вполне обыденной практикой для российских кор-пораций.

Думается, что со временем указанные рекомендации, апробированные соответствующей практикой, органично получили бы развитие в правовых нормах, однако такое развитие было резко ускорено после 2020 г., когда мир столкнулся с пандемией коронавирусной инфекции. Для преодоления ее негативных последствий повсеместно стали активно использоваться дистанционные формы взаимодействия в различных сферах общественной жизни, включая и проведение корпоративных мероприятий, таких как заседания коллегиальных органов корпораций[5], причем завершение острой фазы пандемии не сказалось на их популярности. Широкое применение указанных форм взаимодействия выявило острую необходимость адекватного нормативного регулирования.

В России первый шаг к системному решению этого вопроса был сделан в 2021 г., когда был принят Федеральный закон от 28.06.2021 № 225-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»[6]. Этим Законом[7] создан корпус наиболее общих положений об участии в заседаниях членов любых гражданско-правовых сообществ[8]

---

[2] СПС «КонсультантПлюс».

[3] Указанное слово приведено здесь так, как в тексте документа и в Орфографическом словаре русского языка как государственного языка Российской Федерации (URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari). Обратим внимание, что его написание в других документах, в частности в уставах и внутренних документах корпораций, различается, однако при воспроизведении их положений будет использовано данное написание.

[4] См.: URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/59420/20190426_in-06-28_41.pdf (дата обращения: 28.01.2026).

[5] См., например: *Zetzsche D.*, *Anker-Sørensen L.*, *Consiglio R.*, *Yeboah-Smith M.* The COVID-19-Crisis and Company Law — Towards Virtual Shareholder Meetings. University of Luxembourg Faculty of Law, Economics & Finance WPS 2020-007. June 15, 2020 // URL: https://ssrn.com/abstract=3576707 (дата обращения: 12.01.2026) ; *Габов А. В.*, *Меребашвили Т. А.* Права владельцев акций и корпоративное управление в акционерных обществах в период пандемии // Закон. 2021. № 10. С. 121–134 ; *Лаптев В. А.*, *Чуча С. Ю.*, *Фейзрахманова Д. Р.* Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 234.

[6] СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5053.

[7] Подробный анализ см.: *Габов А. В.* Участие акционера в управлении акционерным обществом с использованием электронных или иных технических средств // Право гражданское: идеи профессора Б. М. Гонгало и современная доктрина : К 70-летию Б. М. Гонгало / под ред. Л. А. Новоселовой ; сост. Д. В. Братусь ; УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, каф. гражд. права. М. : Статут, 2026. С. 66–72.

[8] В соответствии с п. 103 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»

дистанционно (с помощью электронных либо иных технических средств).

В развитие этих положений позднее был принят Федеральный закон от 08.08.2024 № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[9], которым были установлены специальные нормы[10]:

— о возможности участия в заседании совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества дистанционно с помощью электронных либо иных технических средств (пункт 44 ст. 1 Федерального закона от 08.08.2024 № 287-ФЗ, которым внесены изменения в ст. 68 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[11] (далее — Закон об акционерных обществах));

— о возможности дистанционного участия в заседании совета директоров (наблюдательного совета) общества с ограниченной ответственностью (пункт 7 ст. 4 Федерального закона от 08.08.2024 № 287-ФЗ, которым внесены изменения в ст. 32 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[12] (далее — Закон об обществах с ограниченной ответственностью)).

Рассмотрим подробнее указанные изменения и те возможности, которые они предоставляют корпорациям — хозяйственным обществам для организации их управления.

Основная часть

Как уже было отмечено, новое регулирование сосредоточено в ст. 68 Закона об акционерных обществах и ст. 32 Закона об обществах с ограниченной ответственностью. Изменения в обе указанные статьи вносились одним и тем же Законом — Федеральным законом от 08.08.2024 № 287-ФЗ, что наталкивает на предположение о сходстве подходов к регулированию, однако в содержании этих статей усматриваются различия, которые очень сложно объяснить (см. таблицу 1).

Таблица 1

Сравнение ст. 68 Закона об акционерных обществах и ст. 32 Закона об обществах с ограниченной ответственностью в части дистанционного участия

Статья 68 Закона об акционерных обществах		Статья 32 Закона об обществах с ограниченной ответственностью	
Пункт	**Содержание**	**Пункт**	**Содержание**
П. 1.1 (отдельный пункт; не содержит иного регулирования)	Участие в заседании совета директоров (наблюдательного совета) общества может осуществляться дистанционно *с помощью электронных либо иных технических средств, если при этом используются способы, позволяющие*	П. 3.1 (часть первого абзаца)	Участие в заседании совета директоров (наблюдательного совета) общества может осуществляться дистанционно. Заседание совета директоров (наблюдательного совета) общества с дистанционным участием может проводить-

под решениями собраний понимаются решения гражданско-правового сообщества, т.е. определенной группы лиц, наделенной полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений; к решениям собраний относятся решения коллегиальных органов управления юридического лица (собраний участников, советов директоров и т.д.), решения собраний кредиторов, а также комитета кредиторов при банкротстве, решения долевых собственников, в том числе собственников помещений в многоквартирном доме или нежилом здании, решения участников общей долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения.

9 СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4983.

10 В части дистанционного участия в заседаниях советов директоров (наблюдательных советов) вступили в силу с 1 марта 2025 г.

11 СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

12 СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

Статья 68 Закона об акционерных обществах		**Статья 32 Закона об обществах с ограниченной ответственностью**	
Пункт	**Содержание**	**Пункт**	**Содержание**
	достоверно установить лицо, принимающее дистанционное участие в заседании, и предоставляющие такому лицу возможность участвовать в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать по вопросам повестки дня, поставленным на голосование. Заседание совета директоров (наблюдательного совета) общества с дистанционным участием может проводиться с возможностью присутствия в месте его проведения или без определения места его проведения		ся с возможностью присутствия в месте его проведения или без определения места его проведения
П. 4.1 (часть требований к протоколу)	В протоколе указываются место проведения заседания или сведения о том, что заседание с дистанционным участием проводилось без определения места его проведения	П. 3.3 (часть требований к протоколу)	В протоколе указываются место проведения заседания или сведения о том, что заседание с дистанционным участием проводилось без определения места его проведения

Как видим, обе статьи идентичны в следующих частях:

— в указании на то, что участие в заседании совета директоров (наблюдательного совета) может осуществляться дистанционно. Ни та, ни другая статья не содержит каких-либо изъятий, оговорок и пр. Говоря иначе, дистанционное участие в заседании совета директоров (наблюдательного совета) разрешено непосредственно законом, и никаких иных специальных решений органов хозяйственного общества или указаний в уставе или внутреннем документе хозяйственного общества для такой формы участия не требуется;

— выделении двух видов заседаний с дистанционным участием: с возможностью присутствия в месте проведения заседания и без определения места его проведения.

Впрочем, есть и существенные различия: если статья 68 Закона об акционерных обществах указывает (хотя и в достаточно общем виде) как на средства, с помощью которых такое участие осуществляется («с помощью электронных либо иных технических средств»), так и на требования, которым применение таких средств должно соответствовать («если при этом используются способы, позволяющие достоверно установить лицо, принимающее дистанционное участие в заседании, и предоставляющие такому лицу возможность участвовать в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать по вопросам повестки дня, поставленным на голосование»), то статья 32 Закона об обществах с ограниченной ответственностью такого рода регулирования не содержит. Какое-либо объяснение (основание) такой дифференциации в пояснительной записке к соответствующему законопроекту[13] отсутствует[14].

Отмеченная дифференциация не может быть объяснена, как думается, отношением к обществу с ограниченной ответственностью как к более простой форме организации экономической деятельности (и, соответственно, большей диспозитивностью регулирования). Во-первых, потому, что в действительности общества с ограниченной ответственностью давно такой формой не являются: в виде ООО осуществляет деятельность и малый, и крупный бизнес, а

[13] Проект федерального закона № 103501-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (впоследствии — Федеральный закон от 08.08.2024 № 287-ФЗ) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/103501-8 (дата обращения: 16.01.2026).

[14] Впрочем, отметим, что в этой записке нет ничего о дистанционном электронном взаимодействии участников корпоративных отношений, поскольку изначально (при внесении в Государственную Думу ФС РФ) проект соответствующих положений не содержал.

регулирование объемно и сложно. Во-вторых, требование о достоверном установлении лица критично для нормального осуществления управления юридическим лицом: его игнорирование может привести к тому, что принятые органом ООО решения могут быть впоследствии поставлены под сомнение по мотивам, что лицо не принимало участие в заседании, отсутствовал кворум и т.д. При этом в отсутствие в специальном законе (каковым является Закон об обществах с ограниченной ответственностью) каких-либо положений о дистанционном участии в заседании дополнительным регулированием будет выступать статья 181.2 ГК РФ. В ней к дистанционному участию в заседании члена любого гражданско-правового сообщества уже применяется требование о необходимости достоверного установления лица («члены гражданско-правового сообщества могут участвовать в заседании дистанционно с помощью электронных либо иных технических средств, если при этом используются любые способы, позволяющие достоверно установить лицо, принимающее участие в заседании…»). Причем это требование императивно, не содержит каких-либо оговорок («если иное не предусмотрено» или других). Говоря иначе, есть соответствующие положения в статье закона или их нет, способы, позволяющие достоверно установить лицо, принимающее участие в заседании, должны использоваться. С учетом изложенного возникает вопрос о качестве регулирования и к ст. 68 Закона об акционерных обществах, и к ст. 32 Закона об обществах с ограниченной ответственностью.

Обратимся к анализу обеих указанных статей.

Статья 68 Закона об акционерных обществах о дистанционном участии члена совета директоров (наблюдательного совета) в полной мере основана на общих нормах ст. 181.2 ГК РФ. Этот вывод, однако, вовсе не является положительной характеристикой соответствующих частей этой статьи. Дело в том, что они не развивают (как этого следовало ожидать от специального регулирования и как это сделано в отношении дистанционного участия акционера в заседании общего собрания акционеров[15]), а повторяют (с отдельными техническими отличиями) положения ст. 181.2 ГК РФ (см. таблицу 2).

Таблица 2

Сравнение отдельных положений ст. 181.2 ГК РФ и ст. 68 Закона об акционерных обществах в части дистанционного участия в заседании

Статья 181.2 ГК РФ	Статья 68 Закона об акционерных обществах
Члены гражданско-правового сообщества могут участвовать в заседании дистанционно с помощью электронных либо иных технических средств, если при этом используются *любые* способы, позволяющие достоверно установить лицо, принимающее участие в заседании, участвовать ему в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать. Такие возможность и способы могут быть установлены законом, единогласным решением участников гражданско-правового сообщества или уставом юридического лица	Участие в заседании совета директоров (наблюдательного совета) общества может осуществляться дистанционно с помощью электронных либо иных технических средств, если при этом используются *способы*, позволяющие достоверно установить лицо, принимающее дистанционное участие в заседании, и предоставляющие такому лицу возможность участвовать в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать по вопросам повестки дня, поставленным на голосование

Между тем в таком повторении нет никакого смысла. После принятия изменений в ст. 181.2 ГК РФ в 2021 г. проведение заседаний советов директоров (наблюдательных советов) акционерных обществ с дистанционным участием, где удаленно участвующие лица признаются участниками заседания (это касается обоих видов заседания: и с определением места проведения, и без такового), уже стало возможным. Есть в этой статье и требование о необходимости использования способов, позволяющих достоверно установить лицо, принимающее участие в заседании. Как видно из таблицы 2, между двумя статьями есть только одно совершенно непринципиальное различие: если в ст. 181.2 ГК РФ говорится о любых способах, то в ст. 68 Закона об акционерных обществах — просто о способах. Как думается, еще одна (вслед за нормой общего характера в ГК РФ) констатация в специальном законе не добавляет эффективности регулирования, а повторение в специальном законе общих поло-

[15] Подробнее см.: *Габов А. В.* Участие акционера в управлении акционерным обществом… С. 76–86.

жений ст. 181.2 Кодекса — это вовсе не то, что могли ожидать корпорации от специального регулирования. Для них практическое значение специального регулирования заключается в конкретизации:

— положений ст. 181.2 ГК РФ об электронных либо иных технических средствах, которые могут/должны использоваться при проведении заседания с дистанционным участием;

— способов, позволяющих достоверно установить лицо, принимающее участие в заседании;

— иных, имеющих отношение к дистанционному участию аспектов (например, порядка доступа к участию в заседании, вопросов хранения записей и пр.).

Частично ответы на эти вопросы даются в ст. 49.1 Закона об акционерных обществах применительно к проведению заседания общего собрания акционеров с дистанционным участием, где имеются:

— указание на то, что при проведении соответствующего заседания *должна обеспечиваться трансляция изображения и звука заседания в режиме реального времени*, доступ к которой обеспечивается обществом всем лицам, имеющим право голоса при принятии решений общим собранием акционеров (их представителям), зарегистрировавшимся для участия в данном заседании. Это положение косвенно позволяет сформулировать часть требований к электронным либо иным техническим средствам — возможность такую трансляцию обеспечить;

— подробное регулирование вопросов достоверного установления лица[16] (указание на основной способ такого установления — усиленную квалифицированную электронную подпись; на дополнительные способы: усиленную неквалифицированную электронную подпись, идентификацию или аутентификацию физического лица с использованием определенных сведений[17], полученных из Единой системы идентификации и аутентификации, а также информации из единой биометрической системы[18]).

Вопрос, почему законодатель не конкретизировал электронные и иные технические средства, а также способы достоверного установления лица при регулировании отношений по дистанционному участию в заседании совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества в ст. 68 Закона об акционерных обществах в отличие от дистанционного участия акционера в заседании собрания акционеров, не имеет ответа по вышеуказанной причине: пояснительная записка никаких положений не содержит, а законопроект № 103501-8 широкого, открытого и профессионального обсуждения не проходил.

При отсутствии ответа на этот вопрос и с учетом того, что статья 68 Закона об акционерных обществах прямо указывает в качестве условия использования электронных и иных технических средств («если при этом используются») обеспечение достоверного установления лица, принимающего дистанционное участие в заседании, возникает следующий: в каком локальном регуляторе отношений этот ответ может быть дан в настоящее время?

С нашей точки зрения, основными локальными регуляторами должны быть устав АО и/или внутренний документ. Такой вывод может быть сделан из статьи 68 Закона об акционерных обществах, в соответствии с которой уставом или внутренним документом[19] определяется порядок деятельности совета директоров, порядок подготовки и проведения заседания или заочного голосования для принятия решений советом директоров (наблюдательным советом) общества. Помимо этих двух регуляторов, следует также указать на решения а) самого совета директоров (наблюдательного совета); б) председателя совета директоров (наблюдательного совета)[20].

---

[16] Соответствующие положения вступают в силу 1 сентября 2027 г.

[17] О фамилии, имени, отчестве (при наличии) физического лица; об идентификационном номере налогоплательщика; о страховом номере индивидуального лицевого счета застрахованного лица в системе персонифицированного учета Фонда пенсионного и социального страхования РФ; о реквизитах основного документа, удостоверяющего личность (серия и номер).

[18] Подробнее см.: *Габов А. В.* Участие акционера в управлении акционерным обществом… С. 81–83.

[19] Обычно и в соответствии с рекомендациями Банка России это положение о совете директоров.

[20] Именно это лицо, согласно данной статье, принимает решение о проведении заседания, соответственно, в рамках такого решения им могут быть приняты и иные, необходимые для организации и проведения заседания.

Таким образом, действующие положения ст. 68 Закона об акционерных обществах косвенно переносят всю тяжесть регулирования ключевых вопросов дистанционного участия в заседании совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества на уровень локального регулирования: без решения соответствующих вопросов на этом уровне реализовать общие положения о возможности дистанционного участия в заседании совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества в настоящее время невозможно.

Впрочем, это только часть проблемы. Другой ее аспект — как в соответствующих документах давать ответы на поставленные вопросы (требования к электронным либо иным техническим средствам, которые могут/должны использоваться при проведении заседания с дистанционным участием, и способы, позволяющие достоверно установить лицо, принимающее участие в заседании). С одной стороны, акционерные общества абсолютно свободны в выборе. С другой — при такой свободе можно получить лишь формальное следование норме и пренебрежение вопросами безопасности.

Для оценки реальной ситуации рассмотрим примеры того, как соответствующие вопросы решаются на практике, для чего возьмем за основу уставы и внутренние документы публичных акционерных обществ, входящих в состав индекса голубых фишек ММВБ (MOEXBC)[21]: ПАО «Лукойл», ПАО «Газпром», ПАО «Татнефть» имени В.Д. Шашина, ПАО «Горно-металлургическая компания “Норильский никель”», ПАО «Новатэк», ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС», ПАО «Нефтяная компания “Роснефть”», ПАО «Банк ВТБ», ПАО «Сбербанк России», ПАО «Корпоративный центр ИКС 5», ПАО «Полюс», ПАО «Сургутнефтегаз», МКПАО «Яндекс», МКПАО «Т-Технологии», МКПАО «Озон».

Анализ уставов и внутренних документов указанных корпораций дает основание для следующих выводов:

1) чаще всего вопросы дистанционного участия в заседании регламентируются как в уставе, так и во внутреннем документе — положении о совете директоров или наблюдательном совете (в зависимости от того, какое название органа используется корпорацией), хотя имеются случаи, когда соответствующее регулирование устанавливается только уставом или, наоборот, лишь внутренним документом. В ряде случаев, помимо норм прямого действия, регулирование содержится также в решениях совета или его председателя. Например:

— в соответствии с положением о наблюдательном совете ПАО «Сбербанк»[22] способ принятия решений советом (на заседании; заседании с дистанционным участием, с возможностью присутствия в месте его проведения или без определения места его проведения; заочным голосованием) определяется председателем наблюдательного совета в зависимости от характера и/или необходимости оперативного решения вопросов, требующих рассмотрения. Этим же документом установлено, что на заседаниях наблюдательного совета подлежат рассмотрению, а также предварительному обсуждению возможность дистанционного участия в заседании, порядок доступа к дистанционному участию в заседании, в том числе способы достоверного установления лиц, принимающих дистанционное участие в заседании, возможность присутствия в месте проведения заседания или проведения заседания без определения места;

— согласно положению о совете директоров ПАО «Нефтяная компания “Роснефть”»[23] порядок доступа к дистанционному участию в заседании, в том числе способы достоверного установления лиц, принимающих дистанционное участие в таком заседании, устанавливается председателем совета директоров при подготовке к проведению заседания в соответствии с внутренними документами акционерного общества; при проведении заседания с дистанционным участием членов совета директоров участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовании по ним осуществляется с использованием определенных решением председа-

[21] Сведения об индексах см.: URL: https://www.moex.com/ru/indices. О составе индекса см.: https://www.moex.com/ru/index/MOEXBC/constituents (дата обращения: 16.01.2026).

[22] См.: URL: https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/disclosure/regulative-documents (дата обращения: 17.01.2026).

[23] См.: URL: https://www.rosneft.ru/Investors/corpgov/ (дата обращения: 17.01.2026).

теля совета электронных и иных технических средств;

2) в абсолютном большинстве уставов (и даже во внутренних документах) воспроизводится положение закона о дистанционном участии в заседании и о возможности проведения заседания как с определением, так и без определения места (в ряде случаев регулирование только соответствующим указанием и ограничивается);

3) ни один из рассмотренных уставов, внутренних документов не конкретизирует требования к электронным и иным техническим средствам; при этом отдельные требования присутствуют. Например:

— согласно уставу ПАО «Газпром» в редакции 2025 г.[24] личное участие членов совета директоров в заседаниях может быть обеспечено в том числе с использованием систем видеоконференц-связи (это правило воспроизводится и в положении о совете директоров этой корпорации);

— использование систем видео-конференц-связи предусматривает положение о наблюдательном совете ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС» 2025 г.[25];

— положение о совете директоров ПАО «Нефтяная компания “Роснефть”» указывает на электронные и иные технические средства, соответствующие требованиям общества к информационной безопасности, в том числе конференц- и видео-конференц-связь;

— согласно положению о наблюдательном совете ПАО «Банк ВТБ»[26] в редакции 2025 г. участие в заседании наблюдательного совета может осуществляться дистанционно с помощью электронных либо иных технических средств, в том числе посредством конференц- и видеоконференц-связи;

— положение о совете директоров ПАО «Полюс» в редакции 2025 г.[27] по аналогии с регулированием дистанционного участия акционера указывает, что «в случае проведения заседания с дистанционным участием Секретарем Совета директоров обеспечивается трансляция изображения и звука заседания в режиме реального времени с последующим хранением записи трансляции совместно с протоколом Совета директоров»;

4) практически без ответа в локальных документах остается вопрос о достоверном установлении лица: какой-либо конкретики здесь в абсолютном большинстве случаев нет. Как исключение, в положении о наблюдательном совете ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС» указывается, что «достоверное установление лица, принимающего дистанционное участие в заседании Наблюдательного совета, с использованием рекомендованных Обществом систем видео-конференц-связи осуществляется путем идентификации видеоизображения члена Наблюдательного совета»; однако оценивать эту норму положительно вряд ли получится: она никак не страхует от использования сгенерированного изображения участника заседания;

5) в ряде документов специально выделяется необходимость определения порядка доступа к дистанционному участию в заседании.

Анализ уставов и внутренних документов корпораций показывает, что положения ст. 181.2 ГК РФ и ст. 68 Закона об акционерных обществах пока существенного развития не имеют. По существу, корпорации остаются в рамках локальных правовых решений, ранее используемых для учета мнения отсутствующего на заседании члена коллегиального органа, полагая (вполне, кстати, обоснованно), что совокупность таких ранее реализованных решений (когда для применения систем видео-конференц-связи[28] используется аналогия с положениями о дистанционном участии в заседании общих собраний акционеров/участников[29]) вместе с переписанным из закона положением о дистанционном участии дает возможность считать вопрос об урегулировании дистанционного участия в заседании совета

[24] См.: URL: https://www.gazprom.ru/investors/documents/ (дата обращения: 17.01.2026).

[25] См.: URL: https://www.moex.com/ru/documents/294 (дата обращения: 17.01.2026).

[26] См.: URL: https://www.vtb.ru/ir/disclosure/documents/ (дата обращения: 17.01.2026).

[27] См.: URL: https://www.polyus.com/ru/company/corporate_governance/company-documents/ (дата обращения: 17.01.2026).

[28] См. также: *Laptev V. A.* The Digital Life of Modern Corporations: Corporate Management Mechanisms and What the Future Holds // Kutafin Law Review. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 237–238.

[29] См.: *Илюшина М. Н.* Проблемы идентификации и аутентификации участников общества с ограниченной ответственностью в корпоративных процедурах, проводимых в цифровых формах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 8. С. 22–26.

закрытым. Редкие же попытки создания нового регулирования скорее напоминают некоторую имитацию, например в случае, когда достоверное установление лица осуществляется путем идентификации его видеоизображения. Строго говоря, на уровне корпораций новое регулирование не востребовано.

Всё это требует, как думается, некоторой рефлексии и, возможно (или даже желательно), разъяснений Банка России, включая разработку и доведение до корпораций модельного (рекомендуемого) регулирования. Следующим шагом должна стать модификация ст. 68 Закона об акционерных обществах, заключающаяся в детализации положений о технических средствах в части способов достоверного установления лица, а также указания на необходимость определения порядка доступа к заседанию.

Все высказанные соображения в еще большей степени актуальны применительно к регламентации дистанционного участия в заседании совета директоров (наблюдательного совета) общества с ограниченной ответственностью (ст. 32 Закона об обществах с ограниченной ответственностью), поскольку такое регулирование каких-либо требований к техническим средствам / достоверному установлению лица вообще не содержит.

Выводы

Нормы законов об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью о дистанционном участии членов коллегиальных органов — советов директоров (наблюдательных советов) — таких корпораций в их работе, к сожалению, не стали в полной мере ожидаемым прорывом в регулировании. «Ожидаемым» — потому, что законодатель еще в 2021 г. заложил его основы в ГК РФ. Соответственно, можно было предположить, что в специальных законах о наиболее используемых формах корпораций (АО и ООО) он не повторит, а конкретизирует положения Кодекса. Однако законодатель в Федеральном законе от 08.08.2024 № 287-ФЗ сделал такую детализацию только применительно к заседаниям общих собраний акционеров и участников обществ с ограниченной ответственностью. В части же советов директоров (наблюдательных советов)[30] мы видим совершенно иную картину: имеет место повтор положений ГК РФ (в отношении ООО — сокращенный) без установления какого-либо специального регулирования. Без прямого ответа оставлены вопросы:

— о конкретных требованиях к электронным либо иных техническим средствам, с помощью которых осуществляется дистанционное участие в заседании;

— о том, какие должны (могут) применяться способы, позволяющие достоверно установить лицо, принимающее дистанционное участие в заседании, как, кто и на основании чего удостоверяет, что используются именно те способы, которые дают возможность достоверно установить лицо, принимающее дистанционное участие в заседании;

— что такое доступ участника заседания, как он обеспечивается и как соотносится со способами достоверного установления лица и т.д.

Цели нового регулирования, введенного в 2024 г. для акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, понятны: обеспечить возможность дистанционного участия лица в принятии решений коллегиальным органом корпорации и при этом гарантировать участие именно того лица, которое является членом этого органа, а не иного или вымышленного. Достижение этих целей позволит избежать конфликтов в управлении корпорацией, не даст поставить под сомнение принятые решения по мотиву неучастия в заседании реального члена органа корпорации и участия иного или даже вымышленного лица. Именно поэтому ключевыми являются нормы о достоверном установлении лица. При этом в отличие от регулирования заседаний общих собраний акционеров/участников, где еще есть непрофессиональные участники, в деятельности советов директоров (наблюдательных советов) участвуют как раз профессионалы-управленцы (как правило). Соответственно, именно здесь могли бы быть применены более жесткие положения о порядке достоверного участия, чем для заседаний собраний акционеров/участников, чего, к сожалению, в действующем регулировании нет, и оно, ошибочно, как представляется, использует при регламентации дистанционного участия в заседаниях советов директоров (наблюдательных советов) диспозитивный подход с упором на локальные акты.

Если использование в ГК РФ слов «электронные либо иные технические средства» — это

[30] Еще хуже ситуация с регулированием коллегиальных исполнительных органов.

вполне достаточное для уровня кодекса правовое решение (тут и соблюдение принципа технологической нейтральности, и сохранение возможности учета специфики правового положения конкретной корпорации), то их воспроизведение в законах об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью без какой-либо конкретизации при значительной практике применения дистанционных форм взаимодействия выглядит ошибочным. Здесь прослеживаются два подхода: либо оставить корпорациям (вероятно, не всем) возможность выбора между видео-конференц-связью и конференц-связью, либо подойти к решению вопроса более определенно, конкретно указав на необходимость использования таких средств, которые обеспечивают демонстрацию изображения всех участников заседания, их аудиовизуальный контакт, а также возможность голосования по вопросам повестки дня. В этом смысле, когда корпорации в уставах и внутренних документах в настоящее время указывают на использование видео-конференц-связи и даже, по аналогии с регулированием заседаний общих собраний акционеров, устанавливают правило о том, что в случае проведения заседания с дистанционным участием обеспечивается трансляция изображения и звука в режиме реального времени с последующим хранением записи, они совершенно точно следуют букве и духу закона. Возможно, именно эти формулировки и следует закрепить на уровне закона.

С учетом изложенного целесообразно изменение действующих положений о дистанционном участии в заседаниях советов директоров (наблюдательных советов) акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 110–121.

Габов А. В. Участие акционера в управлении акционерным обществом с использованием электронных или иных технических средств // Право гражданское: идеи профессора Б. М. Гонгало и современная доктрина : К 70-летию Б. М. Гонгало / под ред. Л. А. Новоселовой ; сост. Д. В. Братусь ; УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, каф. гражд. права. М. : Статут, 2026. С. 60–90.

Габов А. В. Электронное взаимодействие и цифровые технологии в корпоративном управлении акционерным обществом в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 24–64.

Габов А. В., *Меребашвили Т. А.* Права владельцев акций и корпоративное управление в акционерных обществах в период пандемии // Закон. 2021. № 10. С. 121–134.

Илюшина М. Н. Проблемы идентификации и аутентификации участников общества с ограниченной ответственностью в корпоративных процедурах, проводимых в цифровых формах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 8. С. 22–26.

Лаптев В. А., *Чуча С. Ю.*, *Фейзрахманова Д. Р.* Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 229–244.

Laptev V. A. The Digital Life of Modern Corporations: Corporate Management Mechanisms and What the Future Holds // Kutafin Law Review. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 227–250.

Zetzsche D., *Anker-Sørensen L.*, *Consiglio R.*, *Yeboah-Smith M.* The COVID-19-Crisis and Company Law — Towards Virtual Shareholder Meetings. University of Luxembourg Faculty of Law, Economics & Finance WPS 2020-007. June 15, 2020 // URL: https://ssrn.com/abstract=3576707.

REFERENCES

Gabov AV. Electronic Interaction and Digital Technologies in Corporate Governance of a Joint Stock Company in Russia. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2021;2:24-64. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.24.64.

Gabov AV, Merebashvili TA. The Rights of Shareholders and Corporate Governance in Joint-Stock Companies during The Pandemic. *Zakon*, 2021;10:121-134. (In Russ.).

Gabov AV. Shareholder's Participation in the Joint-Stock Company Management Using Electronic or other Technical Means. In: Novoselova LA (ed.). Civil Law: The Ideas of Professor B. M. Gongalo and Modern Doctrine: On the Occasion of the 70th Anniversary of B. M. Gongalo. Moscow: Statut Publ.; 2026. P. 60–90. (In Russ.).

Ilyushina MN. Problems of Identification and Authentication of Participants of a Limited Liability Company in Corporate Procedures Carried out in Digital Forms. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2025;8:22-26.

Laptev VA, Chucha SYu, Feyzrakhmanova DR. Digital transformation of modern corporation management tools: the current state and development paths. *Pravoprimenenie [Law Enforcement Review],* 2022;6(1):229-244. (In Russ.). DOI: 10.52468/2542-1514. 2022.6(1).229-244.

Laptev VA. The Digital Life of Modern Corporations: Corporate Management Mechanisms and What the Future Holds. *Kutafin Law Review*. 2022;9(2):227-250.

Vavilin EV. Implementation and protection of civil rights in the context of digital transformation of relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo — Tomsk State University Journal of Law*. 2024;53:110-121. (In Russ.). DOI: 10.17223/22253513/53/8.

Zetzsche D, Anker-Sørensen L, Consiglio R, Yeboah-Smith M. The COVID-19-Crisis and Company Law — Towards Virtual Shareholder Meetings (June 15, 2020). University of Luxembourg Faculty of Law, Economics & Finance WPS 2020-007. Available at: https://ssrn.com/abstract=3576707.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук
д. 10, Знаменка ул., г. Москва 119019, Российская Федерация
andrey.gabov.00@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Gabov, Dr. Sci. (Law), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
andrey.gabov.00@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 22 января 2026 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 20.01.2025.
Revised 22.01.2026.
Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.029-043

С. Ю. Филиппова
И. С. Шиткина
Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация

Организационное единство как признак юридического лица

Резюме. Авторы ставят вопрос об организационном единстве как признаке юридического лица. На основе анализа современных объединений, таких как экосистемы, интегрированные группы, холдинги, они приходят к выводу о том, что общность, обладающая организационным единством, необязательно является правосубъектной. Если участники организационного единства желают приобрести правосубъектность (быть юридическим лицом), оно должно соответствовать установленным в законе требованиям к организационно-правовым формам общностей, допускаемых к участию в гражданском обороте в качестве юридического лица. В статье анализируются признаки организационного единства: устойчивость, наличие общей цели, координация (кооперация, иерархия), распределение функций внутри организации, единое нормативное пространство (объединенность общими стандартами), внешняя демонстрация принадлежности к организационному единству. Общности, являющиеся организационным единством, могут быть интегрированы вокруг различных ценностей, от чего зависят структура, цель и содержание деятельности общности. Принадлежность субъекта к общности, представляющей собой организационное единство, влияет на его правовой статус и правовые отношения, в которые он вступает. В частности, это имеет значение при оценке действительности совершенных безвозмездных сделок между коммерческими организациями, квалификации крупных сделок, выявлении критериев одобрения сделок в соответствии с уставом юридического лица, привлечении к ответственности за действия другого субъекта.
Ключевые слова: юридическое лицо; организационное единство; признаки организационного единства; цели организационного единства; правосубъектность; границы юридического лица; организационно-правовая форма; устав; орган; корпорация; общая экономическая цель
Для цитирования: Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. Организационное единство как признак юридического лица. *Lex russica.* 2026. Т. 79. № 3. С. 29–43. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.029-043

Organizational Unity as a Characteristic of a Legal Entity

Sofia Yu. Filippova
Irina S. Shitkina
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract. The authors examine organizational unity as a characteristic of a legal entity. Based on an analysis of contemporary forms of association — such as ecosystems, integrated groups and holdings — they conclude that a community exhibiting organizational unity is not necessarily a legal entity. If participants in such an organizational unity seek to acquire legal personality, the community must meet the requirements established by law for the organizational legal forms that are permitted to participate in civil circulation as legal entities. The authors analyze the indicators of organizational unity, including stability; the presence of a common goal; coordination (cooperation and hierarchical relations); the distribution of functions within the organization; the existence of a unified regulatory space (harmonization by common standards); and external manifestations of belonging to the organizational unity. Communities organized around differing values may vary in structure, purpose and the

© Филиппова С. Ю., Шиткина И. С., 2026

substantive content of their activities. Membership in an organizational unity affects a subject's legal status and the legal relations in which they participate. This has particular significance for assessing the validity of gratuitous transactions between commercial organizations, for qualifying large transactions, for identifying criteria for approving transactions under an entity's charter, and for attributing liability for the actions of another entity.
Keywords: legal entity; organizational unity; signs of organizational unity; goals of organizational unity; legal personality; boundaries of the legal entity; legal form; charter; organ; corporation; overall economic objective
Cite as: Filippova SYu, Shitkina IS. Organizational Unity as a Characteristic of a Legal Entity. *Lex russica.* 2026;79(3):29-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.029-043

Введение

В современном правовом поле, может вследствие насущной потребности укрупнения бизнеса, которому становятся тесны рамки юридического лица, может из-за склонности модернизировать всё и вся вне зависимости от реальной необходимости, а может и вследствие банального непонимания существа юридического лица, мы встречаем разнообразные кластеры, экосистемы, дивизионы, научные центры, интегрированные группы, которые ведут некое дело, зачастую имеют единую систему документооборота. Перемещение товаров в этих сущностях оформляется специальным образом, внутри таких образований иногда действуют общие правила приемки товаров, единые стандарты качества. Даже более того, такие сущности, если верить сообщениям в СМИ, «продают» и «покупают» бизнес, ведут иные операции, как если бы они были правосубъектными. Между тем беглого ознакомления с положениями ГК РФ достаточно, чтобы обнаружить, что никаких кластеров и дивизионов, экосистем как субъектов гражданского права не существует. Столько копий было сломано для того, чтобы закрепить возможность существования юридических лиц лишь в тех формах, которые прямо названы в ГК РФ, и для чего это всё было сделано? В любом учебнике гражданского права мы сможем прочесть: для того, чтобы быть субъектом гражданского права и иметь гражданскую правоспособность, организация должна быть юридическим лицом, т.е. обладать признаками, одним из которых является организационное единство. Вместе с тем неясно, что же такое «быть единым», по каким критериям это единство определяется; кроме того, встает вопрос о том, какое именно единство может рассматриваться в качестве юридического лица. В социальной реальности есть огромное множество разнообразных человеческих объединений, начиная от общественно полезных групп людей, осуществляющих организованную уборку территорий во время субботников, заканчивая откровенно преступными объединениями, например организованными преступными группами. Как же узнать, у каких общностей единства достаточно, чтобы получить правосубъектность (быть зарегистрированными как юридические лица), а какие «недотягивают» по этому параметру?

Основная часть

В учебной литературе признак *организационного единства* выводят из определения юридического лица как организации. Действительно, согласно п. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается *организация*, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

С. Н. Братусь, резюмируя представления о юридическом лице, отмечал, что существующие «разнообразные буржуазные теории юридического лица сходятся в одном — в признании того, что юридическое лицо — это некоторое имущественное и организационное единство, выступающее в гражданском обороте в качестве носителя прав и обязанностей»[1]. Но что означает «организационное единство»?

В доктрине отмечается, что признак организационного единства состоит в том, что «субъект хозяйствования должен быть единым с позиции его организации»[2]. При этом, что пред-

[1] *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 162.

[2] *Лаптев В. А.* Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М. : Волтерс Клувер, 2008.

ставляет собой это единство с позиций организации, не вполне ясно.

В учебной литературе указывают, что «организационное единство характеризует всякую организацию как единое целое, способное решать определенные социальные (в данном случае — гражданско-правовые, имущественные) задачи. Оно предполагает определенную внутреннюю структуру организации, выражающуюся в наличии у нее органов управления, а при необходимости — и соответствующих подразделений для выполнения установленных для нее задач.

Как задачи (функции) организации, так и ее структура закрепляются в ее учредительных документах — уставе, учредительном договоре, а иногда — в общем положении (типовом уставе) об организациях данного вида (п. 1 ст. 52 ГК РФ). В них обязательно определяются наименование и место нахождения юридического лица, порядок управления его деятельностью (органы управления, их компетенция и т.д.), в большинстве случаев — предмет и цели этой деятельности, а также иные сведения, предусмотренные законом для соответствующих разновидностей юридических лиц. Наличие такого рода документов и является формальным выражением организационного единства как признака юридического лица»[3].

Как видим, выделяются следующие свойства, характеризующие организационное единство: а) «единое целое»; б) способность решать определенные социальные задачи; в) наличие внутренней структуры, включающей органы и подразделения. Отмечают также фиксацию в учредительных документах задач организации и ее структуры в качестве формального выражения организационного единства.

Что такое единое целое, до какой степени способность решать задачи принадлежит именно целостному единству, а не отдельным составляющим? Вопрос возникает в связи с тем, что для разных целей и задач нужны различные правовые средства и есть такие задачи, решение которых требует объединения нескольких правосубъектных образований, а для решения других вообще не нужна правосубъектность. Неслучайно существуют уже упомянутые экосистемы, где правосубъектными являются все участники, но задачи общего бизнеса решаются сообща. И сто́ит отметить, что само по себе наличие органов или подразделений еще не говорит о единстве, а напротив, характеризует раздельность до тех пор, пока не будут ясны критерии, позволяющие считать нечто частью целого.

Одна ситуация складывается, если эти части неправосубъектны. В этом случае для того, чтобы объявить нечто своей частью, не требуется воли этого нечто. Сложнее дело обстоит, когда это нечто само правосубъектно. Можно ли объявить другого субъекта своей частью без его воли? Включится ли такое нечто в структуру единого целого и если да, то почему?

Для иллюстрации приведем проблему так называемого добровольного и обязательного членства одних субъектов в других субъектах. Например, согласно ст. 7 Закона РФ от 07.07.1993 № 5340-I «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации»[4] членство торгово-промышленных палат (ТПП) субъектов Российской Федерации и ТПП муниципальных образований в ТПП РФ является обязательным.

Членство ТПП муниципальных образований в ТПП соответствующего субъекта Федерации обязательно. Членство иных организаций и индивидуальных предпринимателей в ТПП добровольно.

Возникающие в результате членства в ТПП отношения между региональными и муниципальными ТПП предполагают иерархию, обязанность соблюдения правил вышестоящей ТПП, выполнение единых функций (задач), согласование уставов и кандидатур единоличного исполнительного органа нижестоящих палат, подконтрольность. Так, в соответствии со ст. 10 Устава ТПП РФ, утвержденного Учредительным съездом ТПП РСФСР 19 октября 1991 г., с учетом изменений, внесенных 26 февраля 2021 г. VIII Съездом Торгово-промышленной палаты РФ, последняя объединяет на федеральном уровне ТПП субъектов Федерации и муниципальных образований субъектов Федерации, а также являющиеся членами палаты организации (союзы, ассоциации и т.п.) и индивидуальных предпринимателей. ТПП РФ осуществляет общую координацию деятельности

[3] Российское гражданское право : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011. С. 184–185 (автор — Е. А. Суханов).

[4] Российская газета. № 154. 12.08.1993.

торгово-промышленных палат, представляет их интересы, согласовывает кандидатуры на должность единоличного исполнительного органа палат путем проведения консультаций с их членами на основании положения, утверждаемого Советом ТПП РФ. В статье 11 Устава мы найдем такую неоднозначную фразу: ТПП РФ осуществляет свои функции *самостоятельно либо через торгово-промышленные палаты*, образованные на территории одного или нескольких субъектов Российской Федерации и на территориях муниципальных образований субъектов Российской Федерации, а также через созданные ею организации, филиалы и открытые ею представительства. Складывается впечатление, что все торгово-промышленные палаты создают некое организационное единство, включающее в себя правосубъектные единицы, часть из которых вступила в него по собственной воле, а часть — в силу прямого указания закона, но в дальнейшем они действуют одновременно в одной системе торгово-промышленных палат.

В литературе отмечают, что организационное единство, закрепленное в уставе, определяет структуру и деятельность юридического лица как самостоятельного целостного образования[5]. Кроме того, подчеркивают единство и организованность поведения коллектива людей. С. Н. Братусь в другой работе отмечал, что «юридическое лицо, будучи абстрактным выражением единства поведения организованного человеческого коллектива, зародившись как понятие universitas еще в древнем Риме, было использовано и получило свое полное развитие в буржуазном обществе»[6].

Для текущего момента развития бизнеса характерны интегрированные структуры, объединяющие несколько юридических лиц для осуществления согласованной предпринимательской деятельности. К таким структурам можно отнести, например, *холдинги* (*группы компаний*), характеризующиеся организационным единством: будучи самостоятельными юридическими лицами, участники холдинга управляются из единого центра (основного общества) путем реализации им прав акционера, в силу договора или иных обстоятельств. При этом в соответствии с п. 1 ст. 53 ГК РФ каждое юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом. То есть мы можем наблюдать, как организационное единство одного юридического лица как бы поглощается другим. При этом холдинг (в отличие от вышеупомянутой ТПП РФ, объединяющей все торгово-промышленные палаты) — это неправосубъектное образование: организационные и распорядительные документы как основного общества, так и квазиорганов холдинга (совета холдинга, коллегии холдинга и пр.) не могут перейти границу юридического лица, а должны быть приняты компетентными органами каждого из юридических лиц, входящих в группу.

Экосистема — это договорное объединение нескольких субъектов, суть которого в использовании единого платформенного решения[7]. Следует отличать включенность в экосистему отдельных участников, образующих организационное единство (чаще всего — основное и дочерние общества), и партнеров, потребителей экосистемы, которые организационное единство уже не формируют; их цель не осуществление бизнеса с использованием конкретного ресурса, а реализация или приобретение товара, работы, услуги. Например, в экосистеме «Яндекса» можно приобрести билеты в Театр имени А.С. Пушкина посредством «Яндекс Афиши», получить за это бонусы, которые затем потратить на оплату топлива на автозаправочной станции через приложение «Яндекс Заправки». Театр и заправочная станция — это партнеры экосистемы, гражданин, покупающий билет и заправляющий автомобиль, — потребитель. На этом примере хорошо видны границы организационного единства экосистемы, в которое не входят ни театр, ни заправка, ни гражданин,

---

[5] *Могилевский С. Д.*, *Самойлов И. А.* Корпорации в России. Правовой статус и основы деятельности. М., 2007. С. 34.

[6] *Братусь С. Н.* Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. С. 44.

[7] Согласно п. 4 Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901) экосистема цифровой экономики — партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан.

хотя именно они и заключают договоры с использованием экосистемы.

Завершая тему интеграционных объединений, приведем мнение А. В. Габова о том, что в настоящее время участниками экономических отношений часто становятся лица, которые формально являются самостоятельными субъектами, однако в действительности реализуют интересы иных лиц или, говоря иначе, решения которых принимаются не из собственного рационального экономического интереса, который преследовало бы в аналогичных условиях любое свободное от влияния лицо, а представляют собой реализацию интереса другого лица (лиц), которое(-ые) в силу различных оснований (связи) может (могут) влиять на принятие решения таким формально самостоятельным лицом[8].

Сто́ит выявить а) признаки, позволяющие говорить о сформированности организационного единства; б) качества, необходимые для того, чтобы считать организационное единство правосубъектным.

Как мы уже отметили, на современном этапе часто встает вопрос о том, что де-юре самостоятельные субъекты права, в силу наличия признаков организационного единства, рассматриваются де-факто как единый субъект, который судами привлекается к ответственности общей имущественной массой. Следует обдумать корректность и обоснованность такой практики, размывающей границы юридического лица.

В законодательстве отсутствуют признаки, необходимые для признания социального образования организацией. Поэтому интересно посмотреть на понятие организации в экономической литературе. Указывают, что «организация представляет собой сознательно координируемое социальное образование с определенными границами, функционирующее на относительно постоянной основе для достижения общей цели или целей»[9]. Таким образом, экономисты выделяют: а) сознательную координацию; б) стабильность (относительное постоянство); в) наличие общей цели или целей.

Можно предложить следующие признаки организационного единства: устойчивость, наличие общей цели, координацию (кооперацию, иерархию), распределение функций внутри организации, единое нормативное пространство (объединенность общими стандартами), внешнюю демонстрацию принадлежности к организационному единству.

Устойчивость (стабильность, относительное постоянство) — признак организационного единства, позволяющий отличить его от случайно возникшей общности (очередь пассажиров на посадку в самолет). Продолжительность существования этих общностей различается. Некоторые существуют многие десятилетия, а другие создаются для реализации конкретного проекта. *Ясных количественных и качественных критериев устойчивости (стабильности) закон не определяет*.

Устойчивость — это способность системы сохранять свое состояние или возвращаться к нему после воздействия внешних факторов, которые могут нарушить равновесие. Термин «устойчивость» имеет смысловую основу в слове «устои», которое, согласно словарю русского языка, означает базу, стержень, традиции. Для объяснения существа организационного единства это подразумевает, что общность выстраивается вокруг единого стержня, на единой базе. Таким *стержнем* может быть какой-то *имущественный актив*, например, организационное единство может быть выстроено на основе сложного имущественного объекта: нефтебазы, скважины, судостроительного производства, фабрики и пр., т.е. того, что можно назвать единым имущественным комплексом, предприятием[10]. Таким стержнем может стать *личность или деловая репутация* определенного лица или лиц, например музыкальный коллектив, известный под конкретным названием. Им мо-

---

[8] *Габов А. В.* Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 11–21.

[9] *Кочеткова А. И.* Введение в организационное поведение и организационное моделирование : учеб. пособие. М., 2003. С. 15.

[10] Отметим, что суды косвенным образом объясняют существо организационного единства применительно к юридическим лицам, образованным в процессе приватизации государственных предприятий, рассматривая их как единые экономические комплексы в целях координации и кооперации производственно-хозяйственной деятельности. См.: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.03.1999 № 4 «О некоторых вопросах, связанных с обращением взыскания на акции» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 4.

гут быть *определенное знание, навык, умение*. Такое знание может иметь форму секрета производства (ноу-хау), формулы, охраняемой патентом (изобретение, полезная модель). Стержнем может выступить определенная *ценность нематериального характера,* имеющая, например, религиозно-культовое значение. Могут быть и иные стержни, на основе которых выстраивается общность. Эта база становится для организационного единства *незаменимой***,** вокруг нее выстраиваются все прочие составляющие, и она образует особость, отделенность данного единства от прочего реального мира.

Если такого незаменимого компонента изначально не было, то существует риск того, что за внешней оболочкой юридического лица нет реально существующей организации. В связи с этим вспомним часто обсуждаемый вопрос о чистке реестра от компаний-однодневок. Так, отмечают, что «под “фирмой-однодневкой” в самом общем смысле понимается юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, как правило не представляющее налоговую отчетность, зарегистрированное по адресу массовой регистрации и т.д.

Суть схемы с участием “фирм-однодневок” сводится к искусственному включению их в цепочку хозяйственных связей. При этом противоправная цель достигается в результате согласованных противоправных действий налогоплательщика и подконтрольной ему “фирмы-однодневки”, которая является формально обособленной от налогоплательщика, что часто, как показывает практика, фактически не соответствует действительности»[11].

К искусственной схеме имитации реальности субъекта относится и так называемое *дробление бизнеса*. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ[12] дробление бизнеса — *разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами* (организациями, индивидуальными предпринимателями), в отношении которых осуществляется контроль одними и теми же лицами, направленное исключительно или преимущественно на занижение сумм налогов путем применения специальных налоговых режимов с превышением предусмотренных статьей 54.1 НК РФ пределов осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налогов.

Если из некой общности исключить одну составляющую, то последствия для существования общности могут различаться. Разрушение, изъятие незаменимых компонентов приводит к распаду всей общности. Вместе с тем изъятие других не разрушает общность. Например, смерть исполнителя, вокруг которого был создан творческий коллектив, приведет к прекращению существования коллектива, а выход или исключение участника общества с ограниченной ответственностью не всегда влечет за собой прекращение организационного единства. Можно предположить, что, помимо незаменимого компонента общности, без которого она не может существовать, есть заменимые, не влияющие на существование общности. При изъятии заменимых составляющих общность либо вовсе не повреждается, либо без существенных потерь может быть восстановлена. Интересно отметить, что ценность того или иного компонента зависит от конкретной общности. Хотелось бы написать, что для объединений лиц незаменимыми являются личность и свойства участников, а для объединений капиталов нет, но это будет неверно. Бывает, что для объединения лиц незаменимым становится имущество (или имущественный комплекс) и, напротив, для объединения капиталов в некоторых случаях приобретает значение личность участников. Именно последняя ситуация позволяет ставить вопрос об ограничении принятия в состав хозяйственного общества наследников участника, продажи долей посторонним лицам и пр.

Например, в одном из судебных споров рассматривался вопрос об исключении участника из общества с ограниченной ответственностью. Основным видом деятельности общества —

---

[11] Письмо ФНС России от 11.02.2010 № 3-7-07/84 // Официальные документы : еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право». № 9. 02.03.2010 ; письмо ФНС России от 24.07.2015 № ЕД-4-2/13005@ // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ (с изм. на 12.12.2024) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 29 (ч. III). Ст. 4105.

частного охранного предприятия — являлись обеспечение безопасности и проведение расследований, имелась соответствующая лицензия. У одного из трех участников общества доля в уставном капитале составляла 50 %. Приговором суда этот участник был признан виновным по ч. 3 ст. 160 УК РФ «Присвоение или растрата». В связи с требованиями, установленными законом к частным охранным предприятиям, их участниками не могут являться граждане, имеющие судимость за совершение умышленного преступления, а также юридические лица, в составе учредителей (участников) которых есть указанные лица (ст. 15.1 Закона РФ от 11.03.1992 № 2487-I «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»[13]). В результате наличия этой судимости общество более не могло заниматься основной деятельностью, в связи с чем один из оставшихся участников предъявил иск об исключении из общества этого участника. Иск был удовлетворен судом[14]. Как видим, несмотря на то, что общество с ограниченной ответственностью относится к объединению капиталов, именно личные свойства участников приобрели существенное значение для ведения его деятельности, и совершение преступления одним из участников сделало его непригодным к продолжению пребывания в общности.

Как справедливо отмечает Д. В. Ломакин, «обязанность не совершать действий, существенно затрудняющих или делающих невозможным достижение целей, ради которых создано общество, предполагает воздержание от действий, хотя и не направленных прямо на причинение вреда, но влекущих за собой иные негативные последствия для общества. Эти последствия заключаются в существенном затруднении достижения цели, ради которой создавалось общество, или в невозможности ее достижения. В результате совершения таких действий теряется смысл существования общества, поскольку оно представляет собой лишь средство достижения целей, сформулированных его учредителями»[15].

Как видим, базой (в нашей интерпретации — стержнем) для общества, выраженной в уставе в качестве основной цели деятельности, явилась частная охранная деятельность, требующая определенных качеств от участников (отсутствия судимости). Несмотря на то что совершенное преступление непосредственно не причиняло ущерба этому обществу, участник, получивший судимость, фактом своего участия (членства) стал мешать сохранению устойчивости общества, поскольку оно более не могло заниматься основной деятельностью, ради которой было создано, и поэтому участник, выступивший учредителем и обладавший 50 % уставного капитала, был исключен для сохранения устойчивости коммерческой организации.

Как видно на этом примере, *именно то, что является стержневым, незаменимым компонентом для организационного единства, в дальнейшем определяет тактику и правовые формы контроля за деятельностью общности.* Зачастую эти формы контроля не имеют линейной связи с корпоративным контролем, а обусловлены экономическим контролем, основанным, например, на лицензионных договорах, договорах коммерческой концессии.

Наличие интегрирующей деятельность цели (целей) является признаком, производным от устойчивости. Сто́ит отметить, что вопрос об общей цели является одним из широко обсуждаемых в юридической литературе. С одной стороны, одна из теорий, объясняющих сущность юридического лица, есть концепция целевого имущества, где выделение учредителями имущества для определенной цели и составляет существо юридического лица, но с другой — цель есть не только у юридических, но и у физических лиц, действующих автономно, кроме того, интегрирующие деятельность цели могут быть и у лиц, не образующих единство. Например, могут создаваться альянсы для решения конкретных задач, существуют экосистемы, объединяющие множество самостоятельных субъектов для того, чтобы можно было бесшовно осуществлять определенные операции.

Способность решать определенные социальные задачи является проявлением наличия общей цели. Эта общая цель может быть формализована в документе. Например, миссия группы «Аэрофлот» формально выражена и

[13] Российская газета. № 100. 30.04.1992.

[14] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.12.2021 № Ф08-4824/2020 по делу № А53-28518/2019.

[15] *Ломакин Д. В.* Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2021. № 2. С. 3–12.

закреплена так: «Мы работаем для того, чтобы наши клиенты могли быстро и с комфортом преодолевать огромные расстояния, а значит — быть мобильными, чаще встречаться, успешно работать и видеть мир во всем его разнообразии. Мы даем нашим клиентам возможность выбора благодаря обширной маршрутной сети и различным авиаперевозчикам Группы: от лоукостера до авиакомпании премиального уровня. Наша цель — оставаться бесспорным лидером внутренних и международных авиаперевозок России и быть в числе лучших авиакомпаний мира, сочетая динамичное развитие и высокую надежность с качеством сервиса»[16].

Миссия компании ближе к цели, интегрирующей деятельность организационного единства, чем общая для всех коммерческих юридических лиц цель извлечения прибыли, поскольку последняя не объясняет причин сохранения организационного единства именно этого юридического лица.

Как видится, *обеспечение сохранности функционирования незаменимого компонента и является основной целью организационного единства.*

Таким образом, если коммерческое юридическое лицо как субъект права обязательно имеет целью извлечение прибыли, то стоящее за ним организационное единство стремится обеспечить функционирование своего незаменимого стержневого компонента, вокруг которого оно и было выстроено. Получается, что контроль над незаменимой составляющей организационного единства может функционально быть у одного лица, а корпоративный контроль в отношении юридического лица — у другого. Этот контроль над незаменимым компонентом можно назвать своего рода экономической властью. Складывается интересная конструкция, при которой юридическая субъектность и организационное единство вокруг незаменимого компонента могут не совпадать. Как видится, в этом несовпадении корень всех проблем десубъективизации, при которой происходит игнорирование юридической оболочки организационного единства в виде субъекта права. А. В. Габов призывает: «Используй свою экономическую власть над другим субъектом (реализуя свои интересы), но так, чтобы это не приводило к нарушению интересов других лиц критического характера»[17]. Вопрос состоит в том, что для субъектов экономики излечение прибыли как незаменимый компонент более значимо, чем формально присвоенный основной государственный регистрационный номер.

В правовых позициях высших судебных инстанций часто отображается основная цель организационного единства, не совпадающая с целью обособленного коммерческого юридического лица в виде извлечения прибыли. Для обозначения этого явления суды используют разные термины: «общая экономическая цель», «общий корпоративный интерес», «внутригрупповой интерес» и пр. Например, один из первых судебных актов, где можно найти понятие «общие цели экономической деятельности», был принят еще в 2012 г.[18]

Это понятие упоминается в контексте оценки *последствий при совершении сделок в группе связанных участников*[19]*. Суды* полагают, что *выгоды от сделки в том или ином виде должны получить все члены, оценивая приращение имущественной базы группы в целом.* Здесь важна оценка судами непротивоправности действий директора общества — участника холдинга, если сделки поручительства, залога, займа и др. заключены этим директором в пользу другого юридического лица — участника холдинга, поскольку эти юридические лица образуют предпринимательское объединение, имеющее общий экономический интерес.

Координация представляет собой еще один признак организационного единства, состоящий в том, что деятельность в его рамках определенным образом согласована. Координация — это процесс распределения деятельности во времени, обеспечения взаимодействия различных частей организации в интересах выполнения стоящих перед ней задач[20]. Координация обеспечивает устойчивость организации.

---

[16] См.: URL: https://ir.aeroflot.ru/ru/company-overview/strategy/ (дата обращения: 14.04.2025).

[17] *Габов А. В.* Указ. соч.

[18] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12.

[19] Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 ; п. 22 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018).

[20] *Мильнер Б. З.* Теория организации : учебник. М., 2008. С. 288.

Координация может иметь разные формы, в частности кооперации, подчинения, иерархии и др.

Кооперация (от лат. cooperatio — «сотрудничество») — это форма взаимодействия субъектов по объединению их усилий для достижения общей цели. *Иерархия* (от греч. ἱεραρχία) — распространение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему[21]. По иерархическому принципу строится организационно-управленческая структура юридического лица; он присущ холдинговым объединениям (группам), основанным на отношениях корпоративного (экономического) контроля.

В организационных единствах, являющихся юридическими лицами, координация осуществляется через компетенцию *органов юридического лица.* Органы юридического лица в рамках своей компетенции реализуют правоспособность юридического лица. Последнее приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом (п. 1 ст. 53 ГК РФ).

Координация основана на законе или непосредственно не предусмотрена законом, а определена на локальном уровне самими субъектами — участниками организационного единства. В качестве примера последнего варианта можно привести деятельность корпоративного секретаря. Он не является органом юридического лица, его статус не определен законом, он не участвует в формировании воли юридического лица. При этом большинство акционерных обществ имеет корпоративного секретаря. Согласно ст. 3.1 Кодекса корпоративного управления[22] корпоративным секретарем обеспечиваются эффективное текущее взаимодействие с акционерами, координация действий общества по защите прав и интересов акционеров, поддержка эффективной работы совета директоров.

Часто в акционерных обществах неформальные функции координации выполняет старший независимый директор, причем такие функции, прямо не предусмотренные в законе, иногда закрепляются непосредственно во внутренних документах корпораций. Например, согласно п. 5.4 положения о совете директоров ПАО «Ростелеком» «старший независимый директор координирует взаимодействие между независимыми директорами, в том числе созывает по мере необходимости встречи независимых директоров и председательствует на них; совместно с Председателем Совета директоров способствует налаживанию и поддержанию диалога между членами Совета директоров и акционерами Общества; в ситуациях конфликта, в частности в случае существенных разногласий между членами Совета директоров, предпринимает усилия по разрешению конфликта путем взаимодействия с его участниками»[23].

В организационных единствах коммерческой направленности, не являющихся юридическими лицами, зачастую создаются структурные части, осуществляющие стратегическое планирование, общее руководство деятельностью группы. Они выражают предпочтения тем или иным проектам, утверждают бизнес-планы, определяют позицию представителя группы при голосовании в органах управления подконтрольных лиц, распределяют финансовые потоки и пр. (эти структурные части могут иметь различные наименования, например «совет холдинга», «коллегия холдинга», «ассамблея железных дорог»). В социально-культурной сфере такие образования могут, например, наметить программу концертов музыкальной группы, утвердить проект гастролей, организовать сопровождение группы и пр. Не являющиеся органами юридического лица структурные части организационного единства иногда пытаются издавать документы, регламентирующие поведение субъектов, участвующих в организационном единстве, не имея на то формальных юридических оснований. Если такие распоряжения начинают фактически оказывать регулирующее воздействие на юридическое лицо, лишают его автономии воли, превращая в подконтрольное, то можно ставить вопрос о привлечении к ответственности лиц, дающих указания, как фактически контролирующих лиц (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). Но

[21] Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999.

[22] Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40.

[23] URL: https://www.company.rt.ru/ir/corporate_governance/docs/Положение_о_СД_ред_16.pdf?ysclid=m572sxupeq755852792 (дата обращения: 14.04.2025).

надо понимать, что лица, которые подчиняются решениям подобных структурных частей, в дальнейшем юридически самостоятельно будут нести ответственность за принятые решения, в том числе в отношении которых были даны поручения, директивы для голосования и другие подобные рекомендации.

Распределение функций внутри организационного единства. В зависимости от вида общности, распределение функций может производиться по конкретным людям либо по относительно устойчивым функциональным частям. Очевидно, что если речь идет о музыкальном коллективе, например квартете или оркестре, то каждый участник общности будет играть на определенном инструменте, а дирижер будет направлять общую деятельность. Если же говорить о юридическом лице, то распределение функций будет осуществляться более формализованно, с четким определением подразделений, реализующих ту или иную функцию, причем зачастую вне зависимости от персонального состава подразделения. Некоторые из таких частей (подразделений) выполняют *фактические действия* (например, на складе хранятся товары, в цехе производится продукция), другие участвуют в совершении юридических действий (например, органы — в формировании воли юридического лица). Отметим, что *организационное единство, являющееся юридическим лицом, обязательно имеет структурные части, формирующие или выражающие волю, т.е. органы, и поэтому для таких структурных частей необходимо определение компетенции*. Организационные единства, не являющиеся юридическим лицом, не могут формировать и выражать во внешний мир волю, быть участниками имущественного оборота, поэтому волеформирующие и волеизъявляющие органы им не требуются.

В некоторых случаях для обеспечения функционирования организационного единства вне места его нахождения создаются филиалы и представительства. Согласно ст. 55 ГК РФ представительством является обособленное подразделение юридического лица, расположенное вне места его нахождения, которое представляет интересы юридического лица и осуществляет их защиту. Филиал — обособленное подразделение юридического лица, расположенное вне места его нахождения и осуществляющее все его функции или их часть, в том числе функции представительства.

Наличие единого нормативного пространства (объединенность общими стандартами). Поведение субъектов, объединенных в организационное единство, подчиняется определенным правилам. Групповые правила — обязательный признак любого организационного единства. В зависимости от формы такого единства состав правил различается. Например, для юридических лиц чаще всего используются устав в качестве учредительного документа и внутренние (локальные) документы; для всех дозволенных законом организационных единств нормативное пространство включает правовые предписания.

Своды правил формируются на основании как правовых предписаний, так и собственных представлений группы о правильном поведении и выражены в стандартах, регламентах, декларациях, меморандумах и пр. В отдельных случаях такие своды правил вообще могут не иметь письменной фиксации (флибустьерский кодекс представлял собой свод пиратских обычаев, передаваемых в устной форме).

Наличие у большинства юридических лиц устава и/или учредительного договора, а также внутренних документов и *позволяет организации действовать по определенным правилам, зачастую отличным* от подобных правил других образований (организационных единств). Отметим, что не только в юридическом лице, но и в группах компаний уставы дочерних обществ, корпоративные договоры, внутренние документы разрабатываются по единому образцу, спроектированному управляющей организацией.

Надо отметить, что само по себе существование групповых правил (внутренних положений) не всегда является благом: не каждую систему правил можно считать дополняющей правовое регулирование, хотя все они оказывает регулирующее воздействие на членов соответствующей общности. Поэтому задача правовых институтов — анализировать систему правил, регламентирующих отношения такой группы, на предмет их соответствия нормам права.

Известна и проблема низкой юридической техники при подготовке этих документов. Например, по одному вопросу может быть принято несколько противоречивых документов, что ставит в затруднительное положение тех, кто применяет такие правила.

Внешняя демонстрация принадлежности к организационному единству. Организационные единства имеют свои символы. К таким

внешним символам относятся фирменные наименования, коммерческие обозначения, зонтичные бренды и пр. Через использование таких внешних атрибутов выражается единство, причем это единство может иметь различные формы. Например, согласно ст. 2 Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»[24] торговая сеть — совокупность двух и более торговых объектов, которые принадлежат на законном основании хозяйствующему субъекту или нескольким хозяйствующим субъектам, входящим в одну группу лиц в соответствии с Федеральным законом от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», или совокупность двух и более торговых объектов, которые используются под единым коммерческим обозначением или иным средством индивидуализации. Как видим, здесь единое коммерческое обозначение позволяет рассматривать как торговую сеть даже юридически разных субъектов права, а в связи с этим устанавливать единые правила для приобретения товаров в такую торговую сеть. То есть правила и ограничения законодатель адресует юридически разным субъектам, воспринимаемым как единое целое в связи с тем, что они продают товары под единым коммерческим обозначением. Известна практика использования так называемых зонтичных брендов, предполагающая применение тождественных или сходных обозначений для создания внешней оболочки единства. Причем в некоторых случаях такая общность может формироваться легальными инструментами (например, с заключением лицензионного договора или договора коммерческой концессии), а в других — может создаваться видимость общности путем недобросовестного использования соответствующих обозначений.

В рамках антисанкционного регулирования с целью обеспечения восприятия субъектами гражданского оборота сохранения организационного единства необходимо исключить участие субъектов из недружественных государств; существует практика создания юридических лиц с идентичными фирменными наименованиями. Так, согласно Указу Президента РФ от 19.12.2023 № 966 «О дополнительных специальных экономических мерах в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций»[25] Правительство РФ создает российские общества с ограниченной ответственностью, к которым переходят все права и обязанности, от следующих обществ: от ООО «Ачим Девелопмент» к ООО «Ачим Девелопмент»; от АО «Ачимгаз» к ООО «Ачимгаз»; от АО «Ачим сбыт» к ООО «Ачим сбыт».

Как видим, *организационное единство является объективно (во внешнем мире) выраженным устойчивым объединением, интегрированным функционально незаменимым компонентом, имеющим структуру, состоящую из отдельных элементов и связей между ними, действующим на основании системы внутригрупповых правил; принадлежность к этому объединению обозначается с помощью доступных для восприятия символов.*

Значение данного понимания состоит в теоретическом обосновании содержания устава, и в частности распределения полномочий между органами, качественного критерия для признания сделки крупной, допустимости безвозмездной передачи имущества от одного коммерческого юридического лица другому в рамках организационного единства, допустимости так называемого снятия корпоративных покровов и иных случаев привлечения к ответственности одного юридического лица по обязательствам другого. Рассмотрим эти последствия признания организационного единства более подробно.

Так, для ответа на вопрос об уставных ограничениях на совершение сделок единоличным исполнительным органом самостоятельно нужны объективные критерии, к которым, в частности, можно отнести понимание стержневого актива, вокруг которого построено организационное единство. Компании, исходя из собственной трактовки значимости тех или иных сделок для конкретного бизнеса, устанавливают пределы самостоятельности директора по сумме сделки, виду отчуждаемого (приобретаемого) имущества. Например, для компании особую важность могут иметь сделки с акциями (долями участия) дочерних обществ, недвижимым имуществом или объектами интеллектуальной собственности.

Согласно п. 8 ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственно-

[24] СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.

[25] СЗ РФ. 2023. № 52. Ст. 9600.

стью»[26] под сделками, не выходящими за пределы обычной хозяйственной деятельности, понимаются любые сделки, которые приняты в деятельности соответствующего общества либо иных хозяйствующих субъектов, осуществляющих аналогичные виды деятельности, независимо от того, совершались ли такие сделки таким обществом ранее, если такие сделки не приводят к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов. Из этого в юридической доктрине и судебной практике выводят так называемый качественный критерий крупной сделки, который означает необходимость оценки, помимо стоимости отчуждаемого или приобретаемого актива, также воздействия сделки на всю деятельность юридического лица. Эти параметры изменения масштаба или прекращения деятельности заставляют взвешенно подходить к оценке всей совокупности юридических действий, совершаемых юридическим лицом, цели его деятельности (опять же, речь идет не об общей для всех коммерческих юридических лиц цели извлечения прибыли, а как раз о вышерассмотренной цели организационного единства, обусловленной стержневым активом). В связи с этим для одного юридического лица продажа фитнес-центра будет продажей непрофильного актива; даже притом, что его стоимость составляет более 50 % балансовых активов общества, эта сделка может быть признана совершаемой в процессе обычной хозяйственной деятельности. Для другого лица аналогичная сделка будет крупной исходя из целей его деятельности. Сегодня судам непросто разобраться в качественном критерии, что приводит к отсутствию единообразия практики[27].

Безвозмездная передача имущества от одних юридических лиц другим всегда вызывает массу вопросов в судебной практике ввиду прямого запрета дарения в отношениях между коммерческими организациями (п. 4 ст. 575 ГК РФ). При этом суды в случаях, когда безвозмездные передачи имущества происходят внутри одного организационного единства (например, между основным и дочерним обществами или между двумя дочерними обществами одного основного общества и пр.), высказывали правовую позицию относительно допустимости таких действий. Так, Президиум Верховного Суда РФ указал, что совершаемые между основным и дочерним обществами сделки по передаче имущества без прямого встречного предоставления не могут быть квалифицированы как сделки дарения, поскольку отсутствие такого предоставления является особенностью взаимоотношений между данными лицами, являющимися *с экономической точки зрения единым хозяйствующим субъектом.* Передача имущества от дочернего общества основному (и наоборот) обусловливается необходимостью в перераспределении имущества (ресурсов) между ними *для достижения общих целей экономической деятельности (экономической целесообразностью).* С учетом подконтрольности общества концерну и общих целей их экономической деятельности, для реализации которых может возникать необходимость в перераспределении имущества (ресурсов) между основным и дочерним обществами, квалификация любых совершаемых между такими лицами сделок по передаче имущества без прямого встречного предоставления в качестве дарения, по мнению Высшего Арбитражного Суда РФ, ошибочна[28].

Сегодня вопрос о допустимости безвозмездных передач одним коммерческим юридическим лицом другому в рамках одного организационного единства (когда одно юридическое лицо является акционером другого) частично решен в Федеральном законе «Об акционерных обществах»[29]. В частности, согласно п. 1 ст. 32.2 Закона к договорам, на основании которых вносятся вклады в имущество общества, не применяются положения ГК РФ о договоре дарения.

Внутри организационного единства можно также прощать долги друг другу без риска признания такого прощения недействительным со ссылкой на п. 4 ст. 575 ГК РФ. Согласно п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ

[26] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

[27] См., например: определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.08.2024 № 305-ЭС24-8216 по делу № А41-62370/2021 (дело «Бест Клин») ; от 08.07.2024 № 308-ЭС24-2859 (дело ЗАО «СП “Русь”») ; от 06.09.2024 № 308-ЭС24-3124 (дело ООО «Дон-Моторс плюс»).

[28] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.12.2012 № 8989/12.

[29] Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»[30] прощение долга не свидетельствует о заключении договора дарения, если совершается кредитором в отсутствие намерения одарить должника. Об отсутствии такого намерения могут свидетельствовать, в частности, взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству (например, признанием долга, отсрочкой платежа по другому обязательству, досудебным погашением спорного долга в непрощенной части и т.п.), достижение кредитором иного экономического интереса, прямо не связанного с прощением долга, и т.п. В организационном единстве имеется иной экономический интерес, который, однако, необходимо специально обосновывать.

Как следует из п. 1 ст. 48, п. 1 и 2 ст. 56, п. 1 ст. 87 ГК РФ, законодательство о юридических лицах построено на основе принципов отделения их активов от активов участников, имущественной обособленности, ограниченной ответственности и самостоятельной правосубъектности. В то же время правовая форма юридического лица (корпорации) не должна использоваться его участниками и иными контролирующими лицами для причинения вреда независимым участникам имущественного оборота. Это предполагает наличие у участников корпораций, а также у лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений и по общему правилу исключает возможность привлечения упомянутых лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица перед иными участниками оборота[31].

Как мы уже отметили, не всякое организационное единство является юридическим лицом. Для того чтобы организационное единство можно было признать юридическим лицом, стержневой актив, цель, структура общности (компоненты и связи между ними), а также символическое обозначение, используемое для демонстрации идентичности и индивидуализации, должны соответствовать установленной в законе организационно-правовой форме. В настоящее время допускается регистрация юридических лиц только в тех организационно-правовых формах, которые прямо названы в ГК РФ. Согласно п. 2 ст. 48 ГК РФ юридическое лицо должно быть зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных Гражданским кодексом. Если стержневой актив, цель, структура общности, а также символическое обозначение не соответствуют закону, то в регистрации юридического лица будет отказано. Это не препятствует существованию организационных единств, не являющихся юридическими лицами.

Некоторые такие организационные единства без правового статуса юридического лица прямо названы в законе. Так, согласно ст. 2 Федерального закона от 29.07.2017 № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[32] инновационный научно-технологический центр — совокупность организаций, основной целью которых является осуществление научно-технологической деятельности, и иных лиц, деятельность которых направлена на обеспечение функционирования такого центра, действующих на определенной Правительством РФ территории. Согласно Федеральному закону от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»[33] интегрированная структура оборонно-промышленного комплекса — объединение ведущих совместную деятельность юридических лиц, которое не является юридическим лицом, создается в соответствии с решениями Президента РФ или Правительства РФ и в котором одно юридическое лицо имеет возможность определять решения, принимаемые остальными юридическими лицами. В соответствии с указанным Законом определяется и промышленный кластер — как

[30] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. № 136. 25.06.2020.

[31] См.: определение Верховного Суда РФ от 02.09.2024 № 302-ЭС24-8561 по делу № А58-3080/2022 ; определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.07.2024 № 303-ЭС24-372 ; от 27.06.2024 № 305-ЭС24-809.

[32] СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4765.

[33] СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41.

совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации.

Существуют и иные неправосубъектные общности, обладающие организационным единством, такие как гражданско-правовое сообщество, семья, домохозяйство, кластеры и др.

Заключение

Организационное единство является объективно (во внешнем мире) выраженным устойчивым объединением, интегрированным функционально незаменимым компонентом, имеющим структуру, состоящую из отдельных элементов и связей между ними, действующим на основании системы внутригрупповых правил; принадлежность к этому объединению обозначается с помощью доступных для восприятия символов.

Организационное единство не является эксклюзивным признаком юридического лица. Общности, обладающие организационным единством, могут иметь или не иметь статус юридического лица в зависимости от того, планируют ли участники общности приобретать и осуществлять права и выступать в гражданском обороте, для чего необходима правосубъектность. Если организационное единство желает иметь правосубъектность (быть юридическим лицом), оно должно соответствовать требованиям, установленным в законе к организационно-правовым формам общностей, допускаемых к участию в гражданском обороте в качестве юридического лица.

Значение данного понимания состоит в теоретическом обосновании содержания устава, и в частности распределения полномочий между органами, качественного критерия для признания сделки крупной, допустимости безвозмездной передачи имущества от одного коммерческого юридического лица другому в рамках организационного единства, допустимости так называемого снятия корпоративных покровов и иных случаев привлечения к ответственности одного юридического лица по обязательствам другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. 367 с.

Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. 363 с.

Габов А. В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 11–21.

Кочеткова А. И. Введение в организационное поведение и организационное моделирование : учеб. пособие. М., 2003. 172 с.

Лаптев В. А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М. : Волтерс Клувер, 2008. 258 с.

Ломакин Д. В. Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2021. № 2. С. 3–12.

Мильнер Б. З. Теория организации : учебник. М., 2008. 864 с.

Могилевский С. Д., *Самойлов И. А.* Корпорации в России. Правовой статус и основы деятельности. М., 2007. 607 с.

Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. М. : Статут, 2011. 958 с.

REFERENCES

Bratus SN. Legal Entities in Soviet Civil Law (Concept, Types, State Legal Entities). Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR; 1947. (In Russ.).

Bratus SN. Subjects of Civil Law. Moscow: State Publishing House of Legal Literature Publ.; 1950. (In Russ.).

Gabov AV. Economic Dependence of Legal Entities: Some Reflections on the Development Of The Institution. *Civil Law.* 2022;3:11-21. (In Russ.).

Kochetkova AI. Introduction to organizational behavior and organizational modeling. Moscow; 2003. (In Russ.).

Laptev VA. Entrepreneurial Associations: Holdings, Financial and Industrial Groups, Simple Partnerships. Moscow: Wolters Kluver; 2008. (In Russ.).

Lomakin DV. General Characteristics of the Rights and Obligations of Members of a Limited Liability Company. *Civil Law.* 2021;2:3-12. (In Russ.).

Milner BZ. Theory of Organization. Moscow; 2008. (In Russ.).

Mogilevsky SD, Samoilov IA. Corporations in Russia. Legal Status and Fundamentals. Moscow; 2007. (In Russ.).

Sukhanov EA (ed.). Russian Civil Law: In 2 vols. Vol. 1: General Part. Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-property Rights. Moscow; 2011. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Филиппова Софья Юрьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
д. 1, стр. 13, Ленинские горы, г. Москва 119991, Российская Федерация
filippovasy@yandex.ru

Шиткина Ирина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
д. 1, стр. 13, Ленинские горы, г. Москва 119991, Российская Федерация
ishitkina@shitkina-law.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sofia Yu. Filippova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Commercial Law and Fundamentals of Jurisprudence, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
ilippovasy@yandex.ru

Irina S. Shitkina, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Business Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
ishitkina@shitkina-law.ru

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 14 мая 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 17.04.2025.
Revised 14.05.2025.
Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.044-056

Д. А. Кокова
Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова
г. Нальчик, Российская Федерация

Семья в фокусе государственной политики и влияние этого тренда на метод семейно-правового регулирования

Резюме. Конституционный принцип поддержки и защиты семьи, а также взаимосвязанные с ним конституционные новеллы 2020 г. в совокупности с утверждением Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей обусловили принципиально новый политико-правовой вектор семейно-правового регулирования. Констатируется естественная связь государства, общества и семьи, которая предполагает допустимость позиционирования последней в качестве объекта политики Российской Федерации. При этом проводится четкая дифференциация семьи как объекта государственной политики и семьи как объекта правового воздействия. В статье представлены рассуждения о специфике метода семейно-правового воздействия; рассмотрена дискуссия о соотношении императивных и диспозитивных начал в семейно-правовом регулировании; обозначены особенности влияния частных интересов на содержание метода семейно-правового регулирования; подчеркнута значимость принципа недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи как маркера, предопределяющего специфику метода семейно-правового регулирования. Доказано, что уникальность семейного права заключается в том, что его нормы охраняют и защищают интересы участников семейных правоотношений, фиксируя правовой статус членов семьи. Аргументировано, что при изучении специфики метода семейно-правового регулирования необходимо исходить из того, что семейные отношения являются истинным объектом правового воздействия.

Ключевые слова: семейная государственная политика; семья; семейные правоотношения; метод семейно-правового регулирования; принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи; личная тайна; семейная тайна; интересы участников семейных правоотношений; семейное право; семейное законодательство

Для цитирования: Кокова Д. А. Семья в фокусе государственной политики и влияние этого тренда на метод семейно-правового регулирования. *Lex russica.* 2026. Т. 79. № 3. С. 44–56. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.044-056

The Family in Public Policy Focus and Its Impact on the Method of Family Law Regulation

Diana A. Kokova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
Nalchik, Russian Federation

Abstract. The constitutional principle of support for and protection of the family, together with the constitutional amendments of 2020 and the adoption of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, have established a fundamentally new political and legal vector for family law regulation. The natural connection between the state, society and the family is affirmed, which permits positioning the family as an object of family state policy of the Russian Federation. At the same time, a clear distinction is drawn between the family as an object of family state policy and the family as an object of family legal influence. The paper advances arguments concerning the specific method of family law influence. It discusses

© Кокова Д. А., 2026

the balance between imperative and dispositive principles in family legal regulation, notes the impact of private interests on the content of the regulatory method, and emphasizes the significance of the principle prohibiting arbitrary interference in family affairs as a defining marker of that method. It is demonstrated that the distinctiveness of family law lies in its normative function to protect the interests of participants in family legal relations and to fix the legal status of family members. The study concludes that, in analyzing the specifics of the method of family law regulation, one must proceed from the premise that family relations are the true object of family law influence.
Keywords: family public policy; family; family legal relations; method of family law regulation; principle of inadmissibility of arbitrary interference by someone in the affairs of the family; personal secrecy; family secret; interests of participants in family legal relations; family law; family legislation
Cite as: Kokova DA. The Family in Public Policy Focus and Its Impact on the Method of Family Law Regulation. *Lex russica.* 2026;79(3):44-56. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.044-056

Введение

Целенаправленное правовое воздействие на волю субъектов семейного права при помощи императивного и диспозитивного методов обусловлено значением семьи как уникального социального института. Следует признать, что семья находится в фокусе государственной политики, на что указывают многочисленные нормативные правовые акты. Прежде всего, следует обратить внимание на конституционный принцип государственной поддержки и защиты семьи, лежащий в основе правового регулирования семейных отношений. Он закреплен в ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38, а также в п. «ж.1» ст. 72 Конституции РФ и достаточно часто упоминается в актах Конституционного Суда РФ[1]. Интересно, что в одних актах Конституционный Суд РФ связывает этот принцип с обязанностями, возложенными на социальное государство[2], а в других — с принципами правового государства[3]. Отметим, что ученые-юристы исходят из дифференциации принципов государственной поддержки и государственной защиты семьи[4], но признают их взаимосвязанность, поскольку поддержка без защиты не может быть эффективной[5]. Следует подчеркнуть, что в одном из актов стратегического планирования — Указе Президента РФ от 14.05.1996 № 712[6] — семья прямо названа объектом государственной се-

[1] См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 14.12.2021 № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 15.1 Федерального закона “О статусе военнослужащих” в связи с запросом 1-го Восточного окружного военного суда» ; от 09.04.2021 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 статьи 430 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. А. Беловой» ; от 02.03.2021 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. С. Шишкиной» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.03.2025).

[2] См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2018 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 36 и 82 Федерального закона “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Н. В. Кургаевой» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.03.2025).

[3] См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2020 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки И. К. Дашковой» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.03.2025).

[4] См., например: *Рабец А. М.* Принцип государственной охраны семьи, материнства, отцовства и детства в системе конституционного регулирования семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2024. № 1. С. 18–21.

[5] См., например: *Осипова М. А.* Конституционные ценности в сфере семейных отношений в решениях Конституционного Суда РФ // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 18–21.

[6] Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» (ред. от 05.10.2002) // Российская газета. № 94. 21.05.1996.

мейной политики. Добавим, что недавние конституционные преобразования, затронувшие институт семьи, были восприняты в качестве предпосылки новой семейно-правовой идеологии. Оценивая эти конституционные новеллы, О. Ю. Ильина подчеркнула, что принятые поправки к Конституции РФ «однозначно свидетельствуют о начале нового этапа совершенствования семейного законодательства»[7].

Основное содержание

Семейная политика Российской Федерации находит отражение и в иных актах, и в первую очередь в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.[8] Естественная связь государства, общества и семьи предполагает такую государственную политику, которая бы в полной мере обеспечивала устойчивость семейных групп, стабильность и нормальное функционирование института семьи, выполнение ею своих функций. Следует иметь в виду, что, будучи объектом государственной политики, семья одновременно выступает и объектом правового воздействия, что не тождественно. При этом семья подвергается правовому воздействию со стороны не только сугубо семейного, но и гражданского, уголовного, административного и иного отраслевого законодательства. Из этого следует принципиальный вывод о том, что воздействие на семью многогранно: оно не ограничивается нормами семейного законодательства. Ценность семейного права заключается в том, что оно охраняет и защищает интересы участников семейных правоотношений, фиксируя правовой статус членов семьи.

Семейные отношения, будучи предметом семейно-правового регулирования, испытывают влияние со стороны государства, заключающееся в использовании особого набора средств и приемов. Теория права изобилует научными подходами к пониманию сущности метода правового регулирования, однако в основе большинства из них лежат идентичные характеристики. Мы исходим из того, что это понятие включает в себя репрезентативный способ, в результате применения которого через призму правовых норм государство достигает желаемой модели поведения участников общественных отношений.

Наибольшую сложность вызывает поиск универсального критерия, имеющего определяющее значение для выяснения метода правового регулирования конкретной отрасли права. Придерживаясь логики настоящего научного изыскания, мы будем исходить из квалификации в качестве такого критерия интереса.

Семейное законодательство исходит из приоритетной защиты интересов семьи, поставленных в более высокий ранг, чем интересы ее членов, что позволяет сделать вывод о превалировании публично-правовых начал в регулировании семейных отношений. С учетом допускаемого семейным законодательством противостояния государственного интереса и интересов отдельных членов семьи законодатель должен стремиться к гармонизации антагонистических интересов, обеспечивая их баланс.

Например, в соответствии с п. 2 ст. 58 СК РФ имя ребенку дается по соглашению родителей. При этом согласно п. 3 ст. 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»[9] «при отсутствии соглашения между родителями имя ребенка и (или) его фамилия (при разных фамилиях родителей) записываются в записи акта о рождении ребенка по указанию органа опеки и попечительства». Таким образом, вмешательство государства в лице органов опеки и попечительства в дела семьи предстает вынужденной мерой, охраняющей интересы ребенка. С такой же целью был принят Федеральный закон от 01.05.2017 № 94-ФЗ «О внесении изменений в статью 58 Семейного кодекса Рос-

---

7 *Ильина О. Ю.* Совершенствование Семейного кодекса Российской Федерации как процесс поиска баланса частных и публичных интересов // Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов : монография / отв. ред. Л. В. Туманова. М. : Проспект, 2023. С. 294.

8 Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.04.2025).

9 Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.04.2025).

сийской Федерации и статью 18 Федерального закона "Об актах гражданского состояния"»[10], предусматривающий запрет на использование в имени ребенка «цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака "дефис", или их любой комбинации либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы».

В пояснительной записке к соответствующему законопроекту отмечалось, что введение подобных ограничений необходимо для достижения «баланса между правом родителей и правом ребенка на имя». Обосновывая важность данных новелл, разработчики законодательной инициативы указали: «Предполагается, что при принятии решения о том, как назвать ребенка, родители действуют исходя из его интересов… свобода родительского усмотрения в отдельных случаях приводит к злоупотреблению родителями их родительскими правами»[11]. Многочисленные случаи присвоения детям экзотических имен предопределили важность вмешательства государства в эту сферу через внесение соответствующих законодательных ограничений в интересах несовершеннолетних детей, что в числе прочего предопределено и принципом обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (п. 3 ст. 1 СК РФ).

Вопрос о методе семейно-правового регулирования следует признать не менее спорным, чем о его предмете. В основе рассуждений о специфике метода семейно-правового регулирования заложена дискуссия о соотношении императивных и диспозитивных начал, которая связана с вопросом о соотношении семейного и гражданского права.

Мнения ученых-юристов, высказанные в рамках обозначенной дискуссии, можно сгруппировать следующим образом: согласно первому подходу семейному праву свойствен императивный метод[12], в соответствии со вторым — императивно-диспозитивный[13], согласно третьему — диспозитивный[14], исходя из четвертого — диспозитивно-императивный[15]. О. Ю. Дерюшева, подчеркивая сочетание императивных и дозволительных начал в семейно-правовом регулировании, при этом отмечает, что диспозитивное регулирование занимает относительно небольшую долю в семейном праве[16]. Н. А. Матвеева полагает, что у семейного права императивно-диспозитивный метод, выражающийся, с одной стороны, в изобилии норм-запретов, а с другой — в предоставлении участникам семейных правоотношений свободы в выборе модели поведения[17]. Характеризуя метод семейного права в целом как диспозитивный, М. В. Антокольская пришла к выводу о том, что его особенностью выступает «сохранение значительного императивного начала»[18]. Как видим, критерием, положенным в основу обозначенной дискуссии, служит «удельный вес встречаемости» императивного и диспозитивного начал, что, по мнению В. А. Микрюкова, едва ли можно признать продуктив-

---

[10] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.04.2025).

[11] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения порядка присвоения и регистрации имени» // URL: http://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 16.04.2025).

[12] См., например: Семейное право / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2019. С. 13.

[13] См., например: *Белякова А. М.*, *Ворожейкин Е. М.* Советское семейное право. М. : Юридическая литература, 1974. С. 12 ; *Кравцова Л. Н.* Метод семейного права // Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества : материалы международной научно-практической конференции : в 2 т. Краснодар, 2005. Т. 1. С. 129.

[14] См., например: Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. Т. 1. С. 9, 19 (автор параграфа — Н. В. Иванов).

[15] См., например: *Корнеева И. Л.* Семейное право Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Юристъ, 2005. С. 23 ; *Муратова С. А.* Семейное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2010. С. 8.

[16] *Дерюшева О. И.* Об особенностях метода семейно-правового регулирования // Цивилист. 2023. № 4. С. 67–72.

[17] *Матвеева Н. А.* Запреты в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2023. № 6. С. 2–5.

[18] *Антокольская М. В.* Семейное право : учебник. М. : Инфра-М, 2013. С. 31.

ным[19]. Действительно, выяснение процентного соотношения императивных и диспозитивных начал в правовом регулировании семейных отношений не позволяет сформировать целостное представление о его содержании и специфике. Л. И. Глушкова и С. О. Лозовская предложили оставить попытки выяснения преобладания императивных либо диспозитивных начал в семейно-правовом регулировании[20]. Присоединяясь к высказанному предложению, подчеркнем, что анализ семейного законодательства, а также научных подходов к соотношению императивных и диспозитивных начал в семейном праве позволяет сделать вывод о невозможности построения безупречной аргументации в пользу преобладания тех или иных начал.

Критикуя обозначенные подходы к характеристике метода семейно-правового регулирования, В. А. Микрюков выдвигает тезис о том, что главной чертой метода семейного права выступает ситуационность. Доказывая свою точку зрения, он приводит следующие аргументы: и императивные, и диспозитивные нормы семейного законодательства могут быть ситуационными; широкое использование оценочных категорий в семейном законодательстве представляет собой проявление ситуационного регулирования; индивидуальный подход к регламентации поведения участников семейных правоотношений является основным[21]. Отметим, что на ситуационность как черту метода семейно-правового регулирования обращают внимание и иные ученые-юристы[22]. В литературе указывается и на другие черты метода семейно-правового регулирования, например на наличие управомочивающе-обязывающих норм (так называемых прав-обязанностей)[23], личный характер семейно-правовых связей и т.п.[24] Несмотря на то что эти и некоторые иные черты действительно выделяют семейное право среди иных отраслей, это не позволяет выявить специфику его метода.

Нередко, характеризуя метод семейно-правового регулирования, ученые-юристы обращаются к целям, задачам и принципам семейного законодательства. Так, А. Н. Левушкин прямо пишет: «Цели, задачи и принципы семейно-правового регулирования являются своеобразным выражением императивности метода семейного права»[25]. Связывая метод семейного права с его принципами и интересами, Н. Н. Тарусина в свое время отметила следующее: «Двигателем развития является триада интересов, два из которых относятся к индивиду (потребность невмешательства в его личную жизнь и одновременное желание получить необходимую помощь в разрешении семейных проблем), а один — к государству и обществу (интерес в контроле своего воспроизводства), частный компонент тесно переплетен с публичным, императив — с диспозитивом»[26]. С учетом частноправовой сущности семейного права интересы, обращенные к индивиду, заслуживают особого внимания, поэтому предлагаем через их призму выяснить специфику семейно-правового регулирования.

Влияние частных интересов на содержание метода семейно-правового регулирования предполагает прежде всего установление оптимальных пределов государственного вме-

---

[19] *Микрюков В. А.* Ситуационность — главная черта метода семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 4. С. 7–12. См. также: *Микрюков В. А.*, *Микрюкова Г. А.* О методе гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1. С. 161–166.

[20] Семейное право / под ред. С. О. Лозовской. М. : Проспект, 2013. С. 18.

[21] См. об этом: *Микрюков В. А.* Ситуационность — главная черта метода семейного права. С. 7–12.

[22] См., например: *Савельев Д. Б.* Соглашения в семейной сфере : учеб. пособие. М. : Проспект, 2017 ; *Темникова Н. А.* Особенности семейно-правового метода // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 96–103.

[23] См. об этом: *Рясенцев В. А.* Советское семейное право : учебник. М. : Юридическая литература, 1971. С. 13–16 ; *Филиппова Т. А.*, *Маньковский И. Ю.*, *Титаренко Е. П.* Практическое значение определения отраслевой самостоятельности семейного права // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 19–22.

[24] См. об этом: *Яковлев В. Ф.* Избранные труды. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. С. 17.

[25] *Левушкин А. Н.* Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств — участников Содружества Независимых Государств : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 179.

[26] *Тарусина Н. Н.* Семейное право : учеб. пособие. М. : Проспект, 2001. С. 25.

шательства в дела семьи. В научной литературе обращается внимание на то, что российское семейное законодательство исходит из невмешательства государства и публичных органов в дела семьи, в то время как в зарубежных правопорядках складывается противоположная тенденция, связанная с расширением участия государства в семейных отношениях[27]. Однако в последнее время всё чаще звучит идея усиления императивности в отечественном правовом регулировании общественных отношений с участием граждан, имеющих детей. Как справедливо отметила О. Ю. Ильина, анализ проектируемых норм, а также некоторых новелл семейного законодательства позволяет обнаружить тенденцию усиления публично-правовых начал в механизме семейно-правового регулирования[28]. Нередко защита так называемых слабых членов семьи, в первую очередь детей, оправдывает вмешательство в дела семьи, однако законодательством предусмотрены пределы такого вмешательства, что обеспечивает баланс частных и публичных интересов. По справедливому замечанию М. А. Осиповой, «вмешательство со стороны государства заключается не только в установлении правил и мер ответственности, но и в выполнении своих конституционных обязанностей по поддержке и защите семьи, что должно определять и общий подход к совершенствованию законодательства в сфере семейных отношений»[29]. В то же время баланс частных и публичных интересов в брачно-семейной сфере достижим только при актуализации соотношения императивных и диспозитивных норм с учетом объективных потребностей общества в исследуемой сфере.

Потребность в невмешательстве в личную жизнь индивида удовлетворяется за счет созвучного с ней принципа, обозначенного в ст. 1 СК РФ, — недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи. Обращая внимание на этот принцип, следует подчеркнуть многогранность общественных отношений, возникающих между членами семьи. Нередко эти отношения носят достаточно сложный характер, создавая предпосылки для произвольного вмешательства в дела семьи, однако это недопустимо.

На наш взгляд, в российском обществе недостаточно развиты традиции уважения каждой отдельно взятой семьи и невмешательства в ее внутренние дела. Так, родители взрослого ребенка, создавшего собственную семью, нередко допускают грубое вторжение в дела молодой семьи; супруги, состоящие в браке между собой, вступают в интимные связи с третьими лицами, создавая тем самым условия для их вмешательства в дела семьи; мужчина, вступая в брак с беременной от другого мужчины женщиной, впоследствии записывается отцом ребенка, рожденного такой женщиной, а биологический отец, вспомнивший про свое отцовство и воспылавший чувствами к родившемуся ребенку, нередко безосновательно вторгается в чужую семью. Аналогичная ситуация возникает, когда мужчина и женщина, не состоящие в браке между собой, подают совместное заявление по п. 2 ст. 51 СК РФ, являющееся основанием для записи этого мужчины в качестве отца ребенка. При этом согласно п. 2 ст. 52 СК РФ «требование лица, записанного отцом ребенка на основании пункта 2 статьи 51 настоящего Кодекса, об оспаривании отцовства не может быть удовлетворено, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка».

Подчеркнем, что принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи достаточно часто используется для усиления аргументации по делам об оспаривании отцовства по иску наследника лица, записанного в качестве отца ребенка. Так, Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобу гражданки О. С. Шишкиной, пришел к выводу о том, что пункт 1 ст. 52 СК РФ не соответствует Конституции РФ[30], что послужило основанием для дальнейшей законотворческой работы: Федеральным законом от 04.08.2022 № 362-ФЗ

[27] См. об этом: *Хабриева Т. Я.*, *Ковлер А. И.*, *Курбанов Р. А.* Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023.

[28] *Ильина О. Ю.* К вопросу об изменении предмета и метода семейно-правового регулирования // Семейное право: современные проблемы теории и практики : материалы международного круглого стола, Минск, 16–17 октября 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; ред. кол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2020. С. 151–158.

[29] *Осипова М. А.* К вопросу о пределах государственного вмешательства в сферу семейных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 25.

[30] Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 № 4-П.

«О внесении изменения в статью 52 Семейного кодекса Российской Федерации» пункт 1 ст. 52 СК РФ был дополнен абзацем 2 следующего содержания: «Запись об отце ребенка в книге записей рождений, произведенная в соответствии с пунктом 2 статьи 51 настоящего Кодекса, может быть оспорена в судебном порядке также по требованию наследника лица, записанного в качестве отца ребенка. Соответствующее требование может быть удовлетворено в случае нарушения положений указанного пункта, в том числе если такая запись произведена на основании подложных документов либо без свободного волеизъявления лица, отцовство которого было установлено во внесудебном порядке»[31].

Добавим, что до внесения указанных изменений Пленум Верховного Суда РФ, толкуя п. 1 ст. 52 СК РФ во взаимосвязи с п. 1 и 2 ст. 51, пояснил, что перечень указанных в этих нормах лиц является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит ввиду того, что семейное законодательство исходит из недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (ст. 1 Кодекса)[32]. Проанализировав решение Центрального районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 30.03.2017 по делу № А-480/2017, в котором суд отказал в применении по аналогии ст. 56 СК РФ к правам и обязанностям органа опеки и попечительства в отношениях, связанных с установлением отцовства, В. А. Микрюков пояснил, что принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи детерминирует недопустимость расширительного толкования норм семейного законодательства, которые определяют перечень лиц, обладающих правом на обращение в суд с иском об установлении отцовства (ст. 49 СК РФ), и субъектов, способных оспаривать запись о родителях в книге записей рождений[33].

Кроме обозначенной жалобы гражданки О. С. Шишкиной, Конституционный Суд РФ рассматривал и иные заявления, связанные с принципом невмешательства в дела семьи. Так, Ч. оспаривал конституционность п. 1 ст. 52 СК РФ в связи с тем, что он, будучи предполагаемым отцом ребенка, не относится к лицам, имеющим право оспорить запись об отце. Как следует из представленных материалов, Ч., предполагая свое отцовство в отношении двух несовершеннолетних детей, которые фактически проживали с матерью и ее супругом, записанным в качестве отца этих детей, предпринял попытку выяснения истинных кровнородственных связей между ним и несовершеннолетними детьми. Однако в этом ему было отказано, в том числе в связи с действием принципа недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи[34]. Оценивая эту ситуацию, следует добавить, что, даже если заявитель действительно является отцом двух несовершеннолетних детей, он не вправе вмешиваться в дела семьи, сложившейся между матерью, ее супругом и детьми. Именно между этими лицами сформировались близкие лично-доверительные отношения и устойчивая эмоциональная связь. Поэтому Ч. является по отношению к этой семье посторонним, не имеющим права на вмешательство в ее дела.

По справедливому замечанию О. Ю. Ильиной, в каждом конкретном случае требуется установление оснований и форм вмешательства третьих лиц, не являющихся субъектами семейных правоотношений, в дела соответствующей семьи[35]. Анализируя законы некоторых субъектов РФ, устанавливающие административную ответственность за склонение женщины

---

[31] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.03.2025).

[32] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (ред. от 26.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

[33] См. об этом: *Микрюков В. А.* Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М. : Статут, 2021.

[34] Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ч. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.03.2025).

[35] См. об этом: *Ильина О. Ю.* Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 2 (70). С. 23–32.

к аборту, автор приходит к выводу о том, что единственным аргументом в поддержку такой инициативы можно признать действие принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи[36].

А. Х. Ульбашев отмечает, что законодатель предоставляет родителям «неограниченные возможности в реализации личных родительских прав», что детерминировано действием принципа недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи[37]. С указанным принципом А. В. Швабауэр связывает недопустимость необоснованного отобрания детей у родителей на основании ст. 77 СК РФ и утверждает, что проблема определения непосредственной угрозы согласно данной статье привела к формированию практики избыточного вмешательства в семьи[38]. Пленум Верховного Суда РФ не только сформулировал определение понятия «непосредственная угроза» для целей ст. 77 Кодекса[39], но и предложил примерный перечень действий (бездействия), которые могут создать такую угрозу (непредоставление малолетнему ребенку воды, питания, крова, неосуществление ухода за грудным ребенком либо оставление его на длительное время без присмотра и т.д.)[40]. Для совершенствования механизма отобрания ребенка по правилам ст. 77 СК РФ был разработан законопроект, предполагающий внесение изменений в ряд нормативных правовых актов, в том числе в Кодекс. В пояснительной записке к этому законопроекту отмечалось: «Многолетняя практика применения статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации нередко свидетельствует о произвольном вмешательстве органов власти в дела семьи, от чего страдают как дети, так и родители (усыновители, опекуны)»[41]. Однако этот законопроект не получил одобрения и впоследствии был снят с рассмотрения Советом Государственной Думы ФС РФ.

С принципом недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи тесно связан принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, содержащийся в п. 3 ст. 1 СК РФ. Неудивительно, что зачастую в правоприменительных актах эти принципы упоминаются в паре[42]. Акцентируя значимость принципа разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, О. И. Величкова отметила: «Согласитесь, мало найдется отраслей права, где подобная идея возведена в ранг

---

[36] См. об этом: *Ильина О. Ю.* Двойная сплошная, или К вопросу о свободе репродуктивного выбора супругов // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 5–8.

[37] *Ульбашев А. Х.* Общее учение о личных правах. М. : Статут, 2019.

[38] *Швабауэр А. В.* Институт отобрания ребенка у родителей: недостатки правового регулирования и пути разрешения проблем // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 42–44.

[39] Так, Пленум Верховного Суда РФ постановил, что «под непосредственной угрозой жизни или здоровью ребенка, которая может явиться основанием для вынесения органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо главой муниципального образования акта о немедленном отобрании ребенка и изъятии его из семьи, следует понимать угрозу, с очевидностью свидетельствующую о реальной возможности наступления негативных последствий в виде смерти, причинения вреда физическому или психическому здоровью ребенка вследствие поведения (действий или бездействия) родителей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых ребенок находится. Такие последствия могут быть вызваны, в частности, отсутствием ухода за ребенком, отвечающего физиологическим потребностям ребенка в соответствии с его возрастом и состоянием здоровья» (п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. № 262. 20.11.2017).

[40] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44.

[41] Пояснительная записка к проекту федерального закона № 986679-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция, внесенная в Государственную Думу ФС РФ; текст по состоянию на 10.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[42] См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2022 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. Г. Клепиковой» // Российская газета. № 95. 04.05.2022 ; по-

принципа права»[43]. Этот принцип предопределяет диспозитивность правового регулирования семейных отношений: гарантируя свободу выбора варианта поведения, законодатель тем самым подчеркивает приоритет частного интереса в отношениях, возникающих между членами семьи. Например, С. Ю. Чашкова связывает этот принцип с предоставленной супругам свободой в выборе законного или договорного режима их имущества[44]. Соглашаясь с автором, добавим, что принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию способствует эффективности соглашений в рамках семейного правоотношения.

Таким образом, принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи является своеобразным маркером, подчеркивающим специфику метода семейно-правового регулирования. Представление о семье как об особом правоотношении с определенным субъектным составом позволяет произвести четкую дифференциацию между членами семьи и третьими лицами, на которых распространяется данный принцип.

Специфика метода семейного права заключается в том, что семейные отношения регулируются по усмотрению самих субъектов в пределах, предусмотренных семейным законодательством. Данные пределы могут быть квалифицированы в качестве норм преимущественно императивной направленности, что позволяет сделать вывод об императивно-диспозитивном методе правового регулирования семейных правоотношений. В то же время мы исходим из объективной потребности в демократизации семейного законодательства, т.е. увеличении числа норм права, предоставляющих участникам семейных отношений дополнительные правовые возможности по учету их частного интереса. Несмотря на то что такие правовые возможности потенциально свойственны и действующему семейному законодательству, во многом построенному по принципу «разрешено всё, что не запрещено», важно создать соответствующую законодательную тенденцию. По справедливому замечанию О. Ю. Ильиной, самостоятельность участников семейных правоотношений ограничивается только необходимостью получения согласия либо иных членов семьи, либо органов публичной власти[45]. Отсюда следует, что частные интересы участников семейных правоотношений могут быть эффективно реализованы в рамках преимущественно диспозитивного метода правового регулирования, что предопределяет значимость увеличения количества диспозитивных семейно-правовых норм. Применительно к семейному законодательству в целом отечественный законодатель занимает консервативную позицию, руководствуясь, по всей видимости, тем, что «семейная сфера правового регулирования требует очень взвешенного и аккуратного регулирования»[46].

Следует согласиться с тем, что современная правовая политика направлена на всемерную поддержку семей, имеющих детей. В отношениях публичного характера, где семья взаимодействует с другими институтами общества, действительно наблюдается усиление императивных начал, однако непосредственно в семейных отношениях, где господствуют частные интересы, этого не происходит. Конституционные новеллы 2020 г., касающиеся семьи, способствовали активизации законотворческой деятельности некоторых субъектов РФ, которые стали включать нормы о защите семьи в конституции и уставы. С позиции настоящего исследования особого внимания заслуживает статья 14 Устава Тульской области, согласно которой в области «обеспечивается недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, создаются условия для беспрепятствен-

становление Конституционного Суда РФ от 25.06.2020 № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в связи с жалобой гражданина И. В. Николаенко» // Российская газета. № 149. 09.07.2020.

[43] Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе : монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.] ; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М. : Статут, 2023 (автор параграфа — О. И. Величкова).

[44] Семейное право : учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2023. С. 162–163 (автор — С. Ю. Чашкова).

[45] *Ильина О. Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М. : Городец, 2007. С. 173.

[46] *Крашенинников П. В.* Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3.

ного осуществления членами семьи своих прав и механизмы, призванные гарантировать поддержку семьи, а также реализацию прав ребенка на воспитание, отдых и оздоровление, защиту прав и законных интересов детей, подготовку их к полноценной жизни в обществе»[47]. Примечательно, что принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи не только помещен в основной закон субъекта РФ, но еще и обозначен на первом месте.

Выводы

Установлено, что приоритет публичных интересов, свойственный семье и проявляющийся в ее взаимодействии с иными институтами общества, предопределяет императивный характер правового воздействия в этой предметной сфере, что находит подтверждение в актах, отражающих семейно-правовую политику. Усиление императивных начал наблюдается именно в этой системе координат, т.е. в сфере правового регулирования общественных отношений, возникающих с участием семей, имеющих детей, что не тождественно семейным правоотношениям.

Доказано, что приоритет частных интересов, свойственный семейным отношениям, детерминирует преимущественно диспозитивный характер правового воздействия на них, обусловленный наличием принципов недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи и разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию. При изучении специфики метода семейно-правового регулирования необходимо исходить из того, что семейные отношения, понимаемые как отношения только между членами семьи, являются истинным объектом правового воздействия.

Игнорирование этого факта приводит к необоснованному расширению предмета семейно-правового регулирования за счет включения в него отношений, возникающих между членами семьи и иными лицами за ее пределами, и, как следствие, неверному восприятию его метода. В то же время действительное расширение предмета семейно-правового регулирования, связанное с объективными тенденциями трансформации семейного союза, требует соответствующего изменения и метода за счет усиления в нем диспозитивных начал, однако подобное расширение не находит поддержки со стороны законодателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антокольская М. В. Семейное право : учебник. М. : Инфра-М, 2013. 431 с.

Белякова А. М., *Ворожейкин Е. М.* Советское семейное право. М. : Юридическая литература, 1974. 303 с.

Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. 1040 с.

Дерюшева О. И. Об особенностях метода семейно-правового регулирования // Цивилист. 2023. № 4. С. 67–72.

Ильина О. Ю. Двойная сплошная, или К вопросу о свободе репродуктивного выбора супругов // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 5–8.

Ильина О. Ю. К вопросу об изменении предмета и метода семейно-правового регулирования // Семейное право: современные проблемы теории и практики : материалы международного круглого стола, Минск, 16–17 октября 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; ред. кол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2020. С. 151–158.

Ильина О. Ю. Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 2 (70). С. 23–32.

Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М. : Городец, 2007. 192 с.

Ильина О. Ю. Совершенствование Семейного кодекса Российской Федерации как процесс поиска баланса частных и публичных интересов // Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов : монография / отв. ред. Л. В. Туманова. М. : Проспект, 2023. С. 293–302.

Корнеева И. Л. Семейное право Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Юристъ, 2005. 318 с.

[47] URL: https://tularegion.ru/tula/ustav/?ysclid=m1rlxqvrny689342164 (дата обращения: 24.03.2025).

Кравцова Л. Н. Метод семейного права // Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества : материалы международной научно-практической конференции : в 2 т. Т. 1. Краснодар, 2005. С. 122–129.

Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.

Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств — участников Содружества Независимых Государств : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. 462 с.

Матвеева Н. А. Запреты в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2023. № 6. С. 2–5.

Микрюков В. А. Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М. : Статут, 2021. 164 с.

Микрюков В. А. Ситуационность — главная черта метода семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 4. С. 7–12.

Микрюков В. А., *Микрюкова Г. А.* О методе гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1. С. 161–166.

Муратова С. А. Семейное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2010. 367 с.

Осипова М. А. К вопросу о пределах государственного вмешательства в сферу семейных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 22–25.

Осипова М. А. Конституционные ценности в сфере семейных отношений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 18–21.

Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе : монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.] ; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М. : Статут, 2023. 272 с.

Рабец А. М. Принцип государственной охраны семьи, материнства, отцовства и детства в системе конституционного регулирования семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2024. № 1. С. 18–21.

Рясенцев В. А. Советское семейное право : учебник. М. : Юридическая литература, 1971. 256 с.

Савельев Д. Б. Соглашения в семейной сфере : учеб. пособие. М. : Проспект, 2017. 144 с.

Семейное право / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2019. 315 с.

Семейное право / под ред. С. О. Лозовской. М. : Проспект, 2013. 550 с.

Семейное право : учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2023. 440 с.

Тарусина Н. Н. Семейное право. М. : Проспект, 2001. 144 с.

Темникова Н. А. Особенности семейно-правового метода // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 96–103.

Ульбашев А. Х. Общее учение о личных правах. М. : Статут, 2019. 255 с.

Филиппова Т. А., *Маньковский И. Ю.*, *Титаренко Е. П.* Практическое значение определения отраслевой самостоятельности семейного права // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 19–22.

Хабриева Т. Я., *Ковлер А. И.*, *Курбанов Р. А.* Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 384 с.

Швабауэр А. В. Институт отобрания ребенка у родителей: недостатки правового регулирования и пути разрешения проблем // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 42–44.

Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М. : Статут, 2012. 976 с.

REFERENCES

Antokolskaya MV. Family Law. Moscow: Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).

Bannikov RYu, Velichkova OI, Evtukhovich EA, et al. Nosyreva EI, Filchenko DG (eds.). Negotiations in civil law and civil process. Moscow: Statut Publ.; 2023. (In Russ.).

Belyakova AM, Vorozheikin EM. Soviet Family Law. Moscow: Juridicheskaja literatura Publ.; 1974. (In Russ.).

Deryusheva OI. ON The Specifics of the Method of Family Law Regulation. *Civilist*. 2023;4:67-72. (In Russ.).

Filippova TA, Mankovsky IYu, Titarenko EP. The practical significance of determining the sectoral independence of family law. *Family and Housing Law*. 2019;5:19-22. (In Russ.).

Ilyina OYu. Double continuous, or On the issue of freedom of reproductive choice of spouse. *Family and Housing Law*. 2024;3:5-8. (In Russ.).

Ilyina OYu. Improvement of the Family Code of the Russian Federation as a process of finding a balance of private and public interests. In: Tumanov LV (ed.). Topical issues of ensuring and protecting public legal interests. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Ilyina OYu. Non-interference in family affairs or ensuring the rights of third parties: grounds and priorities. *Vestnik TvSU. «Law» Series*. 2022;2(70):23-32. (In Russ.).

Ilyina OYu. On the issue of changing the subject and method of family law. In: Godunov VN (ed.). Family Law: Modern Problems of Theory and Practice. *Proceedings of the International Round Table, Minsk, October 16–17, 2020. Belarus State University*. Minsk: BSU Publ.; 2020. (In Russ.).

Ilyina OYu. Problems of interest in family law of the Russian Federation. Moscow: Gorodets Publ.; 2007. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Kovler AI, Kurbanov RA. Doctrinal foundations of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

Korneeva IL. Family law of the Russian Federation. Moscow: Jurist; 2005. (In Russ.).

Krasheninnikov PV. Does Russia need a new Family Code? *Family and Housing Law*. 2017;1:3-7. (In Russ.).

Krasheninnikov PV. Family Law. Moscow; 2019. (In Russ.).

Kravtsova LN. The method of family law. Civil legislation of the Russian Federation as a legal environment of civil society: materials of an international scientific and practical conference: In 2 vols. Krasnodar; 2005. (In Russ.).

Levushkin AN. Theoretical model of building a system of family legislation of the Russian Federation and other member states of the Commonwealth of Independent States. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow: 2013. (In Russ.).

Lozovskaya SO. Family Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2013. (In Russ.).

Matveeva NA. Prohibitions in family law. *Family and Housing Law*. 2023;6:2-5. (In Russ.).

Mikryukov VA, Mikryukova GA. On the method of civil law. *Perm University Herald. Legal Sciences*. 2013;1:161-166. (In Russ.).

Mikryukov VA. Analogy of law and analogy of law in the practice of resolving family legal disputes. Moscow: Statut Publ.; 2021. (In Russ.).

Mikryukov VA. Situationality is the main feature of the method of family law. *Family and Housing Law*. 2011;4(7-12). (In Russ.).

Muratova SA. Family law: a textbook for university students studying in the specialty «Jurisprudence». 5th ed. Moscow: Unity-Dana Publ.; 2010. (In Russ.).

Osipova MA. Constitutional values in the field of family relations in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Family and Housing Law*. 2018;5:18-21. (In Russ.).

Osipova MA. On the question of the limits of state intervention in the sphere of family relations. *Constitutional and Municipal Law*. 2018;3:22-25. (In Russ.).

Rabets AM. The principle of state protection of the family, motherhood, paternity and childhood in the system of constitutional regulation of family relations. *Family and Housing Law*. 2024;1:18-21. (In Russ.).

Ryasentsev VA. Soviet family law. Moscow: Juridicheskaja literatura Publ.; 1971. (In Russ.).

Savelyev DB. Agreements in the family sphere. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).

Schwabauer AV. Institute for taking away a child from parents: shortcomings of legal regulation and ways to resolve problems. *Russian Justitia.* 2020;10:42-44. (In Russ.).

Sergeev AP (ed.). Civil Law: In 3 volumes. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).

Tarusina NN. Family Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2001. (In Russ.).

Temnikova NA. Features of the family legal method. *Bulletin of Omsk University. «Law» Series*. 2015;4(45):96-103. (In Russ.).

Ulbashev AKh. General doctrine of personal rights. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).

Vavilin EV. Family Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Yakovlev VF. Selected works. Vol. 2: Civil law: history and modernity. Book 1. Moscow: Statut Publ.; 2012. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кокова Диана Аслановна, кандидат юридических наук, нотариус Чегемского национального района Кабардино-Балкарской Республики, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова
д. 173, Чернышевского ул., г. Нальчик 360004, Российская Федерация
d.kokowa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana A. Kokova, Cand. Sci. (Law), Notary of the Chegem National District of the Kabardino-Balkarian Republic, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Institute of Law, Economics and Finance, Kabardino-Balkaria State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation
d.kokowa@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 14 июля 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 16.01.2025.
Revised 14.07.2025.
Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.057-065

О. С. Гринь
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Обеспечение нарушенных обязательств: допустимость теоретической конструкции

Резюме. В статье анализируется допустимость обеспечения обязательства после его нарушения. На основе судебной практики высших судебных инстанций показано, что российское правоприменение допускает заключение обеспечительных сделок после неисполнения или ненадлежащего исполнения основного обязательства, квалифицируя такие сделки как способы обеспечения исполнения обязательств. Автор подвергает данный подход критическому осмыслению, исходя из понимания сущности обеспечения как механизма создания дополнительных гарантий имущественного интереса кредитора на случай будущей неисправности должника. Обосновывается, что обеспечительное правоотношение носит стадийный характер и предполагает возникновение до нарушения основного обязательства, тогда как его реализация возможна лишь при наступлении нарушения. Нарушение обязательства при таком понимании выполняет в динамике обеспечительного правоотношения функцию условия права (conditio iuris). Отсутствие указанной первой стадии трансформирует конструкцию, именуемую сторонами обеспечением, в иные правовые формы, прежде всего в интерцессионные (присоединение к долгу, кумулятивное принятие долга) либо в соглашение об ответственности. Проводится разграничение обеспечения и принятия чужого долга с учетом последствий для суброгации, акцессорности и банкротных процедур. Делается вывод о необходимости корректировки сложившихся правовых позиций высшей судебной инстанции и уточнения квалификационных критериев.

Ключевые слова: обеспечительные сделки; обеспечение обязательства; способы обеспечения исполнения обязательств; нарушение обязательства; стадийность обеспечительного правоотношения; поручительство; залог; независимая гарантия; интерцессия; перевод долга

Для цитирования: Гринь О. С. Обеспечение нарушенных обязательств: допустимость теоретической конструкции. *Lex russica.* 2026. Т. 79. № 3. С. 57–65. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.057-065

Ensuring Breached Obligations: Admissibility of a Theoretical Design

Oleg S. Grin
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the admissibility of securing an obligation after its violation. Drawing on the judicial practice of the higher courts, it demonstrates that Russian law-enforcement practice permits the conclusion of interim transactions after non-performance or improper performance of the principal obligation, treating such transactions as means of ensuring performance. The author criticizes this approach, advancing an understanding of security as a mechanism for creating additional guarantees of the creditor's proprietary interest against a prospective failure of the debtor to perform. It is argued that the security relationship is of a staged nature: its establishment must precede any breach of the principal obligation, although its operation may be triggered only upon such a breach. Under this conception, the breach functions as a condition of law (conditio iuris) within the dynamics of the security relationship. The absence of the initial stage transforms the arrangement that the parties characterize as collateral into other legal forms — primarily intercessional constructs (such as accession to the debt or cumulative acceptance of the obligation) or into a liability (guarantee) agreement. The paper

© Гринь О. С., 2026

distinguishes collateral from assumption of another's debt by reference to the consequences for subrogation, accessory obligations and bankruptcy proceedings. It concludes that the existing legal positions of the highest court require adjustment and that the criteria for qualification should be clarified.
Keywords: secured transactions; securing the obligation; ways to ensure the fulfillment of obligations; breach of obligation; the stage of the security relationship; surety; collateral; independent guarantee; intercession; debt transfer
Cite as: Grin OS. Ensuring Breached Obligations: Admissibility of a Theoretical Design. *Lex russica.* 2026;79(3):57-65. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.057-065

Введение

Вопрос о возможности обеспечения нарушенных обязательств, на первый взгляд, частный, однако те проблемы, которые требуется решить для ответа на него, напротив, для современной цивилистической доктрины являются концептуальными. Кроме очевидного практического результата для гражданского оборота, непротиворечивый подход к этой проблеме, несомненно, обогатил бы общее учение об обеспечении обязательств. Актуальность обращения к названному аспекту в современных условиях обусловлена развитием в гражданском законодательстве в рамках его реформы института, известного отечественной науке гражданского права как интерцессия (абз. 2 п. 1 ст. 391 ГК РФ).

В цивилистической науке вопрос об обозначении юридической конструкции обеспечения специальным термином прошел известную эволюцию: от традиционного для дореволюционной цивилистики «обеспечения обязательств» до появившегося в советское время «обеспечения исполнения обязательств». Б. М. Гонгало справедливо указывает, что последнее обозначение является условным: поручительство и нынешняя независимая гарантия не имеют отношения к исполнению обязательства: предоставление, осуществляемое поручителем и гарантом, выступает суррогатом исполнения[1]. Действительно, такое предоставление есть исполнение обеспечительного (а не основного) обязательства[2], которое порождает специфические правовые последствия в виде суброгации поручителю права кредитора по основному обязательству (ст. 365 ГК РФ) или возникновения права гаранта требовать от принципала выплаченных в соответствии с условиями независимой гарантии денежных сумм (п. 1 ст. 379 ГК РФ), которое по настоящее время в ряде актов высшей судебной инстанции именуется «регрессным»[3], несмотря на изменения указанной нормы ГК РФ в рамках реформы гражданского законодательства.

Вместе с тем следует констатировать, что акцент на термин «исполнение», используемый для обозначения правовых конструкций, содержащихся в гл. 23 ГК РФ, приобрел конкретное практическое содержание в правоприменительной практике. Российское правоприменение отвечает на обозначенный в начале статьи вопрос о возможности обеспечения нарушенного обязательства положительно. Такой подход требует дополнительного осмысления в условиях развития учения об обеспечительных сделках и их соотношении с иными цивилистическими конструкциями.

Основная часть

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ еще в 2009 г. в одном из постановлений счел допустимым заключение обеспечительных сделок после нарушения основного обязательства, указав применительно к поручительству на то, что оно отнесено законом к способам обеспечения исполнения обязательств, т.е. неисполненных обязательств, независимо от срока их возникновения, предоставление поручительства после наступления или истечения срока исполнения основного обязательства, не исполненного должником, не может служить основанием для

[1] *Гонгало Б. М.* Учение об обеспечении обязательств. М. : Статут, 2004. С. 9–10.

[2] См.: Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. М. : Проспект, 2018. С. 229–231.

[3] См., например: Обзор судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

признания обеспечительной сделки недействительной[4].

Эта же позиция затем нашла отражение в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, где было указано, что заключение договора поручительства после наступления срока исполнения основного обязательства, не исполненного должником, само по себе не является основанием для признания договора недействительным. При этом Пленум подчеркивал: закон не содержит запрета на установление обеспечения по просроченному обязательству[5].

Пленум Верховного Суда РФ позднее подтвердил и закрепил возможность заключения договора поручительства после нарушения основного обязательства. В актуальных разъяснениях высшей судебной инстанции содержится лаконичная запись: «Поручительство может быть дано и после наступления просрочки по основному обязательству» и отсылка к ст. 421 ГК РФ о свободе договора[6].

В указанных условиях нижестоящие суды при рассмотрении отдельных споров руководствуются логикой высшей судебной инстанции и квалифицируют такие договоры именно как обеспечительные сделки[7].

Квалификация судами таких сделок как обеспечительных происходит на фоне развития в отечественном праве норм о переводе долга. Так, в результате реформы гражданского законодательства в настоящее время ГК РФ регламентирует конструкцию интерцессии — вступления в чужой долг. Статьей 391 Кодекса в отношении обязательств, связанных с осуществлением их сторонами предпринимательской деятельности, допускается совершение перевода долга по соглашению между кредитором и новым должником. При таком переводе долга либо первоначальный должник выбывает из обязательства (привативный перевод долга), либо первоначальный и новый должники отвечают перед кредитором солидарно (кумулятивный перевод долга). Верховный Суд РФ при этом установил презумпции: если неясно, о каком переводе долга идет речь, то предполагается, что о привативном. Если непонятно, следуют ли из соглашения кредитора и нового должника кумулятивный перевод долга или поручительство, приоритет у последнего[8]. При этом по общему правилу исполнение новым должником при кумулятивном переводе долга порождает (как и в случае поручительства) суброгацию (абз. 2 п. 3 ст. 391 ГК РФ), а при привативном переводе таких последствий нет[9].

При такой трактовке, особенно в свете общего правила о единых суброгационных последствиях, важно разграничить сферы квалификаций: в каких ситуациях речь идет о допускаемых высшей судебной инстанцией обеспечительных сделках после нарушения обязательства, а в каких — о соглашении о переводе долга?

На наш взгляд, основная линия такого разграничения должна проводиться исходя из двух основных тезисов: о сути обеспечения и специфике обеспечительного правоотношения.

В отношении первого аспекта важно ответить на вопрос: чтó в сфере обязательственных правоотношений посредством конструкций, предусмотренных главой 23 ГК РФ, обеспечивается? Несмотря на уже привычную формулировку — далеко не исполнение основного

---

[4] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.07.2009 № 7261/09 по делу № А82-3237/2008-43 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] См.: п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» (указанное разъяснение утратило силу в связи с изданием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45) // СПС «КонсультантПлюс».

[6] П. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

[7] См.: постановления Шестого арбитражного апелляционного суда от 06.11.2025 № 06АП-3580/2025 по делу № А04-1940/2025 ; Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2023 № 09АП-26890/2023 по делу № А40-251418/2022 ; Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2025 № 13АП-3055/2025 по делу № А56-84726/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[8] П. 26–27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // СПС «КонсультантПлюс».

[9] П. 19 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

обязательства. Это очевидно при первом же анализе особенностей отдельных обеспечительных сделок: личные обеспечительные конструкции — поручительство и независимая гарантия — никакого отношения к исполнению основного обязательства не имеют. Данное обстоятельство, как мы указали выше, было отмечено еще в работе Б. М. Гонгало. Если рассматривать систему обеспечительных конструкций дальше, то становится ясно: собственно к исполнению основного обязательства имеют отношение лишь те средства, которые выполняют стимулирующую функцию. При этом гарантийная функция обеспечений, выступающая, с нашей точки зрения, в качестве ключевой, вовсе не связана с исполнением основного обязательства. Эта функция — суть механизма дополнительных гарантий имущественных интересов кредитора. Именно эти интересы и есть объект обеспечения.

Перераспределение риска является важным свойством обеспечения. Кредитор получает гарантию не того, что должник исполнит обязательство, а того, что его имущественный интерес будет удовлетворен даже при неисполнении. Различие принципиально: в первом случае речь шла бы о контроле над поведением должника, во втором — о создании автономного механизма защиты имущественной сферы кредитора. Поэтому объектом обеспечения выступает не исполнение основного обязательства, а имущественные интересы кредитора[10].

Применительно ко второму аспекту в цивилистической литературе традиционно, еще с работы Д. И. Мейера, при характеристике обеспечительных сделок используется формула, что такие сделки заключаются на случай неисправности должника[11]. Это положение обусловливает важнейшую сущностную и структурную особенность, которая, на наш взгляд, присуща обеспечительным правоотношениям: они предполагают стадийность динамики в зависимости от наступления факта неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. Выделяются две стадии: до нарушения основного обязательства и после такого нарушения. Права и обязанности сторон обеспечительного правоотношения возникают с момента заключения ими соответствующего соглашения (или наступления оснований, предусмотренных законом). До наступления юридического факта неисполнения или ненадлежащего исполнения основного обязательства (выполняющего функцию условия права — conditio iuris) обязательственное право кредитора существует, но пребывает в условном состоянии: его невозможно осуществить, но допустимы его защита, переход, обременение, обеспечение, а также включение в состав имущества. На второй стадии обеспечительного правоотношения — после и в случае наступления факта неисправности основного должника — право требования кредитора к обеспечительному должнику приобретает свойство осуществимости (п. 1 ст. 307 ГК РФ)[12]. Несложно заключить, что при таком подходе именно первая стадия обеспечительного правоотношения (до нарушения основного обязательства) является ключевой, а вторая — факультативной, поскольку неисправность должника может не наступить.

Отсюда следует важный квалификационный вывод. Обеспечение не может быть сведено к любому договору, усиливающему позицию кредитора. Критерием является именно наличие предварительного гарантийного механизма, созданного до нарушения. Если такой механизм возникает лишь после просрочки, то стороны фактически создают новую обязанность третьего лица по уже существующему долгу либо вводят дополнительный источник удовлетворения требования, но не формируют обеспечительное правоотношение в классическом понимании. Тем самым стадийность выступает не факультативной характеристикой, а системообразующим признаком обеспечения как самостоятельной гражданско-правовой конструкции.

В цивилистической литературе распространена критическая оценка возможности заключения соглашений об обеспечении после нарушения основного обязательства. Так, Н. Ю. Рассказова отметила, что обеспечительное обязательство должно возникнуть до нарушения основного, а достигнутое после этого момента соглашение лишь определяет способ

[10] См. подробнее: *Гринь О. С.* Основные подходы к пониманию способов обеспечения исполнения обязательств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 10. С. 44–51.

[11] *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. Изд. 3-е, испр. М. : Статут, 2003. С. 523–525.

[12] См. подробнее: *Гринь О. С.* Стадии развития правоотношений, возникающих из обеспечительных сделок // Судья. 2014. № 5.

погашения долга[13]. Р. С. Бевзенко, комментируя положения, содержавшиеся в вышеупомянутом постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, обратил внимание на то, что указанное в нем не исключает возможность суда квалифицировать такой договор не как поручительство, а как именно вступление в чужой долг (или перевод долга)[14]. А. М. Эрделевский, критикуя подход, сформированный в практике Высшего Арбитражного Суда РФ, подчеркнул, что в момент заключения договора поручительства неисполнение обязательства должно быть лишь возможным, но не уже наступившим случаем[15].

Сформированная судами трактовка порождает ряд прикладных вопросов. Так, неясен момент, с которого кредитор приобретает возможность предъявлять требования к обеспечительному должнику: очевидно, речь идет о том, что такое право может быть реализовано сразу после заключения договора. Другой аспект применительно к поручительству — до какого срока, истекшего после нарушения срока исполнения основного обязательства, могут заключаться договоры поручительства? На это обратила внимание Л. Г. Ефимова, которая отметила, что договор поручительства не может быть заключен позднее истечения года с момента нарушения основного обязательства[16].

Несмотря на то что основная дискуссия по данной проблематике возникла в отношении личных обеспечительных конструкций, это равным образом относится к возможности совершения вещных обеспечительных сделок после наступления факта нарушения обязательства.

Важнейший теоретический недостаток подхода, выраженного в судебной практике, проявляется в том, что он не позволяет различать сделки по принятию на себя чужого долга и обеспечительные сделки. В целом понятие обеспечения здесь смешивается с категорией исполнения и утрачивает самостоятельное значение, основывающееся на конструкции создания предварительного имущественного резерва, реализующегося через защитную функцию.

Именно наличие первой стадии обеспечительного правоотношения отличает обеспечение от соглашений о погашении долга, заключаемых после факта неисправности должника. Если первая стадия отсутствует (потому что договор заключен после нарушения), то функция обеспечения исчезает — остается только присоединение дополнительных обязанностей к уже возникшему долгу.

Отсюда следует базовый тезис: обеспечительное правоотношение по своей природе должно возникать до нарушения основного обязательства. Если же оно уже произошло, то стороны, безусловно, вправе заключать договоры, которые укрепляют позицию кредитора, но корректнее квалифицировать их как интерцессионные — формы вступления в чужой долг, присоединения к долгу, солидаризации задолженности. Именно этот инструментарий больше соответствует ситуации после нарушения, чем обеспечение. После нарушения вопрос стоит не о создании гарантий для кредитора на случаи возможной будущей неисправности должника, а о привлечении новых субъектов к исполнению уже возникшей задолженности (в случае личного обеспечения) или поиске новых объектов, способных служить источником удовлетворения интересов кредитора (при вещном обеспечении).

Судебная практика, признавая допустимость обеспечения после нарушения, фактически стирает границу между обеспечением и интерцессией. Это выглядит как развитие принципа свободы договора: стороны вправе предоставить дополнительные гарантии кредитору и после просрочки, на что и указал Верховный Суд РФ в актуальном разъяснении этого вопроса.

Вместе с тем этот подход имеет обратную сторону. Помимо того, что обеспечение становится функциональным аналогом принятия долга, нарушается баланс его акцессорности,

---

[13] *Рассказова Н. Ю.* Вопросы общей теории обеспечительных обязательств // Правоведение. 2004. № 4 (255). С. 48.

[14] *Бевзенко Р. С.* Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам поручительства и банковской гарантии : комментарий к постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» и от 23 марта 2012 г. № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий». М. : Статут, 2013.

[15] *Эрделевский А. М.* О судебном подходе к договору поручительства // СПС «КонсультантПлюс», 2013.

[16] *Ефимова Л. Г.* Спорные вопросы применения законодательства о поручительстве // Хозяйство и право. 2011. № 12. С. 66.

поскольку это свойство начинает работать в условиях, для которых оно не предназначено (когда обеспечительный случай уже наступил). В частности, это распространяется на применение правил о влиянии утраты существовавшего на момент возникновения поручительства обеспечения основного обязательства или ухудшения условий его обеспечения по обстоятельствам, зависящим от кредитора (п. 4 ст. 363 ГК РФ), и изменения обеспеченного поручительством обязательства без согласия поручителя (п. 2 ст. 367 ГК РФ).

В зарубежных правопорядках вопрос о квалификации интерцессии и обеспечительных сделок не имеет однозначного решения, но при этом данные конструкции рассматриваются автономно. Этим, в частности, обусловлено то, что в известных Модельных правилах европейского частного права (Draft Common Frame of Reference, DCFR) отдельно от поручительства (dependent personal security) упоминается специальная конструкция — совместный долг в обеспечительных целях (co-debtorship for security purposes) (ст. IV.G.-1:104 DCFR)[17]. При этом разработчики соответствующего раздела DCFR по личным обеспечениям указывают, что в различных европейских правопорядках разнятся квалификации кумулятивного принятия уже существующего долга, но большинство этих разнообразных форм порождают единое последствие в виде солидарной обязанности между новым и основным должниками. При этом в практике государств выделяются три подхода:

a) кумулятивное принятие долга другого лица по сути тождественно солидарной обязанности, за исключением того, что оно возникает после создания первоначального долга (последующий кумулятивный совместный долг);

b) используются иначе именуемые правовые конструкции, которые, однако, приводят к тому же практическому результату — возникновению последующего кумулятивного совместного долга;

c) государства, в которых кумулятивное принятие долга другого лица не только регулируется институтами, отличными от совместного долга, но и влечет иные практические последствия[18].

Таким образом, даже при признании допустимости кумулятивного принятия долга в обеспечительных целях европейская модель избегает смешения соответствующих конструкций. Это подтверждает тезис о необходимости разграничения обеспечения и интерцессии на функциональном уровне. Если третье лицо присоединяется к уже существующему долгу после нарушения, корректнее говорить о разновидности совместной обязанности, а не о возникновении обеспечительного правоотношения в классическом понимании.

Опыт DCFR демонстрирует, что сохранение автономии указанных институтов позволяет избежать квалификационной неопределенности. Именно такая логика разграничения представляется более последовательной и теоретически обоснованной по сравнению с подходом, допускающим отнесение любых соглашений, усиливающих позицию кредитора, к обеспечительным сделкам, независимо от момента их заключения.

Особенно остро проблема разграничения интерцессии и обеспечения стоит в делах о банкротстве. В условиях конкурсного производства значение имеют не только действительность сделки и свобода усмотрения сторон, но и ее влияние на баланс интересов кредиторов, а также на распределение конкурсной массы.

При классическом обеспечении риск распределяется заранее: кредитор еще до неисправности должника получает дополнительный источник на случай его будущей возможной неплатежеспособности (залоговый приоритет, возможность предъявить требование к поручителю и т.п.).

Иная ситуация складывается, когда соглашение заключается после наступления просрочки, а тем более в преддверии банкротства или в период ухудшения финансового состояния должника. Присоединение к долгу после нарушения может создать эффект перераспределения конкурсной массы и фактически выступать способом влияния на очередность удовлетворения требований, включения нового обязанного лица в состав должников, с тем чтобы в последующем посредством суброгации перераспределить риски на иных кредиторов.

---

[17] Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference. Outline Edition / prepared by the Study Group on a European Civil Code ; ed. by Ch. von Bar, E. Clive, H. Shulte-Nölke. Munich : Sellier, 2009. P. 368.

[18] Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Personal Security / prepared by prof. U. Drobnig. Oxford University Press, 2007. P. 153–158.

Поэтому квалификация возникновения обеспечения на стадии нарушения обязательства имеет здесь прямые системные последствия. В данном случае нельзя ограничиваться общим положением о том, что закон не предусматривает соответствующего запрета. В банкротстве имеет значение не только допустимость заключения такого договора, но и его влияние с точки зрения правил о равенстве кредиторов, подозрительных сделках, сделках с предпочтением и т.п.

Таким образом, банкротный контекст выявляет принципиальное различие между классическим обеспечением и соглашениями, заключаемыми после нарушения обязательства.

Выше отмечалось, что смысл обеспечения в перераспределении будущего риска неисправности должника. В этом контексте функционально обеспечение сходно с конструкцией страхования. Если будет установлено, что заключение договора страхования произошло после наступления страхового случая, страховщик вправе оспорить такой договор как сделку, совершенную под влиянием обмана (п. 3 ст. 944 ГК РФ).

Здесь же необходимо сказать о независимой гарантии. Действительно, независимая гарантия по своей природе неакцессорна, и суды подчеркивают принцип независимости как запрет гаранту вдаваться в сущность спора принципала и бенефициара. Вместе с тем здесь стадийность не исчезает: независимая гарантия создает абстрактный механизм выплаты, который должен существовать до момента предъявления требования по гарантии, т.е. до наступления обстоятельства, при котором должна быть выплачена сумма гарантии. Сами по себе реквизиты независимой гарантии предполагают наступление такого обстоятельства исключительно в будущем (п. 4 ст. 368 ГК РФ).

Допущение заключения обеспечительных сделок после неисправности должника нарушает требования системности: обеспечение перестает быть превентивным механизмом и становится разновидностью последующего принуждения. Именно в этом контексте в доктрине проводится различие между способами обеспечения и мерами ответственности. Обеспечение традиционно квалифицируется как направленное на создание гарантий имущественного интереса кредитора и стимулирование должника к надлежащему исполнению, тогда как ответственность — это реакция на нарушение, связанная с возложением дополнительных неблагоприятных последствий. Поэтому если нарушение уже произошло, то действия сторон направлены либо на исполнение уже возникшего долга, либо на его реструктуризацию, либо на распределение ответственности за уже наступившее нарушение. Ничто из этого не отвечает сущностным признакам обеспечения.

Указанный подход не означает, что сделки, направленные на привлечение новых лиц к исполнению обязательства или новых объектов как источников удовлетворения имущественных интересов кредиторов, совершаемые сторонами после нарушения основного обязательства (пусть и поименованные как обеспечительные), должны признаваться недействительными. Такие сделки должны квалифицироваться в рамках института принятия чужого долга либо в отношении новых объектов — в зависимости от конкретной ситуации — как соглашения об отступном.

Заключение

Предлагаемое в рамках настоящей работы решение состоит из следующих взаимосвязанных элементов.

Обеспечение следует определять через категорию создания дополнительных гарантий для удовлетворения имущественного интереса кредитора на случай будущей неисправности должника. Обеспечительное правоотношение возникает до нарушения основного обязательства, но реализуется только после и при условии такого нарушения, допущенного должником.

Соглашения, заключаемые после нарушения основного обязательства и направленные на привлечение третьего лица к уже существующему долгу, следует квалифицировать как интерцессионные (присоединение к долгу, кумулятивное принятие долга) с применением соответствующего режима. Такой подход не запрещает сторонам усиливать позицию кредитора после нарушения, но позволяет создать условия для корректной квалификации различных по юридической природе явлений.

Подход судебной практики, согласно которому обеспечительные сделки могут заключаться после нарушения обязательств, нуждается в корректировке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бевзенко Р. С. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам поручительства и банковской гарантии : комментарий к постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» и от 23 марта 2012 г. № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий». М. : Статут, 2013.

Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. М. : Статут, 2004. 222 с.

Ефимова Л. Г. Спорные вопросы применения законодательства о поручительстве // Хозяйство и право. 2011. № 12.

Мейер Д. И. Русское гражданское право. Изд. 3-е, испр. М. : Статут, 2003. 831 с.

Рассказова Н. Ю. Вопросы общей теории обеспечительных обязательств // Правоведение. 2004. № 4 (255).

Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. М. : Проспект, 2018. 416 с.

Эрделевский А. М. О судебном подходе к договору поручительства // СПС «КонсультантПлюс», 2013.

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Personal Security / prepared by prof. U. Drobnig. Oxford University Press, 2007. 567 p.

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference. Outline Edition / prepared by the Study Group on a European Civil Code ; ed. by Ch. von Bar, E. Clive, H. Shulte-Nölke. Munich : Sellier, 2009. 648 p.

REFERENCES

Bevzenko RS. Legal Positions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on Issues of Surety and Bank Guarantee: Commentary to the Plenum Decisions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 12, 2012 No. 42 «On Certain Issues of Dispute Resolution Related to Surety» and March 23, 2012 No. 14 «On Certain Issues of Dispute Resolution Practice Related to Challenging Bank Guarantees». Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).

Bogdanov EE., ed. Reform of the Law of Obligations of Russia: Problems and Prospects. Moscow: Prospekt Publ.; 2018. (In Russ.).

Efimova LG. Controversial Issues of Application of Legislation on Surety. *Economy and Law*. 2011;12. (In Russ.).

Erdelevsky AM. On the Judicial Approach to the Surety Agreement. LRS «ConsultantPlus». 2013. (In Russ.).

Gongalo BM. Doctrine of Securing Obligations. Moscow: Statut Publ.; 2004. (In Russ.).

Meyer DI. Russian Civil Law. Based on the 8th ed. (1902). 3rd revised ed. Moscow: Statut Publ.; 2003. (In Russ.).

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference. Outline Edition. Prepared by the Study Group on a European Civil Code; ed. by Ch. von Bar. E. Clive, H. Shulte-Nölke. Munich: Sellier, 2009.

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Personal Security / prepared by prof. U. Drobnig. Oxford University Press; 2007.

Rasskazova NYu. Questions of the General Theory of Security Obligations. *Pravovedenie*. 2004;4(255). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гринь Олег Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
osgrin@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg S. Grin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law; Director of the Center for Monitoring Legislation and Law Enforcement, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
osgrin@msal.ru

Материал поступил в редакцию 15 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 10 февраля 2026 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 15.01.2025.
Revised 10.02.2026.
Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.066-076

Л. Т. Ибадова
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Многосторонние договоры в российском гражданском праве: проблемы теории и практики

Резюме. В статье исследуются многосторонние договоры в современном гражданском праве. Выявлены три признака таких договоров: количество сторон; единая цель у всех сторон; одинаковый объем прав и обязанностей у каждой стороны. Проведена классификация многосторонних договоров по различным основаниям: наличию общих целей, возможности правопреемства сторон в договоре, форме и т.д. Поскольку понятие многосторонней сделки, данное в п. 3 ст. 154 ГК РФ, перестало соответствовать правовой природе всех подобных сделок, в статье предлагается несколько путей решения данной проблемы: во-первых, иначе сформулировать п. 3 ст. 154 ГК РФ, введя следующее определение многостороннего договора: это соглашение, которое может быть заключено между тремя и более лицами, об установлении, изменении или о прекращении гражданских прав и обязанностей. Второй путь: ввести наряду с «многосторонними договорами» термин «договоры с неопределенным количеством сторон». Оптимальным представляется третий путь: ввести собирательное понятие «многосторонний договор», которое будет родовым по отношению к двум видам многосторонних договоров — закрытым и открытым. Введение родового понятия многосторонней сделки и видовых, отражающих особенности многосторонних договоров, позволит учесть их многообразие, поможет в решении спорных вопросов о применении конкретных норм права к отдельным разновидностям таких договоров.

Ключевые слова: многосторонний договор; договор счета эскроу; группа банковских счетов; учредительный договор; договор о совместной деятельности; договор простого товарищества; договор номинального счета с участием бенефициара; корпоративный договор; договор условного депонирования (эскроу); соглашение об управлении партнерством

Для цитирования: Ибадова Л. Т. Многосторонние договоры в российском гражданском праве: проблемы теории и практики. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 3. С. 66–76. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.066-076

Multilateral Agreements in Russian Civil Law: Problems of Theory and Practice

Leyla T. Ibadova
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines multilateral agreements in modern civil law. It identifies three characteristic features of multilateral agreements: the number of parties to the agreement; a common goal shared by all parties; and an identical scope of rights and obligations for each party. Multilateral agreements are classified on various grounds, including the presence or absence of a common goal, the possibility of succession of parties, form, and other criteria. Noting that the concept of a multilateral transaction, as formulated in paragraph 3 of Article 154 of the Civil Code of the Russian Federation, no longer corresponds to the legal nature of all multilateral agreements, the paper proposes several solutions. The first proposal is to reformulate paragraph 3 of Article 154 by introducing the following definition: a multilateral agreement is an agreement concluded between three or more persons for the establishment, modification or termination of civil rights and obligations. The second proposal is to introduce, alongside the term «multilateral agreement», the distinct term «agreements with an indefinite number of parties». The third and preferred solution is to adopt a generic concept of «multilateral agreement» encompassing two

© Ибадова Л. Т., 2026

species — closed and open multilateral agreements. The introduction of a generic concept together with specific concepts reflecting the distinguishing features of different types of multilateral agreements will accommodate their diversity and assist in resolving contested questions concerning the application of particular legal rules to specific categories of such agreements.
Keywords: multilateral agreement; escrow account agreement; bank account group; memorandum of association; joint venture agreement; partnership agreement; nominal account agreement with the beneficiary; corporate contract; escrow agreement; partnership management agreement
Cite as: Ibadova LT. Multilateral Agreements in Russian Civil Law: Problems of Theory and Practice. *Lex russica.* 2026;79(3):66-76. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.066-076

Введение

В современном гражданском законодательстве, как и в науке гражданского права, уделяется недостаточно внимания многосторонним договорам как отдельному виду. Договоры можно классифицировать по различным основаниям. Одним из критериев может являться количество сторон. Согласно п. 1 ст. 154 ГК РФ сделки могут быть двух- или многосторонними (договоры) и односторонними. Исходя из данной нормы, все договоры по количеству сторон можно разделить на два вида: двусторонние и многосторонние. Практически все общие положения об обязательствах и о договоре рассчитаны на двусторонние договоры, коих абсолютное большинство в ГК РФ и иных источниках гражданского права. Однако выявление пробелов и противоречий в определении многосторонних договоров, их классификация, уяснение присущих им признаков необходимы для решения целого ряда вопросов, связанных с особенностями их заключения, изменения, расторжения, с моментом определения ответственности сторон друг перед другом и третьими лицами, а также иных, возникающих на практике при использовании конструкции многостороннего договора.

За последние годы в российском гражданском законодательстве появились новые виды многосторонних договоров, в том числе содержащиеся в ГК РФ. Многосторонние договоры заключаются не только в сфере гражданско-правовых отношений. Они могут возникать, например, в международном праве, а также в других отраслях. При этом у них могут быть как общие черты, так и особенности, присущие определенным отраслям права. Исследуя лишь гражданско-правовые многосторонние договоры, невозможно не заметить устойчивую тенденцию их количественного роста за последние несколько лет.

Изначально в ГК РФ все многосторонние договоры можно было посчитать по пальцам одной руки, почти все они сводились к учредительному договору (в основном о создании хозяйственных товариществ и обществ) и договору о совместной деятельности, одним из видов которого является договор простого товарищества. При этом некоторые ученые ставят знак равенства между учредительными договорами хозяйственных обществ и договором простого товарищества: «Зачастую сложно выявить принципиальные различия между, например, договором простого товарищества и учредительным договором о создании хозяйственного общества… Поэтому, например, некоторые учредительные договоры либо распространенные на практике инвестиционные договоры по своему содержанию вполне могут оказаться не чем иным, как простым товариществом»[1]. Такое отождествление вышеуказанных договоров закономерно приводит к выводу о том, что «в настоящее время договор простого товарищества является единственной многосторонней сделкой, прямо урегулированной Гражданским кодексом»[2], несмотря на то, что нормы об учредительном договоре хозяйственных товариществ содержались в первой части ГК РФ с первой редакции. Поэтому очень часто в учебной литературе многосторонние договоры более подробно рассматриваются не в контексте первой части ГК РФ, содержащей общие положения об обязательствах, а в разделе о договоре простого товарищества[3].

[1] Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, К. М. Арсланов [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. Т. 2. С. 805–806.

[2] Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева. Т. 2. С. 803.

[3] Гражданское право : учебник : в 4 т. 2-е изд. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2020. Т. 4 : Отдельные виды обязательств. С. 446.

В 2013 г. в ГК РФ появились нормы о договоре номинального счета с участием бенефициара (ст. 860.1–860.6), о договоре счета эскроу (ст. 860.7–860.10). Далее добавились положения о корпоративном договоре (статья 67.2, введенная 5 мая 2014 г.). 26 июля 2017 г. была введена глава 47.1, содержащая статью 926.1 о договоре условного депонирования (эскроу), а также пункт 3 ст. 847, предусматривающий создание группы банковских счетов. В пункте 3 ст. 847 отсутствует прямое указание на договор о создании группы банковских счетов, речь идет лишь о данной группе. Поскольку создать группу банковских счетов с участием нескольких лиц можно лишь путем заключения соответствующего договора, то можно утверждать, что пункт 3 ст. 847 предусматривает заключение договора о создании группы банковских счетов[4]. Примерно так выглядит очередность пополнения ГК РФ многосторонними договорами.

Нормы о многосторонних сделках содержатся не только в ГК РФ. Согласно ст. 4 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» граждане, изъявившие желание создать фермерское хозяйство, заключают между собой соглашение о создании фермерского хозяйства. Такое соглашение подписывается всеми членами фермерского хозяйства (их может быть намного больше, чем два человека), поэтому данную сделку также можно считать многосторонней.

6 декабря 2011 г. пункт 2 ст. 50 ГК РФ был дополнен еще одной организационно-правовой формой коммерческого юридического лица — хозяйственным партнерством, создание и деятельность которого регулируются отдельным Законом[5]. Хозяйственное партнерство действует на основании соглашения об управлении партнерством. Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «О хозяйственных партнерствах» сторонами соглашения об управлении партнерством должны быть все участники партнерства, а также могут быть лица, не являющиеся участниками партнерства. Само партнерство также может быть участником соглашения об управлении им самим в случае, если это предусмотрено его уставом. Очевидно, что соглашение об управлении партнерством может быть многосторонней сделкой.

Тем не менее, несмотря на довольно большое многообразие многосторонних договоров в современном гражданском праве России, в научной литературе они очень редко исследуются в совокупности, как отдельный вид гражданско-правовых сделок. Возможно, связано это с тем, что до недавнего времени в гражданско-правовом пространстве отсутствовало имеющееся многообразие отношений из многосторонних договоров, особенно содержащихся в самом ГК РФ, поэтому не было необходимости в исследовании их как отдельного вида гражданско-правовых сделок, в их определении, классификации, выявлении общих черт, признаков, порядка заключения, изменения, расторжения и т.д. При этом практически каждая многосторонняя сделка при появлении в правовом пространстве не остается без внимания ученых и практиков: корпоративный договор, договор счета эскроу, договор условного депонирования и т.д. Пожалуй, единственным исключением можно назвать договор о создании группы банковских счетов. Порой создается впечатление, что о данном договоре законодатель забыл почти на следующий день после введения в ГК РФ положений о группе банковских счетов, поскольку должного внимания в юридическом сообществе такие группы еще не получили, даже спустя столько лет после их введения, несмотря на очевидную практическую выгоду и значимость[6].

1. Признаки многосторонних сделок

Несмотря на то что в ГК РФ содержатся положения о многосторонних договорах, Кодекс их прямо так не называет. В ГК РФ многосторонним договорам как виду сделок посвящена лишь часть ст. 154. Согласно п. 3 ст. 154 ГК РФ «для заключения договора необходимо выражение согласованной воли двух сторон (двусторонняя

[4] Правовая природа группы банковских счетов и договора о создании группы банковских счетов практически не раскрыта в нормативных актах. Приведенное в тексте умозаключение сделано на основе анализа п. 3 ст. 847 ГК РФ.

[5] Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // Российская газета. № 278. 09.12.2011.

[6] *Ибадова Л. Т.* Соотношение группы банковских счетов с иными группами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 6. С. 47–51.

сделка) либо трех или более сторон (многосторонняя сделка)». Исходя из буквального толкования ст. 154 ГК РФ многосторонняя сделка — та, которую заключают три лица и более. Никаких иных признаков многосторонней сделки ГК РФ не называет.

В научной литературе обычно выделяют два признака многосторонней сделки:

1) количество сторон, их по ст. 154 ГК РФ должно быть три или более;

2) единая цель у сторон договора.

Оба этих признака можно считать несостоятельными, потому что они не выдерживают критики и не в полной мере соответствуют современным реалиям.

1.1. Количество сторон договора

Что касается количества сторон, то ряд ученых[7] придерживается мнения, что многосторонним может быть не только договор, в котором три и более стороны, но и такой договор, в котором две стороны, но впоследствии к нему может присоединяться еще одна сторона или стороны. То есть определяющим фактором является не изначальное количество сторон в договоре, а то, могут ли добавляться иные лица в качестве его сторон, как, например, в договоре простого товарищества, в корпоративном договоре и др. В качестве примера традиционно приводится договор простого товарищества, который может заключаться и между двумя лицами. «По своей юридической природе договор простого товарищества является… многосторонним. Он становится многосторонним даже в случаях заключения лишь двумя участниками, ибо к нему могут присоединиться третий, четвертый и последующие участники, каждый из которых становится самостоятельной стороной договора. В двусторонних договорах такая ситуация невозможна, а множественность лиц в них возникает на стороне либо должника, либо кредитора»[8].

Очевидно, что по структуре и характеру взаимодействия сторон договор простого товарищества, заключенный между двумя лицами — его сторонами, отличается от договоров купли-продажи, мены, дарения и др., в которых третья сторона не предусмотрена императивными нормами ГК РФ (п. 1 ст. 454 ГК РФ и т.д.).

Выделяя многосторонние сделки по критерию количества сторон, необходимо прежде всего определиться, чем отличается сторона договора от всех иных лиц, указанных в нем. Это могут быть лица, обеспечивающие исполнение обязательства (например, поручитель), бенефициары, посредники, организаторы, получатели и т.д. Отличительным признаком стороны договора можно считать то, что только она, и никто иной, может заключать, изменять и расторгать договор.

В литературе высказано мнение о том, что двусторонний договор является видом многостороннего[9]. Обосновывается данный тезис тем, что соотношение двукратного и многократного тождественно соотношению двустороннего и многостороннего, т.к. они производны от соотношения двух и многого. В качестве аргумента приводятся слова Аристотеля о том, что «два есть многое», а потому «двукратное — это уже многократное»[10]. Данная позиция стирает грань между двусторонними и многосторонними договорами и не позволяет выявить особенности последних. Поэтому вышеуказанное соотношение двустороннего и многостороннего не следует применять к договорам.

В хозяйственной практике нередко происходит смешение или подмена понятий «многосторонняя сделка» и «сделка со множественностью лиц» на одной или обеих сторонах договора. Встречаются так называемые трехсторонние договоры купли-продажи, аренды, подряда и т.д. В таком «трехстороннем» договоре аренды, например, на стороне арендодателя выступают сособственники помещения. Строго говоря, договор со множественностью лиц на одной или обеих сторонах является двусторонним, несмотря на количество лиц, составляющих такую множественность.

Необходимо также отличать многосторонние договоры от опосредующих трехсторонние отношения. Например, если третья сторона предоставляет товары или услуги по договору с

---

[7] См.: Гражданское право : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 4. С. 446 ; Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева. Т. 2. С. 803 ; *Крашенинников Е. А.*, *Байгушева Ю. В.* Односторонние и многосторонние сделки // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 7. С. 30.

[8] Гражданское право : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 4. С. 446.

[9] *Крашенинников Е. А.*, *Байгушева Ю. В.* Указ. соч. С. 30.

[10] *Аристотель*. Метафизика // Сочинения : в 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 264.

предпринимателем, с которым заключил соответствующий договор потребитель[11].

Многосторонний договор также следует отличать от документа, в котором на одной или обеих сторонах участвует несколько подписантов. В гражданском законодательстве фигура подписанта отдельно не упоминается. Однако в ненормативных актах можно встретить указания о таких участниках, подписывающих документы, принимаемые во исполнение определенных договоров (например, договора лизинга). Во исполнение договорных обязательств принимаются, как правило, счет-фактура, универсальные передаточные документы, документ об отгрузке товаров (выполнении работ), о передаче имущественных прав (документ об оказании услуг) и т.д.[12] В письме Федеральной налоговой службы указана «возможность подписания файла обмена информации покупателя двумя и более подписантами…»[13]. Согласно данному письму такими подписантами по факту совместной приемки могут быть уполномоченный представитель лизингополучателя (грузополучателя) и уполномоченный представитель лизингодателя (покупателя). В тексте данного письма имеется ссылка на приказ ФНС России, в котором есть таблицы, содержащие указание на физических лиц и представителей организаций, которым доверено принятие товаров. Данные лица названы третьей стороной в приказе: «…отправителю, получателю файла обмена счета-фактуры (информации продавца) и третьей стороне…»[14].

В вышеприведенном письме также есть указание на третью сторону рассматриваемых договорных отношений: «…могут быть указаны данные в отношении отличной от покупателя (лизингодателя) стороны, фактически принимающей товар…»[15]. Исходя из буквального толкования вышеупомянутых актов ФНС России, можно прийти к выводу, что подписантам документов, принятых во исполнение договорных обязательств, в некоторых случаях придается статус стороны договорных отношений. Благодаря участию в таких документах нескольких подписантов соответствующие договоры называют многосторонними, хотя они не являются таковыми. Лица, принимающие товар и подписывающие документы, как и иные, участвующие в договорных отношениях, не наделенные правами, присущими сторонам договора, в частности изменять или расторгать договор, не могут называться сторонами договора.

Данная позиция применима и к лицам, поставившим свои подписи непосредственно в самом договоре. В частности, наличие подписи должника на договоре, в результате которого происходит цессия, не трансформирует сделку уступки права в трехсторонний договор. Как отмечается судами, уступка права остается двусторонней сделкой, а подпись должника свидетельствует лишь о его согласии на совершение данной сделки (если таковое требовалось) и о его уведомлении о состоявшейся уступке[16]. В соответствии с решением суда по иному делу отсутствие согласия на уступку требования применительно к спорному денежному требованию не лишает силы произведенную уступку, а отсутствие подписи ответчика в соглашении об уступке права (требования) не свидетельствует о его незаключенности и не лишает это соглашение юридической силы[17].

В хозяйственной практике можно встретить множество договорных конструкций, которые называют трехсторонними договорами: трехсторонний договор возмездного оказания услуг, в котором наряду с заказчиком и исполнителем участвует и третья сторона — плательщик; трехсторонние договоры перевода долга; цессии; договор купли-продажи автомобиля, заключенный между продавцом, покупателем и получателем; трехсторонние договоры поручитель-

[11] *Кирпичев А. Е.* Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве // Гражданское право. 2014. № 2. С. 40–43.

[12] Приказ ФНС России от 19.12.2023 № ЕД-7-26/970@ «Об утверждении форматов счета-фактуры, универсального передаточного документа…» // URL: http://www.pravo.gov.ru. 29.01.2024.

[13] Письмо ФНС России от 14.12.2021 № СД-4-26/17395@ // Нормативные акты для бухгалтера. 2022. № 3.

[14] Таблица 5.2 приказа ФНС России от 19.12.2023 № ЕД-7-26/970@.

[15] Письмо Федеральной налоговой службы от 14.12.2021 № СД-4-26/17395@.

[16] См.: постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.08.2011 № Ф01-2882/11 ; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.08.2015 № 11АП-9734/15.

[17] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.01.2017 № Ф02-7740/2016 по делу № А33-23028/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

ства; купли-продажи недвижимости; поставки в лизинг и др. Сфера применения трехстороннего договора на практике достаточно широка: договор между работодателем, работником и университетом на оказание образовательных услуг; договор между энергоснабжающей организацией, абонентом и администрацией, в рамках которого услуги вместо абонента оплачивает администрация. К многосторонним договорам относят и разного рода соглашения: о частичной компенсации процентной ставки по ипотечному кредиту в рамках социальной жилищной программы между гражданином, публичным образованием и банком; между поставщиком, покупателем и его обслуживающим банком о списании со счета покупателя в пользу поставщика денежных средств в безакцептном порядке; между продавцом, покупателем и арендатором недвижимости до момента регистрации перехода права об определенных обязательствах арендатора и др.[18]

В то же время в науке гражданского права и правоприменительной практике имеются некоторые устоявшиеся положения о том, какие договоры не следует считать многосторонними. В частности, не признаются многосторонними следующие договоры[19]:

1) купли-продажи недвижимости, которая находится в общей долевой собственности (п. 2 ст. 244 ГК РФ), т.к. на стороне продавца выступают несколько лиц (п. 1 ст. 308 ГК РФ);

2) подряда, который подписывают заказчик, генеральный подрядчик и субподрядчик. Здесь стороны соединили в одном документе договоры подряда и субподряда;

3) договор в пользу третьего лица. Участие третьего лица в заключении такого договора не предполагается, оно не может изменить или расторгнуть его. Например, открытие банковского вклада в пользу третьего лица.

1.2. Единая цель у всех сторон договора

Второй признак многостороннего договора — стороны должны быть объединены одной целью. Она иногда выделяется в качестве основного признака многостороннего договора или даже единственного. Действительно, в ряде многосторонних договоров стороны имеют общие цели. Например, все стороны учредительного договора преследуют общую цель — создать юридическое лицо. В договоре о совместной деятельности (простого товарищества) все стороны объединены общей целью, например вырыть артезианскую скважину или построить какой-либо объект для удовлетворения своих нужд и т.д.

Иными словами, спецификой многостороннего договора является то, что стороны не противопоставляются друг другу как должник и кредитор, а объединяют усилия по достижению общей цели. Как правило, у сторон одинаковые по содержанию права и обязанности, которые не являются встречными. Двусторонние договоры, в отличие от многосторонних, чаще всего предполагают не объединение усилий или благ (денег, деловой репутации и т.д.), а обмен предоставлениями, исполнение встречных обязанностей. Например, по договору купли-продажи продавец передает покупателю товар и взамен получает за него деньги.

Таким образом, с учетом второго признака многостороннего договора двусторонние договоры отличаются от многосторонних направленностью воли сторон. Двусторонний договор может состояться лишь в том случае, если у двух сторон воли и волеизъявления противоположные по направленности и встречные по содержанию. Так, одно лицо желает продать компьютер, другое — купить его (если оба субъекта будут намерены продать свои компьютеры, то договор купли-продажи между ними не будет заключен). Встречность содержания означает волю обеих сторон заключить договор на взаимно согласованных условиях. В многостороннем договоре, как правило, воли и волеизъявления сторон не имеют противоположной направленности, а характеризуются единой направленностью на достижение общей цели. Так, в договоре простого товарищества (ст. 1041 ГК РФ) стороны объединяют свои вклады, для того чтобы совместными усилиями достичь какого-то общего, интересующего всех результата (например, построить здание)[20].

Впрочем, этот признак прослеживается далеко не всегда. В договорах счета эскроу, условного депонирования, номинального счета с участием бенефициара у каждой стороны имеется своя цель. Например, по договору счета эскроу

---

[18] *Дружинин А.* Заключаем трехстороннее соглашение // ЭЖ-Юрист. 2015. № 10. С. 13.

[19] Что такое трехсторонний (многосторонний) договор и какие у него особенности // СПС «КонсультантПлюс», 2025.

[20] *Михайлов А. А.* Виды гражданских сделок // Epomen. Global. 2021. № 18. С. 51–52.

у депонента цель — получить определенную вещь от бенефициара, у бенефициара — получить денежные средства за предоставленную депоненту вещь, а у эскроу-агента цель — передать денежные средства от депонента бенефициару после выполнения бенефициаром определенных условий.

В специальной литературе имеется точка зрения о том, что общность цели сторон — это чуть ли не единственный признак многостороннего договора, несмотря даже на количество сторон такого договора. «Следует разграничивать *многосторонние* договоры и *сделки*, в которых формально участвуют три или более сторон (лиц), но нет общности цели. В последнем случае имеет место договор со множественностью лиц на одной (или обеих) из его сторон (п. 1 ст. 308 ГК РФ)»[21]. В качестве примера приводится договор аренды недвижимого имущества, в котором на стороне арендодателя выступают сособственники, поскольку имеет место множественность лиц на стороне арендодателя в двусторонней сделке.

Из данного утверждения вытекает вывод о том, что если нет общих целей у трех или более сторон одного договора, то он не многосторонний, а двусторонний со множественностью лиц на одной из сторон. Тогда возникает следующий вопрос: в договоре счета эскроу на какой стороне выступает эскроу-агент или в договоре номинального счета с участием бенефициара на какой стороне выступает банк? Очевидно, что в данных договорах никакой множественности лиц на какой-либо стороне не возникает: каждая сторона преследует свои цели и интересы.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что общая цель характерна для многосторонних договоров, но не во всех из них присутствует. То есть данный признак не является определяющим для всех многосторонних договоров, а лишь отличает некоторые из них.

1.3. Одинаковый объем прав и обязанностей у каждой из сторон договора

В научной литературе выделяется еще один характерный признак многостороннего договора: каждая из сторон имеет такой набор прав и обязанностей, который одновременно принадлежит всем сторонам[22]. Данный признак перекликается со вторым, рассмотренным выше. Здесь у всех сторон договора должен быть одинаковый набор прав и обязанностей, как, например, в учредительном договоре или в договоре простого товарищества. При этом возможен различный объем прав у каждой стороны, например, доли в общем имуществе могут быть разными в зависимости от внесенных вкладов, и, соответственно, прибыль может распределяться не в равных долях. Имеет значение только то, что существо и характер прав и обязанностей каждой из сторон одинаковы.

Данный признак многостороннего договора также не подходит под критерий универсальности при определении данного понятия. Он не выдерживает критики, т.к. при таком подходе целый ряд договоров: условного депонирования (эскроу), счета эскроу, договор номинального счета с участием бенефициара, в котором бенефициар является самостоятельной стороной, — остаются за рамками многосторонних договоров. Очевидно, что данный признак уже не может характеризовать все многосторонние договоры в современном гражданско-правовом пространстве.

В специальной литературе иногда можно встретить сомнительные утверждения по поводу отличительных особенностей многосторонних договоров. «В отличие от двусторонних договоров в многосторонних стороны не всегда выступают в качестве должника и кредитора относительно друг друга»[23]. Данное утверждение обосновывается тем, что «стороны многостороннего договора стремятся к совместной общей цели, их обязательства, как правило, не являются встречными, но конкретные права и обязанности могут (хотя и не всегда) полностью совпадать по объему. Напротив, двусторонние договоры характеризуются встречным предоставлением (например, займодавец предоставляет заемщику денежные средства, а тот в ответ обязуется вернуть сумму займа в срок и уплатить проценты)»[24]. Вышеизложенный вывод сложно считать аргументированным. В соответствии с общими положениями об обязательствах, изложенными в ГК РФ, и в много-

[21] Энциклопедия решений. Трехсторонние (многосторонние) гражданско-правовые договоры // СПС «Гарант».

[22] Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева. Т. 2. С. 220.

[23] Энциклопедия решений. Трехсторонние (многосторонние) гражданско-правовые договоры.

[24] Энциклопедия решений. Трехсторонние (многосторонние) гражданско-правовые договоры.

сторонних договорах стороны состоят в обязательственном правоотношении друг с другом, т.е. между ними имеется обязательство, значит, каждая из них является должником и кредитором по отношению друг к другу. Не может быть бессубъектного правоотношения, так и в структуре обязательства всегда выделяются должник и кредитор, соответственно, все стороны многостороннего договора, например простого товарищества, объединенные общей целью, являются должниками и кредиторами по отношению друг к другу.

2. Классификация многосторонних сделок

Многосторонние договоры можно классифицировать по различным основаниям.

1. По наличию общих целей у сторон договора:

а) одноцелевые, когда общие цели у всех сторон договора: договор простого товарищества, корпоративный, учредительный договоры. Например, стороны трехстороннего соглашения о зачете стремятся к взаимному прекращению обязательств; стороны договора простого товарищества намерены вести совместную деятельность для извлечения прибыли или иной, не противоречащей закону цели, а общей целью сторон договора об учреждении общества с ограниченной ответственностью является создание такого общества (опять же, с целью получения доходов от его хозяйственной деятельности);

б) двухцелевые, когда общие цели не у всех сторон договора, а только у некоторых: у одной или нескольких сторон одна цель, а у другой(-их) — иная. Например, по договору о создании группы банковских счетов (п. 3 ст. 847 ГК РФ) у банка(-ов) цель — осуществлять переводы, расчеты, а у остальных сторон (клиентов) общая цель — предоставлять займы друг другу;

в) многоцелевые, когда нет общих целей у всех сторон договора. Например, в договорах счета эскроу, условного депонирования, номинального счета с участием бенефициара каждая сторона преследует свою цель, причем цели их не совпадают.

2. По количеству сторон в договоре:

а) двусторонний — многосторонний договор, который заключен двумя сторонами, но к которому могут присоединиться еще стороны. Изначально в нем две стороны, но потом их может стать больше. Например, договоры простого товарищества или о совместной деятельности, корпоративный договор;

б) трехсторонний — договор, который заключается между тремя сторонами и в котором не может быть меньше или больше сторон. Например, договоры счета эскроу, условного депонирования, номинального счета с участием бенефициара могут быть только трехсторонними, т.к. к ним не может присоединиться четвертая сторона.

В настоящее время в ГК РФ отсутствует такая договорная конструкция, которая предусматривала бы необходимость четырех или более сторон в договоре.

3. В зависимости от того, могут ли добавляться в договор новые стороны или удаляться из него:

а) открытые. В такие договоры свободно могут добавляться новые стороны. Например, в договоре простого товарищества, корпоративном договоре может меняться количество сторон. Однако в таком договоре может быть прописано условие о том, что при выбытии хотя бы одного участника он будет прекращен. В любом случае количество сторон в вышеуказанных договорах не должно быть менее двух;

б) закрытые. Конструкция многостороннего договора такова, что новой стороны быть не может. Например, в договорах счета эскроу, условного депонирования, номинального счета с участием бенефициара предусмотрены только три стороны, четвертой быть не может, как и не может уменьшиться количество сторон.

4. По возможности правопреемства или замены сторон в договоре:

а) заменяемые или возобновляемые. В заменяемых договорах возможно правопреемство стороны без согласия других сторон. Например, по договорам номинального счета с участием бенефициара или счета эскроу при поглощении одного банка другим к поглотившему банку перейдут все права и обязанности банка или эскроу-агента. В договоре простого товарищества возможен выход любого участника, и он при этом не прекращается, если иное не установлено договором;

б) незаменяемые или невозобновляемые — правопреемство невозможно. Например, договор простого товарищества может содержать условие, что при смерти хотя бы одной стороны он прекращается.

5. По направленности на товарообмен или на его организацию:

а) имущественные — договор условного депонирования (эксроу), в том числе взаимного депонирования;

б) организационные — учредительный договор о создании юридического лица.

6. По форме:

а) требующие простой письменной формы — договор о создании простого товарищества;

б) требующие нотариального удостоверения — соглашение об управлении хозяйственным партнерством, договоры условного депонирования (эскроу), счета эскроу.

7. В зависимости от количества лиц, принимающих решение об изменении или расторжении договора:

а) консенсусные — многосторонние договоры, для изменения или расторжения которых необходимо согласие всех сторон, т.е. волеизъявление на совершение данных действий должна выразить каждая сторона. Например, договор условного депонирования, учредительный договор;

б) неконсенсусные[25] — многосторонние договоры, в которых решение об их изменении или расторжении принимается большинством голосов (сторон). Решения об изменении или расторжении таких договоров могут приниматься даже тогда, когда волеизъявление выразило большинство сторон, но не все.

Данная классификация основана на п. 1 статьи 450 ГК РФ, согласно которой многосторонним договором, исполнение которого связано с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, может быть предусмотрена возможность его изменения или расторжения по соглашению как всех, так и большинства лиц, участвующих в нем, если иное не установлено законом. При этом в самом договоре может быть установлен порядок определения такого большинства.

Выводы

Понятие многосторонней сделки, данное в п. 3 ст. 154 ГК РФ, перестало соответствовать правовой природе всех таких сделок. Эту категорию следует сформулировать более точно, чтобы ее можно было применить ко всем видам многосторонних договоров. Решить данную проблему можно несколькими путями.

Во-первых, иначе сформулировать п. 3 ст. 154 ГК РФ, ввести такое определение многосторонней сделки или многостороннего договора: это соглашение, которое может быть заключено между тремя и более лицами об установлении, изменении или о прекращении гражданских прав и обязанностей. Данная формулировка многостороннего договора позволит относить к этой категории договоров и те, которые могут заключаться между двумя сторонами, а в будущем к ним могут присоединяться еще стороны. Она расставит все точки над і в вопросе о том, является ли многосторонним договор простого товарищества или корпоративный договор, заключенный изначально между двумя сторонами.

Во-вторых, ввести наряду с терминами «многосторонние сделки» или «многосторонние договоры» еще один — «договоры с неопределенным количеством сторон». К таким договорам отнести договоры простого товарищества, корпоративный договор и иные, предоставляющие возможность присоединиться к ним третьей, четвертой и последующим сторонам. А многосторонними называть только те договоры, в которых возможно только наличие трех и более сторон, по аналогии с двусторонними сделками купли-продажи, аренды, займа и т.д. К таким многосторонним договорам будут относиться договоры счета эскроу, условного депонирования, номинального счета с участием бенефициара и пр.

Таким образом, в первом варианте достаточно введения одного понятия «многосторонняя сделка» или «многосторонний договор», охватывающего всё многообразие многосторонних сделок, а во втором — предлагается введение двух категорий, определяющих различные виды многосторонних договоров.

Можно пойти третьим путем: ввести собирательное понятие «многосторонняя сделка» или «многосторонний договор» с формулировкой, данной в первом варианте, определив его как соглашение, которое может быть заключено между тремя и более лицами об установлении, изменении или о прекращении гражданских прав и обязанностей. Данное понятие будет родовым по отношению к двум видам многосторонних сделок:

1) закрытые многосторонние сделки или многосторонние договоры с определенным количеством сторон — соглашения трех или более лиц об установлении, изменении или о прекращении гражданских прав и обязанностей, в которых изменение количества сторон

[25] *Михайлов А. А.* Указ. соч.

не предусмотрено. К ним относятся договоры счета эскроу, условного депонирования, номинального счета с участием бенефициара и т.д. В настоящее время ГК РФ не содержит конструкции договора, в котором могут быть только четыре стороны или более. Поэтому данный вид многостороннего договора можно было бы смело назвать трехсторонним, но с учетом дальнейшего развития договорных отношений следует оставить место для новых видов договоров;

2) открытые многосторонние сделки или многосторонние договоры с неопределенным количеством сторон — соглашения двух или более лиц об установлении, изменении или о прекращении гражданских прав и обязанностей, количество сторон которых может увеличиваться либо уменьшаться. К ним относятся договор простого товарищества, корпоративный договор и т.д.

Оптимальным представляется третий вариант, т.к. при нем не меняется устоявшееся в науке понимание многостороннего договора, но в то же время учитываются его разновидности в соответствии с действующим законодательством. Введение родового понятия многосторонней сделки и видовых, отражающих особенности многосторонних договоров, позволит учесть их многообразие, поможет в решении спорных вопросов о применении конкретных норм права к отдельным разновидностям таких договоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Метафизика // Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1975. 550 с.

Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, К. М. Арсланов [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 880 с.

Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 4 : Отдельные виды обязательств. 2-е изд. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2020. 544 с.

Гражданское право. Особенная часть : учебник / Н. В. Багрова, Т. Ю. Баришпольская, Р. С. Бевзенко [и др.] ; под ред. Е. С. Болтановой. М. : Инфра-М, 2023. 583 с.

Дружинин А. Заключаем трехстороннее соглашение // ЭЖ-Юрист. 2015. № 10.

Ибадова Л. Т. Соотношение группы банковских счетов с иными группами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 6. С. 47–51.

Кирпичев А. Е. Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве // Гражданское право. 2014. № 2. С. 40–43.

Крашенинников Е. А., *Байгушева Ю. В.* Односторонние и многосторонние сделки // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 7. С. 30–50.

Михайлов А. А. Виды гражданских сделок // Epomen. Global. 2021. № 18 (52). С. 49–59.

REFERENCES

Abramova EN, Averchenko NN, Arslanov KM, et al. Sergeev AP (ed.). Civil Law. Textbook: In 3 vols. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).

Aristotle. Metaphysics. Works: In 4 vols. Vol. 1. Moscow; 1975. (In Russ.).

Bagrova NV, Barishpolskaya TYu, Bevzenko RS, et al. Boltanova ES (ed.). Civil Law. Special Part. Moscow: Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

Druzhinin A. We conclude a trilateral agreement. *EZh-Jurist*; 2015;10:13. (In Russ.).

Ibadova LT. The ratio of a group of bank accounts with other groups. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2022;6:47-51. (In Russ.).

Kirpichev AE. Category of interrelated treaties in Russian and European law. *Civil Law*. 2014;2:40-43. (In Russ.).

Krasheninnikov EA, Baigusheva YuV. Unilateral and multilateral transactions. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2012;7:30-50. (In Russ.).

Mikhailov AA. Types of civil transactions. *Epomen. Global*. 2021;18(52):49-59. (In Russ.).

Sukhanov EA (ed.). Civil Law. Textbook: In 4 vols. Vol. 4: Individual types of obligations. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ибадова Лейла Тофиковна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
Leylai@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leyla T. Ibadova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
Leylai@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 15 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 14 июля 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 15.01.2025.
Revised 14.07.2025.
Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.077-088

С. В. Расторопов
Е. А. Артамонова
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

Процессуальное положение лиц, указанных в части 3 статьи 115 УПК РФ

Резюме. В современном российском уголовном судопроизводстве широко распространилась практика наложения ареста на имущество лиц, указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, часто называемых также третьими лицами. УПК РФ не определяет ни порядок вовлечения таких лиц в производство по уголовному делу, ни их процессуальное положение. Вместе с тем их отдельные права уже закреплены в законе, другие вытекают из его смысла и фактически реализуются на практике, что позволяет говорить о появлении нового особого участника уголовного процесса и фактически формирующемся его процессуальном статусе (приобретая отдельные права стороны́ в судебном заседании, стороной он не является). Объем его правомочий в уголовном судопроизводстве определяется намерением защищать свою собственность, попавшую под риск конфискации. Для более эффективной защиты законных интересов таких лиц предлагается расширить их правомочия в процессе. С этой целью необходимо разрешить им участвовать в судебных заседаниях как по рассмотрению материала о наложении ареста на имущество, так и по рассмотрению по существу уголовного дела, в рамках которого арестовано имущество; привлекать представителей, в том числе адвокатов, для защиты своих прав и законных интересов; получать копии итоговых решений и по материалу о наложении ареста на имущество (соответствующих постановлений), и по уголовному делу (приговоров, постановлений о прекращении уголовного дела).

Ключевые слова: наложение ареста на имущество; продление срока наложения ареста на имущество; третьи лица в уголовном судопроизводстве; права третьих лиц в уголовном судопроизводстве; заинтересованные лица; процессуальные права; процессуальное положение; арест на имущество; судебное заседание; права стороны

Для цитирования: Расторопов С. В., Артамонова Е. А. Процессуальное положение лиц, указанных в части 3 статьи 115 УПК РФ. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 3. С. 77–88. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.077-088

Благодарности. Авторы выражают признательность Галине Александровне Комаровой, адвокату адвокатского кабинета «Территория права» Адвокатской палаты г. Москвы, за эмпирический материал об участии третьих лиц в судебном разбирательстве при рассмотрении уголовных дел по существу.

© Расторопов С. В., Артамонова Е. А., 2026

Procedural Status of Persons Specified in Part 3 of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Sergey V. Rastoropov
Elena A. Artamonova
HSE University
Moscow, Russian Federation

Abstract. In modern Russian criminal proceedings, the practice of seizing property of persons specified in Part 3 of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, often also referred to as third parties, has become widespread. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation neither defines the procedure for involving such persons in criminal proceedings nor their procedural status. At the same time, some of their individual rights are already enshrined in the law, while others implied by its meaning and are actually implemented in practice. This allows us to speak of the emergence of a new special participant in criminal proceedings and the de facto formation of their procedural status that while acquiring certain rights of a party in a court hearing does not become a party thereof. The scope of their powers in criminal proceedings is determined by the intention to protect their property that is at risk of confiscation. For the legitimate interests of such persons to be protected in a more effective way, it is proposed to expand their powers in the process. To this end, they should be allowed to participate in court hearings both to review the material on the seizure of property and to consider the merits of the criminal case in which the property was seized; to involve representatives, including lawyers, to protect their rights and legitimate interests; to receive copies of final decisions both on the materials regarding the seizure of property (relevant rulings) and on the criminal case (verdicts, decisions to terminate the criminal case).
Keywords: seizure of property; extension of the period of seizure of property; third parties in criminal proceedings; rights of third parties in criminal proceedings; interested parties; procedural rights; procedural status; seizure of property; court session; rights of the party
Cite as: Rastoropov SV, Artamonova EA. Procedural Status of Persons Specified in Part 3 of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Lex russica*. 2026;79(3):77-88. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.077-088

Acknowledgements. The authors express their gratitude to Galina A. Komarova, lawyer at the «Territory of Law» Law Office of the Moscow Bar Association, for providing empirical material on the participation of third parties in judicial proceedings when considering criminal cases on their merits.

В силу ч. 3 ст. 115 УПК РФ[1] применение меры уголовно-процессуального принуждения — наложения ареста на имущество — возможно в отношении лиц, не являющихся ни подозреваемыми, ни обвиняемыми, ни несущими по закону материальную ответственность за действия обвиняемых (подозреваемых). УПК РФ содержит длинную формулировку для обозначения таких «других» лиц — «лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия», — которая используется и в других нормативных актах, имеющих смежные требования (например, ч. 7 ст. 250 КАС РФ[2]; ч. 1 ст. 1, ч. 7.2 ст. 3 Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»[3]). В процессуальной литературе и правоприменении употребляются более короткие обозначения, но единства в них нет. В частности, в правоприменительных актах такое лицо именуют и заинтересованным лицом[4],

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[3] СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

[4] См., например: апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 27.02.2024 № 22к-803/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/EPHDbfyC3B1T/ ; постановление Второго КСОЮ от 28.09.2022 № 77-3225/2022 // URL: https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=75307897 (дата обращения: 24.11.2024).

и третьим лицом[5], и лицом, указанным в ч. 3 ст. 115 УПК РФ[6]. В процессуальной литературе употребляются все варианты, но чаще их называют третьими лицами[7]. В. В. Мурылева-Казак и вовсе предлагает этот термин для обозначения данных лиц ввести в текст УПК РФ, придав ему особый смысл в пределах уголовно-процессуальной отрасли права[8]. Она права в одном: для обозначения таких лиц и в законе, и в литературе, и в правоприменении более удобным будет короткое их обозначение, возможно и в предложенной формулировке.

Существующее громоздкое наименование сложно использовать, что и порождает различные варианты его замены. Несмотря на отсутствие единообразия в понятийном аппарате, предписания ч. 3 ст. 115 УПК РФ широко применяются на практике. Лицо, на имущество которого в таком порядке накладывается арест, фактически участвует в уголовном судопроизводстве, реализуя предоставленные ему законом права, может приобрести обязанности и, соответственно, привлекаться к ответственности. Вместе с тем ни порядок вовлечения его в производство по уголовному делу, ни его процессуальный статус законодательно не определены, участником уголовного процесса де-юре оно не признано. Это объясняется тем, что такое лицо вовлекается в уголовное судопроизводство не персонально, напрямую, «а опосредованно — через механизм применения уголовно-процессуального принуждения»[9] к его имуществу. Несмотря на это, отдельные права и обязанности такого лица упоминаются в тексте закона, другие вытекают из его смысла.

Законом установленные и реально осуществляемые на практике правомочия третьих лиц: реальность и перспективы

Анализ текста закона позволяет говорить о правах такого лица:

1) вытекающих из ч. 8 ст. 115 УПК РФ и напрямую связанных с последствиями принятого судом решения о *наложении* ареста на его имущество:

— праве получить копию протокола о наложении ареста на имущество;

— праве обжаловать решение о наложении ареста на имущество;

— праве заявлять мотивированное ходатайство об изменении ограничений, которым подвергнуто арестованное имущество;

— праве заявлять мотивированное ходатайство об отмене ареста, наложенного на имущество;

2) вытекающих из ст. 115.1 УПК РФ и связанных с принятием решения о *продлении срока* ареста, наложенного на имущество, возможностью его обжалования и соблюдения разумных сроков:

— праве участвовать в судебном заседании при рассмотрении ходатайства следователя (дознавателя) о продлении срока ареста, наложенного на имущество (ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ);

— праве обжаловать в апелляционном, кассационном порядке решение суда о продлении срока ареста, наложенного на имущество, сохранении или изменении ограничений, связанных с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом; продлении срока ареста, наложенного на иму-

---

[5] См., например: приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 12.08.2024 по делу № 1-30/2024 // URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/criminal/details/1ac92320-cfab-11ed-8a8b-8f378f9f7b53 ; апелляционное постановление Приморского краевого суда от 27.02.2024 № 22К-966/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/Va29CQK9EDow/ (дата обращения: 12.09.2024).

[6] См., например: апелляционное постановление Липецкого областного суда от 27.02.2024 № 22К-185/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/IwojYwc0KUN/ (дата обращения: 12.09.2024).

[7] См., например: *Денисова М. Д.* Об основаниях наложения ареста на имущество третьих лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 97–103 ; *Мурылева-Казак В. В.* Законность целей наложения ареста на имущество третьих лиц в уголовном судопроизводстве как критерий правомерности вмешательства государства в право собственности // Уголовное судопроизводство. 2022. № 2. С. 37–41 ; *Зиновьев К. О.* Правовые механизмы обеспечения процессуальных гарантий третьих лиц при наложении ареста на имущество // Юридическая наука. 2019. № 5. С. 60–64.

[8] См.: *Мурылева-Казак В. В.* Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 14, 26.

[9] *Мурылева-Казак В. В.* Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства. С. 10, 20–21.

щество, в виде запрета распоряжаться этим имуществом в части его отчуждения или уничтожения в случае приостановления расследования по делу (ч. 5, 7 ст. 115.1 УПК РФ). Чтобы заинтересованное лицо могло своевременно воспользоваться этим правом, закон возлагает на следователя (дознавателя) обязанность уведомить его о принятии такого решения (ч. 1 ст. 209 УПК РФ);

— праве на компенсацию за нарушение разумного срока применения ареста, наложенного на имущество (ч. 6 ст. 115.1 УПК РФ).

Эти процессуальные средства защиты прав и законных интересов третьих лиц появились в законе во исполнение постановления Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П[10]. При их реализации на практике из-за недоурегулированности возникают определенные проблемы. Так, по общему правилу, для того чтобы обоснованно обжаловать принятое судом решение, нужно иметь его текст, то есть знать, кем, когда, на какой срок и на каких основаниях оно вынесено. А в данном случае закон, предоставляя лицу право обжаловать наложение ареста на его имущество, не раскрывает, каким образом это лицо может узнать исходные данные и содержание принятого решения. Следовательно, для эффективной реализации предоставленного права заинтересованное лицо должно иметь право на получение не только копии протокола о наложении ареста на имущество, но и копии судебного решения об этом[11]. В настоящее время закон не предусматривает обязанности правоприменителя вручать копию постановления о наложении ареста на имущество. В его тексте не прописано и то, что перед реализацией принятого решения и составлением соответствующего протокола постановление суда предъявляется для ознакомления заинтересованному лицу. Правоприменитель делать это не обязан. В результате лицо, чье имущество подверглось аресту, получив копию протокола о наложении ареста, именно из его содержания узнает, когда (дата) и какой суд принял такое решение. А обжаловать в суд заинтересованное лицо вправе *решение*, то есть постановление о наложении ареста на имущество. Как можно составить обоснованную жалобу, не имея на руках полного текста судебного решения?[12]

Как его получить (при условии, что правоприменитель по собственной воле копию не вручил, сделать копию не разрешил)? Алгоритм видится следующий: собственник арестованного имущества предпринимает действия, направленные на получение заверенной копии постановления (обращается в суд с заявлением), после чего у него появляется реальная возможность оспорить законность принятого решения. Если не успевает осуществить свое намерение в установленный законом срок апелляционного обжалования (для рассматриваемых случаев это практически невозможно исходя из предусмотренной законом процедуры[13]), у него есть право в судебном порядке восстановить пропущенный срок на этом основании. Получается весьма непростая и длительная процедура. Сберечь силы, средства и время позволило бы законодательное закрепление обязанности правоприменителя вручать собственнику арестованного имущества не только копии протокола наложения ареста на имущество, но и копии соответствующего постановления суда.

Не всегда должным образом и с правильным пониманием происходит обеспечение

---

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью “Аврора малоэтажное строительство” и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена» // Российская газета. 2014. 31 октября.

[11] Об этом в научной литературе речь идет давно, в том числе и применительно к обвиняемому и подозреваемому, на имущество которых наложен арест. См., например: *Искандиров В. Б.* Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 18.

[12] Этим же вопросом задается О. А. Грикевич, столкнувшийся с проблемами обжалования решений о наложении ареста на имущество лиц, указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, в своей адвокатской деятельности в их защиту. См.: *Грикевич О. А.* Применение части 3 статьи 115 УПК РФ в конкретном деле ООО «Аврора МС» // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 203.

[13] См. также: *Алимова А. И.* Отдельные проблемы уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики наложения и обжалования ареста на имущество собственников (добросовестных приобретателей) // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 5. С. 95–96.

права лица, указанного в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, на участие в судебном заседании при рассмотрении ходатайства следователя (дознавателя) о *продлении срока* ареста, наложенного на его имущество (ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ). Обычно это происходит из-за того, что такое лицо не было извещено надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, что вышестоящими судебными инстанциями признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену принятого решения и передачу материала с ходатайством следователя (дознавателя) на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе, с указанием надлежащего обеспечения процессуальных прав лиц, заинтересованных в разрешении поставленного правоприменителем вопроса о продлении срока ареста, наложенного на имущество[14].

Встречаются в практике и случаи, когда суд в решении дает неверную трактовку определения права лица, указанного в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, на его участие при рассмотрении ходатайства следователя (дознавателя) о продлении срока наложения ареста на его имущество. Например, суд второй инстанции рассмотрел апелляционную жалобу на *продление* ареста, наложенного в порядке ч. 3 ст. 115 УПК РФ на расчетный счет, и признал доводы автора жалобы в части *неуведомления* его о дате, месте и времени судебного заседания несостоятельными. Суть спора состоит в следующем: уголовное дело возбуждено по ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении неустановленного лица. В ходе расследования собраны доказательства, согласно которым похищенные посредством различных банковских операций (переводов) денежные средства поступили на арестованный счет заявителя. Как только первоначально установленный судом срок ареста подошел к концу, следователь вышла в суд с ходатайством о его продлении. Ходатайство следователя было удовлетворено, срок ареста продлен. Решение об этом вынесено в отсутствие владельца счета, утверждающего в своей апелляционной жалобе, в частности, что он не был извещен о времени и месте состоявшегося судебного заседания. Суд второй инстанции не согласился с доводами заявителя в этой части, указав, что «участие в судебном заседании при рассмотрении *такого рода ходатайств* является правом лица, на чье имущество наложен арест, и не препятствует суду рассмотреть данное ходатайство в отсутствие заинтересованных лиц»[15], что абсолютно верно. Но дальше в обоснование решения апелляция сослалась на определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2382-О[16], упустив из виду, что аргументы, приведенные Конституционным Судом РФ в этом решении, касаются рассмотрения ходатайства о *наложении* ареста на имущество, а не организации и порядка рассмотрения материалов о *продлении срока* ареста на имущество.

Продление срока ареста на имущество регламентирует часть 4 ст. 115.1 УПК РФ, предписания которой обязывают своевременно извещать таких лиц о месте и времени судебного заседания. Неявка только надлежаще извещенных лиц не является препятствием для рассмотрения такого ходатайства в их отсутствие[17]. Если же суд первой инстанции вообще не известил собственника арестованного имущества о предстоящем судебном заседании, где решался вопрос *продления срока* ареста его имущества, он нарушил его право, в чем усматривается существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее отмену принятого решения. В рассмотренном выше примере суд апелляционной инстанции распространил правила, определяющие порядок принятия решения о *наложении* ареста на имущество лица, указанного в ч. 3 ст. 115 УПК РФ,

[14] См., например: апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 27.02.2024 № 22к-803/2024.

[15] См.: апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 28.02.2024 № 22-1132/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/jfXsAFR0pJb1/ (дата обращения: 11.12.2024).

[16] Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2382-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Галеева Марата Мухамадеевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 115, части четвертой статьи 115.1 и части третьей статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092019-n-2382-o/ (дата обращения: 11.12.2024).

[17] См., например: апелляционное постановление Иркутского областного суда от 28.02.2024 № 22-608/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/GSuYkPTKGogs/?ysclid=m4r91j8wbn321075810 (дата обращения: 16.12.2024).

в части отношения к его участию в судебном заседании, на процедуру обеспечения явки такого лица в судебное заседание для рассмотрения ходатайства о *продлении срока* ареста на его имущество.

Закон по-разному регламентирует длительность наложения ареста на имущество обвиняемых (подозреваемых) и третьих лиц. Нередко правоприменители это упускают из виду. Вместе с тем наложение ареста на имущество лица, указанного в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, в отличие от аналогичного решения, принимаемого в отношении обвиняемого (подозреваемого)[18], является срочной мерой уголовно-процессуального принуждения, следовательно, собственник *вправе знать, на какой конкретно срок наложен арест на его имущество*. Неустановление такого срока может привести к чрезмерному ограничению прав собственника, что со временем усугубит негативные последствия для него. Именно поэтому определение срока ареста на имущество сроком предварительного расследования вносит неопределенность, что обоснованно признается на практике существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену принятого решения[19].

Защищают свой интерес в уголовном судопроизводстве лица, указанные в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, путем обжалования принятых судебных решений в вышестоящих судебных инстанциях как самостоятельно[20], так и прибегая к услугам *представителей*, которыми могут выступать и адвокаты[21], и иные лица[22]. Право на получение квалифицированной юридической помощи гарантировано каждому (ст. 48 Конституции РФ), в том числе и лицу, право собственности на имущество которого находится под угрозой конфискации, других имущественных взысканий в рамках уголовного судопроизводства. Представитель в лице адвоката или другого юриста приглашается для оказания содействия в реализации принадлежащих такому лицу прав. Юридическая помощь направлена на защиту находящегося под угрозой права собственности. К сожалению, применительно к рассматриваемым правоотношениям право

---

[18] См., например: апелляционное постановление Московского городского суда от 07.12.2022 № 10-24939/22 // URL: https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/services/cases/criminal-materials/details/42b08450-3500-11ed-9beb-09a1a52aef9d (дата обращения: 16.12.2024).

[19] См., например: апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 27.02.2024 № 22К-466/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/8pvE2qwmlyma/ ; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.09.2021 № 77-3203/2021 // URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38563037&case_uid=77660d8d-bd61-4b15-8ef3-1720a833db04&new=2450001&delo_id=2450001 ; кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2021 № 77-3642/2021 // URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=32499535&case_uid=e8c6c21d-ac1b-4fa8-ae62-f361b18a0ecc&new=2450001&delo_id=2450001 ; кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2020 № 77-913/2020 // URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12543012&case_uid=f7a7c200-0d8f-4c60-87db-612009e055dd&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 02.12.2024).

[20] См., например: апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 28.02.2024 по делу № 22-490/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/Jp3KN7HdK718/ ; апелляционное постановление Иркутского областного суда от 28.02.2024 по делу № 22-608/2024 ; апелляционное постановление Верховного суда Республики Крым от 19.02.2024 № 22К-318/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/Yww2l79SDy1T/ ; апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 27.02.2024 по делу № 22-1522/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/HbADHpAHWvmQ/ ; апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 28.02.2024 по делу № 22-1132/2024 ; постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.04.2022 № 77-1846/2022 // URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38607006&case_uid=9ec161f8-b655-4452-befd-e19ed7e31910&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 11.12.2024).

[21] См., например: апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 27.02.2024 № 22К-466/2024 ; апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 26.02.2024 № 22К-646/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/WPfNqrJD7UHu/ ; апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 28.02.2024 № 22-1213/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/Tpdh7qQrV55Q/ (дата обращения: 12.12.2024).

[22] См., например: постановление Второго КСОЮ от 28.09.2022 № 77-3225/2022.

иметь представителя не закреплено непосредственно в тексте УПК РФ.

При принятии решения о наложении ареста на имущество лиц, указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, на них накладываются *обязанности*, соответствующие запретам, установленным судебным решением. Например, обязанность сохранения имущества в неизменном виде, при установлении ограничений, связанных с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом, в виде запрета отчуждения или обременения этого имущества[23]. Закон не исключает возможности передачи арестованного имущества на хранение его собственнику. В таком случае лицо, указанное в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, несет *ответственность* за его сохранность (ч. 6 ст. 115 УПК РФ). Содержит закон и предписания, позволяющие говорить о возможности возникновения у таких лиц процедурных уголовно-процессуальных обязанностей. Так, при решении вопроса о назначении судебного заседания по ходатайству следователя (дознавателя) о продлении срока ареста, наложенного на имущество, суд вправе признать явку такого лица обязательной (ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ).

На основании изложенного уже сегодня нельзя утверждать, что лицо, указанное в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, не является участником уголовного судопроизводства. Общественные отношения развиваются в сторону необходимости формирования его процессуального статуса на законодательном уровне. Первые шаги к этому законодатель сделал, когда внес изменения и дополнения в ст. 115 УПК РФ и ввел в текст уголовно-процессуального закона ст. 115.1 УПК РФ[24]. Следующим этапом видится закрепление в законе тех прав, которыми уже в настоящее время такие лица успешно пользуются на практике. Прежде всего это фактически реализуемое право иметь представителя.

За рамками законодательного регулирования остались и другие вопросы, неразрешение которых затрудняет правоуяснение и создает сложности для лиц, указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ. В частности, не регламентирован вопрос об информированности таких лиц об окончании производства по уголовному делу его прекращением. Прекращая уголовное дело, следователь (дознаватель) обязан отменить и арест на имущество, в том числе наложенный в порядке ч. 3 ст. 115 УПК РФ (п. 8 ч. 2 ст. 213 УПК РФ), а затем известить о принятых решениях ряд заинтересованных лиц (ч. 4 ст. 213 УПК РФ), но в этот перечень не входят третьи лица, что приводит к несвоевременной их информированности о снятии ареста на имущество и, как следствие, ограничивает право распоряжения таким имуществом. Своевременное вручение/направление им копии постановления о прекращении уголовного дела решило бы эту проблему, для чего необходимо внести в ч. 4 ст. 213 УПК РФ соответствующее дополнение, гарантировав им *право знать о прекращении уголовного дела*.

Осталась без должного урегулирования и процедура рассмотрения ходатайства следователя (дознавателя) о наложении ареста на имущество третьих лиц касательно их участия в судебном заседании. Сегодня правоприменитель, преследуя публичный интерес и действуя в порядке ч. 3 ст. 115 УПК РФ, не обязан ставить в известность заинтересованных лиц о том, когда, где и кем будет решаться вопрос о наложении ареста на их имущество. Такого права в отношении указанных лиц закон не устанавливает, не предусмотрены, соответственно, и меры его обеспечения. И правоприменительная практика не выходит за рамки предусмотренной законом процедуры. Собственник узнает о принятом решении как о свершившемся факте (постфактум), когда ему объявляется о наличии постановления суда и реализуется принятое решение. Конституционный Суд РФ объясняет это сжатыми сроками, установленными законом для рассмотрения судом ходатайства правоприменителя о наложении ареста на имущество, чем гарантируется безотлагательный судебный контроль за ограничением права собственности. То, что при этом отсутствует собственник арестовываемого в порядке ч. 3 ст. 115 УПК РФ имущества, по мнению Конституционного Суда РФ, не препятствует рассмотрению судом ходатайства и принятию по нему решения. Уравновешивается это с точки зрения недопущения нарушения прав такого лица его *правом оспорить вынесенное*

[23] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» (п. 14) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.11.2024).

[24] См.: Федеральный закон от 29.06.2015 № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 6 июля.

по этому поводу судебное решение, «доведя до суда свою позицию относительно его правосудности. Тем самым обеспечивается последующий судебный контроль за законностью и обоснованностью такого решения с участием заинтересованных лиц» (определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2382-О).

Определяя свою позицию по рассматриваемому вопросу, Конституционный Суд РФ не нашел нарушения прав лица, на имущество которого накладывается арест, в условиях нынешнего правового регулирования. Вместе с тем статья 35 Конституции РФ гарантирует неприкосновенность частной собственности, исходя из этого человек вправе знать о существующих притязаниях на его имущество, иметь возможность своевременно защищать свои имущественные права всеми законными способами в рамках судебной процедуры, то есть как минимум присутствовать при рассмотрении по существу ходатайства следователя (дознавателя) о наложении ареста на его имущество, иметь представителя, самостоятельно или через представителя доводить до суда и стороны обвинения свои возражения, давать объяснения, представлять документы добросовестного приобретения и владения спорным имуществом. Своевременная реализация таких возможностей позволит сократить процессуальные издержки, изначально не допустить неправосудных решений[25]. Сегодня же складывается ситуация, когда решение вопроса по существу (наложить арест) происходит в отсутствие заинтересованного лица, но как только вопрос решен не в интересах этого лица, оно приобретает право на обжалование судебного решения, а реализовав его, в судебном заседании пользуется всеми правами стороны. По сути, на последующий этап откладывается реализация для такого лица права на судебную защиту. Нарушается и принцип состязательности в судебном заседании: есть суд, есть сторона обвинения (прокурор, следователь (дознаватель)), но нет стороны, защищающей свои интересы. Она не представлена вообще.

Можно привести типичный пример, когда заочное рассмотрение ходатайства следователя, формальный подход суда, продлившего срок ареста, привели к принятию неправосудного решения. 12 октября 2023 г. на имущество Г. — автомобиль, принадлежащий ему на праве собственности, — в порядке ч. 3 ст. 115 УПК РФ наложен арест с запретом собственнику совершать любые действия, влекущие прекращение права собственности. 6 декабря 2023 г. срок ареста указанного имущества продлен на три месяца. Г. воспользовался своим правом и обжаловал решение суда о продлении срока ареста на автомобиль в апелляционном порядке. Вторая инстанция, рассматривавшая жалобу Г. с его участием, установила, опираясь в том числе на представленные Г. пояснения и документы, что арестованный автомобиль был приобретен Г. за пять лет до того момента, как обвиняемый был назначен на должность и вовлечен в преступное сообщество. Оснований считать, что автомобиль фактически принадлежал обвиняемому и имеет преступное происхождение, следователем не представлено, судом не установлено. Убедившись в этом, суд апелляционной инстанции признал ранее принятые решения незаконными и отменил арест на имущество[26]. В подобных случаях при активной позиции заинтересованных лиц велика вероятность правильного разрешения ситуации уже в первом судебном заседании, если бы на нем присутствовал собственник имущества, озвучил свои аргументы и подтвердил бы их имеющимися документами.

Всё вышеизложенное требует внесения непосредственно в действующую ст. 115 УПК РФ изменений: закрепления в ней права лица, указанного в ее третьей части, участвовать в рассмотрении материала о *наложении* ареста на его имущество. Как только в законе будет закреплено это право, у правоприменителя появится обязанность обеспечить возможность его реализации, что исполняется посредством своевременного извещения заинтересованных лиц о времени и месте судебного заседания. Неявка таких лиц в судебное заседание, при условии своевременного их извещения, не является препятствием для рассмотрения ходатайства следователя (дознавателя) по существу.

В уголовном судопроизводстве лицо, указанное в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, имеет свой законный

[25] О проблеме законности и обоснованности вынесения в таком режиме судебных решений см.: *Малышева О. А.* Законность и обоснованность наложения ареста на имущество при расследовании уголовного дела // Lex russica. 2021. Т. 74. № 6. С. 118–126.

[26] См.: апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 08.02.2024 № 22к-398/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/CwFiGah1S7La/ (дата обращения: 19.12.2024).

интерес и при разрешении по существу уголовного дела, в рамках которого наложен и сохраняется арест на его имущество, относительно определения судьбы этого имущества. Такие третьи лица напрямую не связаны с уголовно-правовым спором. Их интерес в уголовном деле сводится к риску лишиться своего имущества, если судом будет принято такое решение, например о его конфискации (п. 11 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Они не являются стороной в процессе, но принятое судом решение может лишить их собственности, защищая которую они должны быть наделены правами, позволяющими им отстаивать свой законный интерес в части спорного имущества: «дать показания относительно законности происхождения у них средств на приобретение имущества, представить суду документы, задать вопросы вызванным в суд лицам»[27]. В настоящее время суды, осуществляя уголовное правосудие, извещают таких лиц о времени и месте проведения той части судебного заседания, в которой планируется рассмотреть вопрос о продлении срока ареста, наложенного на их имущество, в каждом случае заявления государственным обвинителем соответствующего ходатайства[28], то есть, по сути, действуют по правилам ст. 115.1 УПК РФ. Явившиеся по таким извещениям лица, указанные в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, и/или их представители приобретают отдельные полномочия стороны в процессе: высказывают свое мнение по поводу заявленных в суде ходатайств, ходатайствуют о допросе свидетелей, представляют суду документы, дают объяснения и даже выступают в судебных прениях. Эти правомочия актуальны для них исключительно с точки зрения установления оснований наложения и продления срока, режима ареста и судьбы арестованного имущества. Путаницы в процессуальное положение таких лиц добавляет их пребывание в рамках производства по уголовному делу еще и в качестве свидетелей. Предмет допроса таких свидетелей не касается правомерности наложения и продления срока ареста на имущество, но включает в себя обстоятельства приобретения и стоимость арестованного имущества. Получается, что в одном судебном заседании лицо имеет статус свидетеля и одновременно является третьим лицом. При этом не выработаны правила, по которым оно действует в судебном заседании. Нередко суд, в очередной раз разрешая ходатайство прокурора о продлении срока ареста на имущество лиц, указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, заслушав объяснения такого лица по обстоятельствам приобретения спорного имущества, предоставив возможность гособвинителю и защите задать ему уточняющие вопросы по этому поводу, затем удаляет его из зала суда, чтобы спустя непродолжительное время вызвать в другом качестве — в качестве свидетеля, допрашивая которого стороны задают вопросы по тем же обстоятельствам[29].

Представляется, что такое третье лицо должно иметь право присутствовать в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела по существу, в рамках которого на его имущество наложен и сохраняется арест, на всем протяжении судебного разбирательства, ведь исследование любого доказательства может повлиять на решение судьбы арестованного имущества и/или вызвать потребность дать объяснения (пояснения) в этой части. Как свидетель он обязан явиться в судебное заседание, в остальном — это его право.

Интересная и неоднозначная ситуация складывается в настоящее время на практике с выступлением таких лиц в судебных прениях. Фактически таким лицам и их представителям, явившимся в судебное заседание, предоставляется право выступить в судебных прениях, несмотря на то что они не включены в перечень участников уголовного процесса, наделенных таким правом (ч. 1 и 2 ст. 292 УПК РФ). Суды, предоставляя этим лицам право выступить в прениях, действуют интуитивно, по аналогии. Но здесь возникает еще одна проблема. Какова очередность их выступления в прениях? Закон предписывает первым в прениях всегда выступать обвинителю, а последними — подсудимому и его защитнику. Между ними выступают

---

[27] См.: апелляционное определение апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18.02.2021 по делу № АПЛ21-51 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/sgpmPDFhtvVb/ (дата обращения: 02.12.2024).

[28] По процедуре, как только государственный обвинитель заявит ходатайство о продлении срока наложения ареста на имущество третьих лиц, суд откладывает разрешение этого вопроса, как правило на следующее заседание, до извещения указанных в ходатайстве государственного обвинителя лиц, на чье имущество наложен арест.

[29] См.: протокол судебного заседания (в части от 04.08.2023) по уголовному делу № 1-6/2024 // Архив Измайловского районного суда г. Москвы.

оставшиеся участники, сначала со стороны обвинения, а затем со стороны защиты, но лица, указанные в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, законом не отнесены ни к тем, ни к другим (они отстаивают в уголовном процессе свой собственный интерес). В какой момент надлежит выступать третьим лицам? Может быть, после стороны обвинения и перед стороной защиты? Ведь их интересы могут не совпадать с интересами ни одной из сторон. А если они выступят последними (после подсудимого и/или защитника), будет ли это существенным нарушением уголовно-процессуального закона? Например, в уже упомянутом деле после выступлений всех подсудимых и их защитников с речами суд предоставил присутствующим в судебном заседании третьим лицам и/или их представителям право выступить в прениях, которым они воспользовались. Ситуация осложнилась еще и тем, что сторона обвинения отказалась от реплик, прения были закончены, сторона защиты не смогла парировать ряд доводов, озвученных третьими лицами в своих речах[30]. Защита акцентировала на этом моменте внимание апелляционного суда, но суд второй инстанции не усмотрел существенного нарушения закона в нарушении права на защиту в связи с отступлением от предписанной очередности выступлений в прениях его участников[31]. Подобные примеры наглядно показывают, что практика ушла вперед и насущно необходимо законодательное закрепление если не сложившихся уже́, то складывающихся правоотношений, в частности, нужно закрепить право таких лиц участвовать в судебных прениях, вписав их в существующую очередность выступлений участников судебных прений.

При этом следует учитывать, что, фактически приобретая возможность пользоваться правами стороны, они стороной не являются, не относятся ни к стороне обвинения (по понятным причинам), ни к стороне защиты, ведь законные интересы таких лиц могут находиться в противоречии с интересами обвиняемого (подсудимого). Они отстаивают в уголовном процессе свой собственный интерес, обусловленный правом собственности на спорное имущество.

Если приговор затрагивает законные интересы указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ лиц, они вправе его обжаловать[32]. На них распространяются положения, предоставляющие право апелляционного и/или кассационного обжалования судебного решения иным лицам в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы (ч. 1 ст. 389.1 и ч. 1 ст. 401.2 УПК РФ), например в части сохранения обеспечительных мер[33]. На этих этапах уголовного судопроизводства такие лица уже в соответствии с буквальными предписаниями уголовно-процессуального закона лично или через своего представителя вправе обжаловать приговор в части принятого судом решения о судьбе имущества, принадлежащего им на праве собственности, и участвовать на правах стороны в судебном заседании. Так, в рамках уголовного дела по обвинению Б., Ш.1, Ш.2, К., М. и Ф. арест в порядке ч. 3 ст. 115 УПК РФ был наложен на имущество 14 человек[34] — «документальных собственников арестованного по уголовному делу имущества» (в основном супруги и дети обвиняемых), интересы которых в судах первой и апелляционной инстанций представляли их адвокаты. В интересах каждого из 10 таких собственников его адвокатом была подана апелляционная жалоба на приговор с обоснованием отмены ареста на имущество[35]. Конечный интерес таких лиц за-

[30] См.: протокол судебного заседания (в части от 09.01.2024) по уголовному делу № 1-6/2024.

[31] См.: апелляционное определение Московского городского суда от 30.08.2024 по делу № 01-0006/2024 // URL: https://mos-gorsud.ru/rs/izmajlovskij/services/cases/criminal/details/9d9b4750-a851-11ed-ae08-133b364309e6 (дата обращения: 12.12.2024).

[32] Представляется, что для реализации права на обжалование в вышестоящие судебные инстанции решения по уголовному делу в той части, которая касается вопросов, затрагивающих их права и законные интересы, лица, указанные в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, пользуются теми же сопутствующими правами, что и остальные участники уголовного процесса, имеющие право апелляционного и кассационного обжалования: получить копию обжалуемого судебного решения, ознакомиться с протоколом судебного заседания, получить копии апелляционных и кассационных жалоб и представлений, приносить возражения на них, участвовать в судебных заседаниях судов последующих судебных инстанций и т.д.

[33] См., например: апелляционное постановление Амурского областного суда от 20.05.2021 по делу № 22-861/2021 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/oiviEwRRz3W8/ (дата обращения: 20.12.2024).

[34] См.: протокол судебного заседания (в части от 17.03.2023) по уголовному делу № 1-6/2024.

[35] См.: апелляционное определение Московского городского суда от 30.08.2024 по делу № 01-0006/2024.

ключается в полном снятии всех обременений с арестованного имущества, судьба которого определяется в судебном разбирательстве.

Заключение

В настоящее время правовое положение лиц, указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, должным образом не определено в уголовно-процессуальном законе. Имеющееся нормативное регулирование фрагментарно. Закон точечно предоставляет им отдельные права, ориентированные на обжалование принятого решения о наложении ареста на имущество, защиту своих законных интересов при продлении сроков ареста, наложенного на имущество. При этом в рамках существующей процедуры *наложения* ареста на имущество такое лицо не имеет возможности реализовать гарантированное ему частью 1 ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту неприкосновенности своей собственности (ст. 35 Конституции РФ). Решение судом принимается «заочно, тайно, без права на мнение, защиту или позицию, без извещения владельца имущества о принятом судебном решении, без возможности обжаловать не вступивший в силу судебный акт в установленные законом сроки»[36]. Необходимо исправить сложившуюся ситуацию, признав на законодательном уровне таких лиц участниками уголовного судопроизводства и обеспечив эффективную защиту их прав и законных интересов, для чего внести изменения в уголовно-процессуальный закон, предусмотрев для них ряд дополнительных прав, предоставляющих реальные возможности противостоять стороне обвинения, в частности:

— право иметь представителя, которым может выступать как адвокат, так и иное лицо; например, интересы юридических лиц могут представлять корпоративные юристы, интересы физических лиц — юристы, не имеющие статуса адвоката, по доверенности;

— право участвовать в рассмотрении судом материала о наложении ареста на имущество: своевременно быть извещенным о дате и времени судебного заседания, иметь возможность лично или через представителя довести до суда свои возражения, давать объяснения, представлять документы, заявлять ходатайства и пр., получить копию судебного решения;

— право получить копию постановления о прекращении уголовного дела;

— право участвовать на всем протяжении судебного разбирательства в суде первой инстанции, а не только в части рассмотрения вопроса о продлении срока наложения ареста на имущество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алимова А. И. Отдельные проблемы уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики наложения и обжалования ареста на имущество собственников (добросовестных приобретателей) // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 5. С. 92–99.

Грикевич О. А. Применение части 3 статьи 115 УПК РФ в конкретном деле ООО «Аврора МС» // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 199–209.

Денисова М. Д. Об основаниях наложения ареста на имущество третьих лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 97–103.

Зиновьев К. О. Правовые механизмы обеспечения процессуальных гарантий третьих лиц при наложении ареста на имущество // Юридическая наука. 2019. № 5. С. 60–64.

Искандиров В. Б. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 22 с.

Малышева О. А. Законность и обоснованность наложения ареста на имущество при расследовании уголовного дела // Lex russica. 2021. Т. 74. № 6. С. 118–126.

Мурылева-Казак В. В. Законность целей наложения ареста на имущество третьих лиц в уголовном судопроизводстве как критерий правомерности вмешательства государства в право собственности // Уголовное судопроизводство. 2022. № 2. С. 37–41.

Мурылева-Казак В. В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 30 с.

[36] *Грикевич О. А.* Указ. соч. С. 202.

REFERENCES

Alimova AI. Selected problems of criminal procedure regulation and law enforcement practice of imposing and appealing seizure of property of owners (bona fide purchasers). *Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of the Udmurt University]*. 2017;27(5):92-99. (In Russ.).

Denisova MD. On the grounds for seizing the property of third parties in criminal proceedings. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2023;2(100):97-103. (In Russ.).

Grikebich OA. Application of Part 3 of Article 115 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in a specific case of Aurora MS LLC. *Sudebnaya vlast i ugolovnyy protsess*. 2018;2:199-209. (In Russ.).

Iskandirov VB. Seizure of property in criminal proceedings. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Chelyabinsk; 2012. (In Russ.).

Malysheva OA. Legality and validity of property seizure in the investigation of a criminal case. *Lex russica*. 2021;74(6):118-126. (In Russ.).

Muryleva-Kazak VV. Procedural means of protecting the property rights of persons who are not participants in criminal proceedings. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2023. (In Russ.).

Muryleva-Kazak VV. The legality of the purposes of seizing the property of third parties in criminal proceedings as a criterion for the legality of state interference in property rights. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal proceedings]*. 2022;2:37-41. (In Russ.).

Zinoviev KA. Legal mechanisms for ensuring the procedural guarantees of third parties when property is seized. *Yuridicheskaya nauka [Legal Science]*. 2019;5:60-64. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Расторопов Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента уголовного права, процесса и криминалистики НИУ «Высшая школа экономики»
д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
rastoropov_sv@mail.ru

Артамонова Елена Александровна, доктор юридических наук, доцент, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики НИУ «Высшая школа экономики»
д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
ea.artamonova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Rastoropov, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, HSE University, Moscow, Russian Federation
rastoropov_sv@mail.ru

Elena A. Artamonova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, HSE University, Moscow, Russian Federation
ea.artamonova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 15 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 26 января 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 15.01.2025.
Revised 26.01.2025.
Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.089-101

Ю. П. Гармаев
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

Потребности практики расследования коррупционных преступлений и основные направления криминалистических исследований

Резюме. В статье рассматриваются как практические проблемы предупреждения и расследования коррупционных и сопутствующих им преступлений, так и основные недостатки научно-криминалистических и, шире, междисциплинарных прикладных исследований в этой области. Отмечается, что при наличии позитивных тенденций правоприменительная практика и наука еще далеки от желаемых параметров с точки зрения принципа эффективности борьбы с криминальной коррупцией. Далее раскрывается сущность коррупционных и сопутствующих им преступлений, приводится несколько их классификаций по различным основаниям. Объясняется феномен их множественности, анализируются другие ключевые понятия и научные категории. Доказано, что наиболее опасные коррупционные преступления являются высокотехнологичными, высокоорганизованными и совершаются серийно, в различных совокупностях. Их предупреждение и расследование должны обеспечиваться высокотехнологичными инструментами, опережающими закономерную эволюцию криминальной коррупции. Перечисляются средства преодоления недостатков практики и теории, определяются основные направления научных исследований в рассматриваемой области. Среди них: 1) внедрение в криминалистические методики самых современных цифровых средств и методов предупреждения и расследования, изъятия коррупционных активов; 2) соблюдение разработчиками принципа эффективности правоприменения: максимальные результаты расследования при минимальных затратах государственных ресурсов; 3) разработка новых методик расследования коррупционных и сопутствующих им преступлений: а) по группам исходя из способа и уголовно-правового критерия, б) в определенных сферах деятельности. Формулируется вывод о том, что криминалистические и междисциплинарные рекомендации следует разрабатывать в двух значениях: как самостоятельные методики расследования; как средства обновления, модернизации уже существующих методических разработок по борьбе с большинством иных, особенно организованных, видов преступной деятельности.

Ключевые слова: расследование коррупционных преступлений; предупреждение криминальной коррупции; высокотехнологичные преступления; обновление криминалистических методик; информационные технологии в расследовании; классификация преступлений; направления криминалистических исследований

Для цитирования: Гармаев Ю. П. Потребности практики расследования коррупционных преступлений и основные направления криминалистических исследований. *Lex russica.* 2026. Т. 79. № 3. С. 89–101. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.089-101

The Needs of Corruption Crimes Investigation and Main Directions of Forensic Research

Yuri P. Garmaev
Buryat State University named after Dorzhi Banzarov
Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The paper examines both the practical problems of preventing and investigating corruption and related crimes, and the main shortcomings of forensic scientific and, more broadly, interdisciplinary applied research in this area. It is noted that in the presence of positive trends, law enforcement practice and science are still

© Гармаев Ю. П., 2026

far from the desired parameters in terms of the principle of effectiveness in combating corruption. Next, the essence of corruption and related crimes is revealed, and several classifications are given for various reasons. The phenomenon of their multiplicity, other key concepts and scientific categories are explained. It is proved that the most dangerous corruption crimes are high-tech, highly organized and are committed repetitively, in various combinations. Their prevention and investigation must be supported by high-tech tools that anticipate the natural evolution of corruption crimes. Means to overcome the shortcomings of practice and theory are listed, and the main directions of scientific research in this area are determined. Among them are: 1) the introduction of state-of-the-art digital tools and methods for the prevention and investigation of corrupt assets into forensic techniques; 2) adherence by developers to the principle of law enforcement effectiveness — maximum investigation results with minimal expenditure of state resources; 3) development of new methods for investigating corruption and related crimes: a) by group, based on the method and criminal legal criteria, b) in certain fields of activity. It is concluded that criminalistic and interdisciplinary recommendations should be developed in two senses: as independent investigation methods; as a means of updating and modernizing existing methodological developments for combating most other, especially organized, types of criminal activity.
Keywords: investigation of corruption crimes; prevention of corruption; high-tech crimes; updating forensic techniques; information technologies in investigation; classification of crimes; areas of forensic research
Cite as: Garmaev YuP. The Needs of Corruption Crimes Investigation and Main Directions of Forensic Research. *Lex russica*. 2026;79(3):89-101. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.089-101

Введение

В современных криминалистических исследованиях в целом и в рамках научного раздела «Криминалистическая методика» частные методики расследования коррупционных преступлений, безусловно, являются или самыми, или одними из самых многочисленных и разнообразных. На уровне потребностей практики, как верно отметил председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин, противодействие коррупции — это прежде всего системная работа, которая ведется совместно правоохранительными и иными государственными органами в соответствии с Национальным планом противодействия коррупции[1], федеральным законодательством. Регулярно разрабатываются и принимаются комплексные меры к совершенствованию этой деятельности. Они направлены на повышение эффективности взаимодействия с правоохранительными, надзорными и контролирующими органами, разработку антикоррупционного законодательства, усиление профилактической работы. С учетом криминогенной обстановки Следственный комитет России анализирует новые проявления коррупции, в том числе с использованием цифровых технологий[2]. Итак, новые проявления коррупции, в том числе с использованием «цифры», и необходимость их анализа — подчеркнем эту потребность практики, чтобы вернуться к ней позднее.

Однако к выводу о недостаточной эффективности практики предупреждения и расследования коррупционных преступлений приходят многие специалисты, не говоря уже о правозащитниках и СМИ. Так, В. Ф. Лапшин и В. В. Попов указывают на резкое несоответствие статистических показателей реалиям криминальной коррупции[3], В. В. Лунеев — на широко распространенную практику преимущественной регистрации и расследования нетрудоемких дел о коррупционных преступлениях[4].

Нам уже доводилось констатировать существование двух проблем: практической и научной, где первая выражается в неформальном, но вполне реальном приоритете борьбы с мелкими преступлениями, не представляющими правовой и криминалистической сложности, а вторая — в особенностях множества существующих методик расследования (в том числе созданных

[1] Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 (с изм.) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

[2] Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС // URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1844699/ (дата обращения: 19.09.2025).

[3] См.: *Лапшин В. Ф., Попов В. В.* Неэффективность противодействия коррупционной преступности в современной России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. № 2 (46). С. 173–178.

[4] См.: *Лунеев В. В.* Контроль над преступностью: надежны ли показатели? // Государство и право. 1995. № 7. С. 87–90.

автором), больше внимания уделяющих предупреждению, раскрытию и расследованию этих самых мелких, относительно несложных преступлений[5]. Другие авторы также отмечают недостатки существующих антикоррупционных методических научных разработок[6].

В то же время в практической деятельности наметилась позитивная тенденция. Увеличивается количество выявленных фактов взяточничества в крупных и особо крупных размерах при сокращении доли мелкого взяточничества. Такового в 2017 г. было около половины — 48,2 % от общего числа всех преступлений, связанных со взяточничеством, а в 2024 г. стало уже меньше трети (27 %). Как обратили внимание в Генеральной прокуратуре РФ, в прошлом уголовные дела этой категории использовались для раздувания показателей в сфере борьбы с коррупцией[7]. На 65,7 % больше выявлено преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере либо причинивших крупный и особо крупный ущерб. Резко выросло количество выявленных коррупционных преступлений, совершенных в составе организованных групп или преступных сообществ. В первом квартале 2025 г. их зарегистрировано на 46,5 % больше, чем за тот же период 2024-го (рост с 1 102 до 1 614). Особенно впечатляют результаты предъявления Генеральной прокуратурой РФ антикоррупционных исков в отношении доходов, законность происхождения которых не подтверждена. В декабре 2024 г. Генеральный прокурор РФ сообщил, что за пять лет с коррупционеров взыскали денег и имущества почти на 800 млрд руб.[8] Постоянно растет количество уголовных дел о коррупционных преступлениях в отношении высокопоставленных чиновников. И всё же вопрос эффективности уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией стоит остро. Впрочем, как и в любой стране.

Отсюда постановка проблемы вполне очевидна: как создавать соответствующие криминалистические методики расследования; как, в каких направлениях проводить криминалистические, а также междисциплинарные прикладные исследования, чтобы они соответствовали критериям эффективности практики расследования коррупционных преступлений.

Эффективность расследования криминальной коррупции

Как отмечается нашими единомышленниками по научной школе (с некоторыми уточнениями), эффективная практика расследования, или эффективное расследование, — это совокупность законных, оптимальных и рациональных стратегических, организационных, процессуальных действий, тактических приемов и иных мер следователя, оперативного сотрудника, других уполномоченных субъектов, направленных на предупреждение и расследование максимально большого количества наиболее опасных преступлений в той или иной сфере с минимально возможными затратами соответствующих ресурсов и в соответствии с основными приоритетами государственной политики[9].

Исходя из этого определения и с учетом соответствующей специфики эффективное расследование коррупционных преступлений — это совокупность законных стратегических, организационных, процессуальных действий, тактических приемов и иных мер, реализуемых уполномоченными субъектами во взаимодействии с гражданским обществом, направленных на предупреждение и расследование максимально большого количества наиболее опасных коррупционных и сопутствующих им преступлений в той или иной сфере с минимально возмож-

---

5 *Гармаев Ю. П.* Преимущественная борьба с «мелкими» коррупционными преступлениями как проблема практики и криминалистической науки // Lex russica (Русский закон). 2023. № 76 (3). С. 63–64.

6 Например: *Хлус А. М.* Методики расследования коррупционных преступлений: современное состояние и возможности развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17). С. 130–138 ; *Ануфриева Е. А.* Криминалистические методики расследования коррупционных преступлений: уровень разработанности и перспективы совершенствования // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 203–210.

7 Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России // URL: https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d (дата обращения: 10.09.2025).

8 Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России.

9 *Чумаков А. В.* Расследование хищений бюджетных средств: вопросы эффективности // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 3. С. 433–443.

ными затратами соответствующих ресурсов и в соответствии с основными приоритетами государственной политики.

Словосочетание «коррупционные и сопутствующие им преступления» — предмет практической и научной криминалистической деятельности — требует особых пояснений. У этих деяний есть специфика, без учета которой эффективное расследование невозможно. Дело в том, что, получая взятку, совершая злоупотребление полномочиями, служебный подлог и т.п., должностное лицо, управленец коммерческой или иной организации зачастую тем самым осуществляет умышленное совместное участие в том умышленном посягательстве, которое исполняют иные лица, например взяткодатели, подкуподатели — тоже коррупционеры. Так, действия руководителя государственного органа, получающего взятку-откат за содействие заключению государственного контракта на строительство с фирмой, руководитель которой в дальнейшем похитил бюджетные средства, помимо прочего, могут подпадать под признаки соучастия (в форме пособничества) в мошенничестве. В следственной и судебной практике регионов имеются многочисленные примеры привлечения субъектов коррупционных преступлений к уголовной ответственности по совокупности за соучастие прежде всего и чаще всего в хищениях (ст. 159–160 УК РФ и др.) и отмывании денег (ст. 174, 174.1 УК РФ), экологических преступлениях (ст. 260–262 УК РФ и др.), незаконном предпринимательстве (ст. 171 УК РФ), налоговых, таможенных преступлениях (ст. 193–194, 198–199.2, 226.1 УК РФ и др.), преступлениях против правосудия (ст. 299, 303 УК РФ и т.д.) и многих других.

То есть необходимо констатировать, что наиболее общественно опасные и изощренные механизмы преступной коррупционной деятельности не существуют сами по себе. Это зачастую некая надстройка. Коррупционные и сопутствующие им преступления — это два весла одной лодки. Они готовятся и совершаются в различных совокупностях в целях получения в итоге какой-либо материальной и иной выгоды, преступного дохода, который в дальнейшем коррупционеры и их соучастники пытаются легализовать и потребить. Коррупционные и сопутствующие им преступления совершаются в основном серийно и подпадают под признаки разнородных преступлений[10].

Таким образом, эффективное предупреждение и расследование коррупционных преступлений начинается с четкого понимания того, на что оно — расследование — должно быть направлено. Это преступная деятельность следующих видов (групп) с точки зрения квалификации преступлений и предмета доказывания:

— первичные преступления в той или иной сфере, по поводу которых совершаются коррупционные. Например, наиболее общественно опасные и организованные проявления незаконных рубок лесных насаждений, связанные с незаконным оборотом леса и лесоматериалов, их контрабандой как стратегически важных ресурсов (ст. 191.1, 226.1, 260 УК РФ), — это, условно говоря, первичные преступления. Их невозможно реализовать более или менее масштабно и прибыльно, если они не будут сопровождаться криминальной коррупцией[11];

— коррупционные преступления — собственно взяточничество и иной коррупционный подкуп, служебный подлог, злоупотребление должностными полномочиями и превышение их (ст. 285–286 УК РФ) и другие посягательства. По отношению к первичным они будут вторичными. И те и другие по отношению друг к другу — сопутствующие;

— иные сопутствующие: должностные (гл. 30 УК РФ), экономические преступления, в том числе отмывание денег (ст. 174, 174.1 УК РФ) и др. Высока вероятность совершения перечисленных посягательств в составе организованных преступных сообществ (ст. 210, 210.1 УК РФ) и организованных преступных групп.

Вопреки этой закономерности широко распространена практика:

— возбуждения и расследования уголовных дел только по фактам дачи, получения взятки, без оценки действий взяткополучателей, а зачастую и взяткодателей, по статьям УК РФ о первичных преступлениях. Например, вменяются дача, получение взятки таможеннику за незаконное содействие в таможенном оформлении товара, что привело к уклонению взяткодателей от уплаты таможенных платежей. Однако ни

[10] Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л. В. Бертовского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РГ-Пресс, 2023. Гл. 36 (автор главы — Ю. П. Гармаев). С. 14.

[11] *Середа О. В.* Понятие коррупционного преступления в сфере лесопромышленного комплекса // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 467–470.

таможеннику, ни его протеже зачастую не вменяется преступление, предусмотренное статьей 194 УК РФ. При этом следователи не всегда законно и обоснованно превращают взяткодателей в свидетелей на основании примечания к ст. 291 УК РФ и заодно осознанно «прощают» им первичные преступления, чтобы сделать их показания о взяточничестве более надежными;

— расследования множественных первичных преступлений, например приобретения, хранения и перевозки в целях сбыта незаконно заготовленной древесины (ч. 1–3 ст. 191.1 УК РФ), без выявления коррупционной составляющей и иных сопутствующих преступлений. То есть в перечень обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию (кратко — предмет доказывания), по таким делам почему-то часто не входит изобличение коррупционеров, без участия которых преступный механизм был бы нереализуем. Редко выявляются и оцениваются обстоятельства отмывания денег (ст. 174, 174.1 УК РФ) и других сопутствующих преступлений.

Иначе говоря, если государство ставит перед собой задачу искоренить или хотя бы взять под контроль, минимизировать наиболее общественно опасную, особенно организованную преступную деятельность в той или иной сфере (лесопромышленный комплекс, таможенное дело, незаконный оборот наркотиков и т.п.), то нужно понимать важную закономерность. Работа по выявлению и раскрытию, например, тысячи незаконных рубок леса (ст. 260 УК РФ) без изобличения коррупционеров-соучастников разного уровня (лесники, сотрудники правоохранительных органов, крупные предприниматели, должностные лица органов власти разного уровня и ведомств), изъятия у них преступно нажитых активов и орудий преступления совершенно неэффективна[12].

Кроме того, субъектам расследования и в целом субъектам противодействия коррупционным преступлениям с позиции всё того же предмета доказывания следует учитывать уже упомянутый феномен множественности. Суть феномена в том, что все перечисленные посягательства в реальной криминальной практике редко совершаются единично. Они почти всегда серийны. Поэтому, грубо говоря, если мы видим на обложке первого тома законченного производством уголовного дела указание лишь на один эпизод/состав преступления, еще не изучая материалы, будем предполагать, что дело расследовано не всесторонне, неполно, то есть неэффективно.

К сожалению, проблема латентности, а точнее, нераспознаваемости и недовменения преступлений (как составов, так и эпизодов), даже когда они выявлены и легко доказуемы, — это типичная негативная особенность расследования значительной доли коррупционных и/или сопутствующих им преступлений. Но проблема эта не только практическая. Как уже отмечалось, криминалистические и междисциплинарные научные разработки зачастую вольно или невольно поддерживают тот же дискурс. Разумеется, есть и множество положительных примеров, когда представители стороны обвинения расследуют дела эффективно, не допускают названных правовых и тактических ошибок, не укрывают преступления и не идут на незаконные сделки со стороной защиты. Именно на такие примеры нужно ориентироваться авторам научных разработок, одновременно критикуя негативную практику, опять-таки с приведением примеров.

Высокотехнологичные коррупционные преступления: проблемы предупреждения и расследования

Поскольку, как было упомянуто выше, новые проявления коррупции тесно связаны с использованием современных цифровых технологий, острейшей потребностью правоприменительной практики является ее вооружение самыми современными цифровыми средствами противодействия высокотехнологичным коррупционным и сопутствующим им преступлениям.

По мнению В. В. Полякова, высокотехнологичные преступления — это преступные деяния, совершаемые высокотехнологичным способом, включающим элементы подготовки, совершения и сокрытия следов преступления и преступников, осуществляемые преступной группой путем применения специально созданных или модифицированных в преступных целях программных, программно-аппаратных или аппаратных средств с использованием дистанционного доступа к объекту преступ-

[12] *Гармаев Ю. П., Середа О. В.* Эффективные методы выявления и расследования коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19. № 3. С. 305–314.

ного посягательства, сопровождаемые противодействием расследованию, отличающиеся высокой латентностью и криминалистической сложностью расследования[13].

Высокотехнологичные преступления выделяются не по уголовно-правовому, а по криминалистическому критерию, поскольку тесно связаны со способами преступления и, соответственно, с методикой его раскрытия и расследования, а не с квалификацией деяния[14]. А значит, высокотехнологичными могут быть, и зачастую являются, наиболее опасные коррупционные и сопутствующие им преступления.

Кратко и на основе иных исследований перечислим лишь некоторые цифровые средства предупреждения, выявления и расследования высокотехнологичных коррупционных и сопутствующих им преступлений:

— *анализ транзакционной активности.* С помощью big data и специализированных программ правоохранительные органы отслеживают переводы между физическими и юридическими лицами, выявляют регулярность операций, цепочки перевода средств, даже если они осуществляются через офшоры или криптовалютные кошельки;

— *анализ поведения в Интернете.* Проверяются активность на криптовалютных биржах, учетные записи в социальных сетях, переписки в мессенджерах, особенно в тех, где используются технологии сквозного шифрования;

— *прослушивание переговоров и видеонаблюдение*, *доступ к данным геолокации*;

— *анализ электронных документов и облачных хранилищ.* При обысках и выемках по делам этой категории изымаются не только и даже не столько бумажные документы, но и ноутбуки, смартфоны, внешние цифровые носители. Особый интерес представляют удаленные, облачные сервисы и электронная переписка, ключи доступа;

— *детализация цифровых следов.* Даже удаленные файлы можно восстановить с помощью компьютерной экспертизы[15].

Все эти цифровые инструменты и рекомендации по их эффективному использованию применимы к уголовным делам о многих видах и группах преступлений. Но это не снижает их актуальности и эффективности, когда речь идет о делах, связанных с высокотехнологичными преступлениями коррупционной направленности. Их, эти инструменты, представляет, а вернее, должна представлять относительно новая система знаний, именуемая либо цифровой (электронной) криминалистикой[16], либо, точнее, теорией информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности[17]. Эта система знаний, вероятно, должна охватываться теорией высокотехнологичного права[18].

Однако проблема не в определениях понятий и иных теоретических изысканиях, а в дефиците прикладных инструментов и разработок. Следует признать, что нынешний уровень цифровизации уголовного судопроизводства и обеспечивающих его наук, прежде всего криминалистики, не соответствует современным потребностям практики предупреждения, раскрытия и расследования высокотехнологичных преступлений, в том числе коррупцион-

---

[13] *Поляков В. В.* Понятие «высокотехнологичные преступления» в криминалистике // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сборник научных трудов. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023. Т. 28. № 4. С. 151–162.

[14] *Россинская Е. Р.* Концепция учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основе методик расследования компьютерных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 193.

[15] *Вихлянов Р. И.* Цифровой след взятки: как технологии помогают выявлять коррупционные преступления и как защититься, если вы под подозрением // URL: https://dzen.ru/a/aGbiGwmP-mtsIjzF (дата обращения: 12.09.2025).

[16] *Вехов В. Б.* Электронная криминалистика в XXI веке: тенденции развития // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации : материалы ежегодной Всероссийской науч.-практ. конференции, Санкт-Петербург, 2 ноября 2018 г. / сост. О. С. Лейнова. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2019. С. 51–54 ; Цифровая криминалистика / под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. М. : Юрайт, 2021. 417 с.

[17] *Россинская Е. Р.* Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193–202.

[18] *Бертовский Л. В.* Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 4. С. 735–749.

ных и им сопутствующих. Налицо отмеченная А. Ю. Афанасьевым острая необходимость «снижения дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию»[19].

Основные направления криминалистических антикоррупционных исследований

Обзор публикаций показывает, что большинство антикоррупционных частных криминалистических методик посвящено выявлению и расследованию взяточничества и иного коррупционного подкупа. Зачастую авторы изданий, называя свой труд методикой расследования коррупционных преступлений, фактически пишут только о взяточничестве или еще у́же — только о получении взятки. Заметно, что большинство разработок в форме учебно-методических изданий очень похожи, часто почти полностью копируют друг друга. Помимо уже названной причины — непонимания сущности и классификации, типологии коррупционных и сопутствующих им преступлений, есть и иные причины. Закономерности собственно дачи/получения взятки, иногда посредничества во взяточничестве, в разных сферах в типичных ситуациях имеют больше общего, чем специфического. Вот почему почти все диссертации и пособия по методике расследования взяточничества и коррупции содержат сходные, почти совпадающие научные положения и прикладные рекомендации о типичных версиях, следственных ситуациях и путях их решения. Например, атрибут практически всех разработок — описание тактической операции «задержание с поличным взяточника» на основе оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент». Нет сомнений — это нужно и полезно для практики. Но в том-то и проблема, что в современной криминальной реальности высокоуровневое взяточничество, передача взяток в особо крупных размерах в составе организованных групп или преступных сообществ не реализуется в конвертах и чемоданах. Это чаще атрибут низовой и бытовой коррупции. Высокоуровневая коррупция манипулирует финансовыми ресурсами с помощью высокотехнологичных инструментов, от переводов на счета подконтрольных фирм по мнимым сделкам до криптовалютных операций.

В целом реальная специфика коррупционных преступлений в той или иной сфере деятельности, ее высокотехнологичная составляющая в криминалистических научных разработках отражается довольно редко. В большинстве научных работ отсутствуют рекомендации по использованию средств информационно-компьютерного обеспечения антикоррупционной криминалистической деятельности.

Существует и проблема разработки методик расследования преступлений, названных здесь первичными. Например, авторы разработок по расследованию незаконного оборота наркотиков или налоговых преступлений пишут о том, как выявлять и раскрывать один-два вида тех самых первичных преступлений (с точки зрения квалификации), предлагая множество способов. Однако в криминалистической характеристике обычно лишь кратко упоминается о том, что эти преступления могут содержать коррупционную составляющую. И далее, в главах собственно о расследовании обычно отсутствуют рекомендации по выявлению коррупционных преступлений, сопутствующих первичным. И это не вина авторов, а беда всей науки, ее методологии, в которой существует некая неписаная парадигма, суть которой в следующем: *если выбираем тему о расследовании именно этого вида преступлений по УК РФ, то пишем в основном о нем. Расследование криминальной коррупции, вероятно, должно быть описано в отдельной частной методике*. Причем ни в одном из известных нам трудов это прямо не отмечено. Но подход работает по умолчанию, априори. Такой негласный принцип разработки методик широко распространен, но всё же неоправдан. Нужны новые, интегративные подходы.

Изучение научной продукции криминалистики с позиции классификации методик расследования показывает, что существуют более общие и менее общие антикоррупционные методики. В одном из последних крупных и глубоких монографических исследований[20],

[19] *Афанасьев А. Ю.* Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2025. С. 25.

[20] *Карагодин В. Н., Быкова Е. Г., Вахмянина Н. Б.* Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений : учеб. пособие / под общ. ред. В. Н. Карагодина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024.

посвященных расследованию коррупционных преступлений, мы видим именно общую криминалистическую методику. Причем название работы «Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений» показывает стремление авторов быть ближе к практическому запросу — междисциплинарности прикладных рекомендаций. Поэтому первая и вторая главы посвящены соответственно вопросам квалификации и процессуальным особенностям расследования коррупционных преступлений в кратком изложении. Основная по объему и глубине разработки часть издания — конечно же, криминалистическая методика. Третья глава называется «Основы общей методики расследования коррупционных преступлений». Главы с четвертой по седьмую раскрывают особенности расследования четырех крупных групп преступлений: превышения должностных полномочий и злоупотребления ими (гл. 4), взяточничества (гл. 5), служебного подлога (гл. 6) и, наконец, хищений с использованием служебного положения (гл. 7). Авторы, по сути, сформулировали практически востребованную классификацию частных по отношению к общей методик расследования коррупционных преступлений. Основание классификации — уголовно-правовой критерий. Разумеется, эта классификация не единственная. Р. И. Бардачевский в том же ключе и на основе данных о способе делит все коррупционные преступления на три группы: 1) коррупционные подкупы, 2) коррупционные хищения, 3) коррупционные злоупотребления[21]. Эти классификации, безусловно, весьма перспективны с точки зрения направлений диссертационных и иных монографических исследований, посвящаемых эффективному расследованию криминальной коррупции.

Вместе с тем весьма полезной, но пока не особенно применяемой криминалистами-разработчиками классификацией является деление частных методик по сферам деятельности[22]. Соавтор и ответственный редактор цитируемого выше издания В. Н. Карагодин верно констатирует, что соответствующие преступные служебные действия должностных лиц существенно различаются в зависимости от сферы деятельности, в рамках которой они совершаются. «Вряд ли кто-то будет отрицать, что имеются различия в процедуре совершения разных действий в области политики, экономики, культуры, науки и т.п. Дифференцированный порядок устанавливается и в различных видах деятельности, осуществляемых в одной сфере — производства, торговли, оказания услуг и т.п. Отличается и порядок выполнения названных действий на разных уровнях (в федеральных учреждениях, органах субъектов Федерации, местной власти)»[23]. Однако методики расследования коррупционных преступлений, выделенные по сферам деятельности, пока немногочисленны, некоторые находятся в стадии разработки[24].

Так, О. В. Середа разрабатывает методику расследования коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса. Причиной выделения этого подвида преступной деятельности из всех преступлений в этой сфере являются закономерные взаимосвязи: лица, совершающие коррупционные преступления, принимают активное участие в совершении незаконных рубок и иных экологических, а также экономических преступлений. Последние два вида преступной деятельности в сфере

---

[21] *Бардачевский Р. И.* Роль следственных ситуаций в планировании расследования коррупционных преступлений : дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 29–30.

[22] Предложена впервые В. А. Образцовым. См.: *Образцов В. А.* Преступления, связанные с профессиональной деятельностью, как объект криминалистического исследования // Вопросы борьбы с преступностью. 1982. Вып. 36. С. 91.

[23] *Карагодин В. Н., Быкова Е. Г., Вахмянина Н. Б.* Указ. соч. С. 152–153.

[24] *Гулина Е. В.* Особенности криминалистической методики расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования : дис. … канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2019 ; *Лямин М. В.* Использование криминалистических методов при расследовании взяточничества в правоохранительных органах : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 99–100 ; *Смахтин Е. В., Христинина Е. В.* Расследование получения взятки в системе высшего образования: криминалистические аспекты и некоторые вопросы квалификации : монография. М., 2018 ; *Бодров Н. Ф.* Использование специальных знаний при расследовании взяточничества и других проявлений коррупции в сфере образования : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013 ; *Усманова О. Л.* Особенности субъекта коррупционных преступлений в сфере здравоохранения // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2023. № 1. С. 84–93.

лесопромышленного комплекса преступникам, желающим получить максимальные прибыли, невозможно реализовать без коррупционной составляющей[25].

Два значения научных разработок по расследованию коррупционных преступлений

Имеет смысл обозначить еще одну важную методологическую идею — подход к формированию научных разработок в рассматриваемой области. Рядом авторов упоминалась необходимость не только разработки новых, но и корректировки существующих методик расследования. Например, по мнению Р. С. Белкина, необходимость таких разработок может быть связана с изменением контингента субъектов преступных посягательств, обстоятельств, способствующих совершению данного вида преступлений, и т.п.[26]

Таким образом, любая научная разработка в области расследования коррупционных, им сопутствующих, равно как и любых иных, преступлений может формироваться не в одном, а в двух значениях:

а) как самостоятельный комплекс научных положений и прикладных рекомендаций, предназначенных для непосредственного использования в расследовании тех или иных коррупционных преступлений;

б) как дополняющий материал, средство корректировки существующих методик расследования ряда преступлений, совершаемых в той или иной сфере деятельности: закупок, гособоронзаказа, строительства, несостоятельности (банкротства), того же лесопромышленного комплекса и т.п.

Повторим, что в первом значении (как самостоятельный научный продукт, предназначенный для непосредственного использования в расследовании) методическая разработка должна показывать следователям и оперативным сотрудникам, что выявлять надо не только собственно коррупционные, но и, что важно, сопутствующие преступления, в том числе первичные, совершаемые в той или иной сфере деятельности. Криминалистическая характеристика должна включать соответствующие данные о типичных способах, предметах, следах, обстановке и т.д., а сама методика — типичные следственные ситуации, пути их решения, версии и алгоритмы их проверки, тактические операции, направленные на профилактику и борьбу с типичными первичными, иными сопутствующими преступлениями в соответствующей сфере.

Во втором значении (как дополняющий материал, средство корректировки, модернизации существующих методик расследования первичных, сопутствующих преступлений, например налоговых, таможенных преступлений, незаконных рубок, незаконной заготовки, транспортировки, контрабанды леса и т.п.) нужно показывать и доказывать правоприменителям, что выявлять и расследовать надо не только те самые экологические и экономические преступления, но и криминальную коррупцию. Причем многоэпизодную и высокоорганизованную.

Любая криминалистическая методическая антикоррупционная разработка может и, пожалуй, даже должна рассматриваться как элемент системы методик расследования не только коррупционных преступлений, но и иных, особенно экономических, организованных, террористических и экстремистских посягательств, то есть дополнять своими рекомендациями множество смежных научных продуктов. Такова специфика криминальной коррупции, она проникает во все сферы деятельности общества и государства, делает на порядок более опасными многие иные преступления, с особой энергией подвергает коррозии, разрушает те сферы, где вращаются самые большие финансовые ресурсы, ожидается максимальная легальная и нелегальная прибыль.

---

[25] *Середа О. В.* Указ. соч.

[26] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2001. С. 751.
Примерно о том же: *Корж В. П.* Проблемы формирования новых методик расследования преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями в сфере экономики // Криминалистические чтения на Байкале — 2015 : материалы Международной науч.-практ. конференции Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». Иркутск, 2015. С. 75.

Заключение

Изложенное позволяет прийти к некоторым выводам, способным определить дальнейшие направления научных исследований в рассматриваемой области.

1. Практика предупреждения и расследования коррупционных преступлений, хотя в последнее время во многом и меняется в лучшую сторону, всё еще недостаточно эффективна. В ней зачастую по-прежнему проявляются неформальный приоритет борьбы с «мелочовкой», игнорирование феномена множественности, недостаточное внимание к выявлению сопутствующих, первичных преступлений, недостаток высокотехнологичного инструментария борьбы с высокотехнологичными же проявлениями криминальной коррупции, многие другие проблемы и недостатки.

2. Научные криминалистические и междисциплинарные антикоррупционные разработки зеркально отражают буквально те же проблемы и недостатки: разработчики пишут в основном о том, как расследовать не самые сложные, единичные коррупционные преступления в узком сегменте, в основном получение и дачу взятки, мало уделяя внимания сопутствующим преступлениям, высокотехнологичным средствам расследования и феномену множественности. То есть недостатки практики дублируются в науке.

3. Расследование и предупреждение высокотехнологичных коррупционных и сопутствующих им преступлений должно быть обеспечено самыми современными цифровыми средствами и методами, в том числе и высокотехнологичными криминалистическими методиками, иными научными разработками.

4. Для решения проблем и устранения недостатков необходимо исходить из обновленной парадигмы — принципа эффективности правоприменительной деятельности, краткая суть которого — максимальные результаты при минимальных затратах. Для эффективного расследования необходимо понимать сущность его предмета — специфику коррупционных и сопутствующих им преступлений. Они почти всегда совершаются серийно, в различных совокупностях, самые опасные из них носят высокоорганизованный характер.

5. В контексте эффективности наиболее перспективна разработка методик расследования коррупционных и сопутствующих им преступлений: а) по группам исходя из способа (коррупционный подкуп, коррупционные хищения, коррупционные злоупотребления и т.п.); б) в определенных сферах деятельности. В этих сферах существуют некие первичные преступления, по отношению к которым коррупционные являются вторичными. Выявлению и расследованию подлежат и иные сопутствующие преступления. Эта специфика должна закладываться в основу криминалистических характеристик соответствующих общественно опасных посягательств, в типичные следственные ситуации, версии, планирование и т.п. Авторы разработок должны подчеркивать взаимосвязи между различными видами коррупционных и сопутствующих им преступлений, необходимость эффективно бороться со всем комплексом преступных посягательств, а не с отдельными их видами.

6. Криминалистические и междисциплинарные рекомендации по расследованию коррупционных и сопутствующих им преступлений следует разрабатывать и применять в двух значениях: как самостоятельные методики и как средства апгрейда — обновления, модернизации уже существующих методических разработок по борьбе с большинством иных видов преступной деятельности.

Здесь рассмотрены далеко не все прикладные и научные проблемы в области предупреждения и расследования коррупционных и сопутствующих им преступлений. За пределами исследования остались, например, вопросы принципов разработки и применения антикоррупционных методик, формы и средства их представления и продвижения в целевых аудиториях, просветительское значение антикоррупционных разработок, противодействие обвинительному уклону по делам этой категории и т.п. Это предмет для дальнейших изысканий.

В любом случае правоприменительная практика должна эволюционировать. По меткому выражению известного советского сатирика К. С. Мелихана, «что у нас хорошо организовано, так это преступность». Дисбаланс между постоянно растущим уровнем организации, оснащенности коррупционной и сопутствующей ей преступной деятельности и теми же параметрами деятельности правоохранительной нужно не просто уменьшать, эффективность предупреждения и расследования должна расти опережающими темпами на основе передовых научных достижений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ануфриева Е. А. Криминалистические методики расследования коррупционных преступлений: уровень разработанности и перспективы совершенствования // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 203–210.

Афанасьев А. Ю. Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2025. 698 с.

Бардачевский Р. И. Роль следственных ситуаций в планировании расследования коррупционных преступлений : дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 251 с.

Белкин Р. С. Курс криминалистики. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2001. 837 с.

Бертовский Л. В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 4. С. 735–749.

Бодров Н. Ф. Использование специальных знаний при расследовании взяточничества и других проявлений коррупции в сфере образования : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 200 с.

Вехов В. Б. Электронная криминалистика в XXI веке: тенденции развития // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации : материалы ежегодной Всероссийской науч.-практ. конференции, Санкт-Петербург, 2 ноября 2018 г. / сост. О. С. Лейнова. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2019. С. 51–54.

Гармаев Ю. П. Преимущественная борьба с «мелкими» коррупционными преступлениями как проблема практики и криминалистической науки // Lex russica (Русский закон). 2023. № 76 (3). С. 63–71.

Гармаев Ю. П., *Середа О. В.* Эффективные методы выявления и расследования коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19. № 3. С. 305–314.

Гулина Е. В. Особенности криминалистической методики расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования : дис. … канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2019. 230 с.

Карагодин В. Н., Быкова Е. Г., Вахмянина Н. Б. Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений : учеб. пособие / под общ. ред. В. Н. Карагодина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. 495 с.

Корж В. П. Проблемы формирования новых методик расследования преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями в сфере экономики // Криминалистические чтения на Байкале — 2015 : материалы Международной науч.-практ. конференции Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». Иркутск, 2015. С. 74–79.

Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л. В. Бертовского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РГ-Пресс, 2023. 1023 с.

Лапшин В. Ф., *Попов В. В.* Неэффективность противодействия коррупционной преступности в современной России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. № 2 (46). С. 173–178.

Лунеев В. В. Контроль над преступностью: надежны ли показатели? // Государство и право. 1995. № 7. С. 87–90.

Лямин М. В. Использование криминалистических методов при расследовании взяточничества в правоохранительных органах : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 231 с.

Образцов В. А. Преступления, связанные с профессиональной деятельностью, как объект криминалистического исследования // Вопросы борьбы с преступностью. 1982. Вып. 36. С. 90–100.

Поляков В. В. Понятие «высокотехнологичные преступления» в криминалистике // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сборник научных трудов. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 28. № 4. С. 151–162.

Россинская Е. Р. Концепция учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основе методик расследования компьютерных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 190–200.

Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193–202.

Середа О. В. Понятие коррупционного преступления в сфере лесопромышленного комплекса // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 467–470.

Смахтин Е. В., *Христинина Е. В.* Расследование получения взятки в системе высшего образования: криминалистические аспекты и некоторые вопросы квалификации : монография. М., 2018. 208 с.

Усманова О. Л. Особенности субъекта коррупционных преступлений в сфере здравоохранения // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2023. № 1. С. 84–93.

Хлус А. М. Методики расследования коррупционных преступлений: современное состояние и возможности развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17). С. 130–138.

Цифровая криминалистика / под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. М. : Юрайт, 2021. 417 с.

Чумаков А. В. Расследование хищений бюджетных средств: вопросы эффективности // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 3. С. 433–443.

REFERENCES

Afanasyev AYu. Methodology of research of the mechanism of proving criminal activity. Dr. Diss. (Law). N. Novgorod; 2025. (In Russ.).

Anufrieva EA. Criminalistic methods of investigating corruption crimes: The level of development and prospects for improvement. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal [Criminalist's Library Scientific Journal]*. 2016;6:203-210. (In Russ.).

Bardachevsky RI. The role of investigative situations in planning the investigation of corruption crimes. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2023. (In Russ.).

Belkin RS. A Course in Criminology: Moscow: Yuniti-Dana Publ: Zakon i Pravo; 2001. (In Russ.).

Bertovskiy LV. High-tech law: Concept, genesis and prospects. *RUDN Journal of Law*. 2021;25(4):735-749. (In Russ.).

Bodrov NF. The use of special knowledge in the investigation of bribery and other manifestations of corruption in the field of education. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2013. (In Russ.).

Chumakov AV. Investigation of budget embezzlement: Efficiency issues. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie [Siberian Law Review]*. 2024;21(3):433-443. (In Russ.).

Digital criminalistics. Vekhov VB, Zuev SV, editors. Moscow: Yurait Publ.; 2021. (In Russ.).

Garmayev YuP, Sereda OV. Effective methods for detecting and investigating corruption crimes in the timber industry. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2025;19(3):305-314. (In Russ.).

Garmayev YuP. Methods of investigation of corruption crimes. Criminalistics: A textbook for bachelors. 2nd ed., rev. and suppl. Bertovsky LV, editor. Moscow: RG-Press, 2023. (In Russ.).

Garmayev YuP. Primary fight against «minor» corruption crimes as a problem of judicial practice and forensics. *Lex russica*. 2023;76(3):63-71. (In Russ.).

Gulina EV. Features of the criminalistic methodology for investigating corruption crimes in the field of higher education. Cand. Diss. (Law). Ulan-Ude; 2019. (In Russ.).

Khlus AM. Methods of investigation of corruption crimes: Current state and development opportunities. *Sibirskie ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya [Siberian criminal process and criminalistic readings]*. 2017;3(17):130-138. (In Russ.).

Korzh VP. Problems of formation of new methods of investigation of crimes committed by organized criminal formations in the field of economics. Criminalistic readings on Baikal-2015: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference East-Siberian Branch, FGBOU VO «RGUP». Irkutsk; 2015. (In Russ.). P. 74–79.

Lapshin VF, Popov VV. The ineffectiveness of countering corruption crimes in modern Russia. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 2019;2(46):173-178. (In Russ.).

Legal and criminalistic aspects of the investigation of certain types of corruption crimes: A study guide. Karagodin VN, editor. 2 ed., rev. and suppl. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. (In Russ.).

Luneev VV. Crime control: Are the indicators reliable? *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 1995;7:87-90. (In Russ.).

Lyamin MV. The use of criminalistic methods in the investigation of bribery in law enforcement agencies. Cand. Diss. (Law). Saratov; 2003. (In Russ.).

Obraztsov VA. Crimes related to professional activity as an object of forensic research. *Voprosy borby s prestupnostyu*. 1982;2. (In Russ.).

Polyakov VV. The concept of «high-tech crimes» in criminalistics. Criminalistics: Yesterday, today, tomorrow. A collection of scientific papers. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;28(4):151-162. (In Russ.).

Rossinskaya ER. The concept of the doctrine of information and computer forensic models as the basis of methods of investigation of computer crimes. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 2021;2(97):190-200. (In Russ.).

Rossinskaya ER. Theory of information and computer support of criminalistic activity: Concept, system, main regularities. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 2019;2(89):193-202. (In Russ.).

Sereda OV. The concept of corruption crimes in the timber industry. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: The Theory and Practice]*. 2024;6(234):467-470. (In Russ.).

Smakhtin EV, Khristinina EV. Investigation of bribery in the higher education system: Criminalistic aspects and some qualification issues. A monograph. Moscow; 2018. (In Russ.).

Usmanova OL. The specifics of the subject of corruption crimes in the healthcare sector. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki.* 2013;1:84-93. (In Russ.).

Vekhov VB. Electronic forensics in the 21st century: Development trends. In: Leinova OS, editor. Criminalistics is a science without borders: Traditions and innovations. Proceedings of the annual All-Russian Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, November 2, 2018. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2019. P. 51–56. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова
д. 24, Смолина ул., г. Улан-Удэ 670000, Российская Федерация
garmaeff1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri P. Garmaev, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation
garmaeff1@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25 сентября 2025 г.
Статья получена после рецензирования 28 ноября 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 25.09.2025.
Revised 28.11.2025.
Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.102-112

Н. Ю. Скрипченко
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова
г. Архангельск, Российская Федерация

Проблемы реализации уголовной ответственности за побои, нанесенные лицом, имеющим судимость

Резюме. Анализ судебных решений объективизирует формальное установление преюдициального признака состава ч. 2 ст. 116.1 УК РФ. Дублируя закон в части определения субъекта, обвинительные акты ограничены констатацией приговоров, порождающих судимость обвиняемого за ранее совершенные насильственные и корыстно-насильственные преступления. Указанный подход согласуется с практикой вменения составов, включающих преюдициальный признак, отсылающий к конкретному деликту, однако неприемлем при реализации ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, конкретизирующей задействованный виновным способ, подлежащий установлению посредством выявления механизма причинения вреда. Оценив суждения ученых относительно объема преюдициальных преступлений, автор предлагает свои критерии и обосновывает необходимость конкретизации в приговоре действий, признаваемых насилием в ранее совершенном преступлении. Изученная практика отражает вариативность учета криминального опыта при назначении наказания осужденным по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, что было характерно и для реализации ст. 314.1 УК РФ. Проанализировав мнения ученых, оспаривающих обоснованность и игнорирование п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, и применение правил ч. 2 ст. 68 УК РФ без признания рецидива отягчающим обстоятельством, автор отмечает значимость ст. 63 УК РФ лишь для определения направленности судебной пенализации, конкретный механизм которого заложен в ст. 68 УК РФ. Отказ в учете п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ нивелирует значимость соответствующего вида множественности преступлений при назначении наказания.

Ключевые слова: побои; судимость; преступление, совершенное с применением насилия; преюдиция; квалификация; рецидив преступлений; назначение наказания; обстоятельства, отягчающие наказание; обязательное усиление наказания; судебная практика

Для цитирования: Скрипченко Н. Ю. Проблемы реализации уголовной ответственности за побои, нанесенные лицом, имеющим судимость. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 3. С. 102–112. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.102-112

Problems of Implementing Criminal Liability for Battery Committed by a Person with a Criminal Record

Nina Yu. Skripchenko
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Arkhangelsk, Russian Federation

Abstract. An analysis of court decisions objectifies the formal establishment of the prejudicial feature of the offense under Part 2 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. By duplicating the law in terms of defining the subject, the indictments are limited to stating sentences that give rise to the conviction of the accused for previously committed violent and mercenary violent crimes. Consistent with the practice of imputing offenses that include a prejudicial feature referring to a specific tort, this approach is unacceptable when implementing Part 2 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which specifies the method used by the perpetrator, which must be established by identifying the mechanism of harm. Having assessed the opinions of scholars regarding the scope of prejudicial crimes, the author, proposing her own criteria, substantiates the need to specify in the sentence the actions recognized as violence in the previously committed crime. The studied practice reflects the variability in considering criminal experience when sentencing persons convicted

© Скрипченко Н. Ю., 2026

under Part 2 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which was also characteristic of the implementation of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Having analyzed the opinions of scholars challenging the validity of both the disregard of paragraph «a» of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation and the application of the rules of Part 2 of Article 68 of the Criminal Code of the Russian Federation without recognizing recidivism as an aggravating circumstance, the author notes the significance of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation only for determining the direction of judicial penalization, the specific mechanism of which is embedded in Article 68 of the Criminal Code of the Russian Federation. The refusal to consider paragraph «a» of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation nullifies the significance of the corresponding type of multiplicity of crimes when imposing punishment.
Keywords: battery; criminal record; violent crime; prejudice; classification; repeated crime; imposition of punishment; circumstances aggravating punishment; mandatory sentencing enhancement; court practice
Cite as: Skripchenko NYu. Problems of Implementing Criminal Liability for Battery Committed by a Person with a Criminal Record. *Lex russica*. 2026;79(3):102-112. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.102-112

Введение

Верифицировав выявленные в процессе проверки ст. 116.1 УК РФ дефекты регулирования, исключающие уголовное преследование за посягательство на физическую неприкосновенность лиц, наказанных за криминальное насилие, с отступлением от Основного закона[1], Конституционный Суд РФ обременил законодателя редактированием запрета. Устраняя обнаруженное органом конституционного контроля «неоправданное различие между пострадавшими от объективно сходных посягательств на личную неприкосновенность, обусловленное привилегированным положением причинителя вреда, имеющего судимость за насильственные действия, по отношению к нарушителю, наказанному за аналогичные действия в административном порядке», законодатель в июне 2022 г. дополнил[2] статью 116.1 УК РФ частью 2, устанавливающей ответственность за побои, совершенные «лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия».

Отличаясь правовой неопределенностью преступлений, образующих преюдициальный элемент, указанная норма не отвечает правилам юридической техники, предъявляющим к нормативному материалу требования ясности и четкости правовых конструкций[3]. Внесенный же в нижнюю палату парламента проект акта[4],

[1] Поводом для проверки ст. 116.1 УК РФ на соответствие Конституции РФ послужила жалоба Л. Ф. Саковой. Женщина регулярно страдала от побоев брата. Мужчина с интервалом менее года дважды привлекался к юридической ответственности (к административной по ст. 6.1.1 КоАП РФ и уголовной по ст. 115, 116.1, 116.1 УК РФ), что не повлияло на его поведение. Очередной насильственный инцидент со стороны брата послужил поводом для привлечения его к административной, а не уголовной ответственности, несмотря на наличие судимости за насилие, причиненное неоднократно. Пройдя две судебные инстанции, Л. Ф. Сакова подала жалобу в Конституционный Суд РФ, оспаривая соответствие ст. 116.1 УК РФ и ст. 6.1.1 КоАП РФ Основному закону. Обосновывая свои доводы, заявительница указала, что «оспариваемые нормы нарушают право потерпевшей на государственную защиту ее прав, не позволяют в должной мере учесть систематический характер насилия в семье и искусственно снижают общественную опасность таких повторяющихся деяний». См.: постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» // СЗ РФ. 2021. № 16 (ч. III). Ст. 2874.

[2] Федеральный закон от 28.06.2022 № 203-ФЗ «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4604.

[3] Подробнее см.: *Лазарева О. В., Сухова Н. И.* Юридическая техника : учебник. Саратов, 2015 ; *Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И.* Юридическая техника : учебник. М. : Юстицинформ, 2014.

[4] Проект федерального закона от 24.05.2021 № 536-8 «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» предусматривал следующую редакцию ч. 2 статьи 116.1 УК РФ:
«2. Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, и не содержащих при-

содержащий редакцию статьи, конкретизирующей преюдициальные преступления, дифференцированные на насильственные по сути и сопряженные с применением насилия, вызвал у субъектов согласования вопросы в части обоснованности и полноты предложенного перечня составов, а также сомнения в унифицированной реализации предложенной нормы, ставящей в зависимость от усмотрения правоприменителя выявление сопряженности криминального деяния с насилием при определении преюдициального преступления[5].

Поскольку несоразмерность уголовно-правовой охраны права на личную неприкосновенность Конституционный Суд РФ, по сути, увязал с отсутствием запрета посягательств на телесную неприкосновенность, совершаемых лицами, имеющими судимость за аналогичное или более тяжкое по характеру насилие, а означенный способ виновный может задействовать при совершении преступления, законодательная констатация которого не включает указанного объективного признака, нормативный учет которого к тому же чрезвычайно широк, законодатель был вынужден отказаться от формального перечисления преюдициальных преступлений.

Высокий уровень специального рецидива среди лиц, «распускающих руки», определил востребованность ч. 2 ст. 116.1 УК РФ на практике, анализ которой позволяет выявить негативные тенденции и проблемы реализации новой нормы[6].

Основная часть

Анализ сводных отчетов, аккумулируемых Судебным департаментом при Верховном Суде РФ[7], свидетельствует о лидирующей позиции ч. 2 ст. 116.1 УК РФ по объему применения среди норм, предусматривающих уголовную ответственность за побои (см. табл. на с. 105).

Изучение обвинительных актов по делам о преступлениях, предусмотренных частью 2 ст. 116.1 УК РФ, позволяет сделать вывод о формальном подходе органов уголовной юстиции к установлению преюдициального признака указанного состава. В 11,7 % приговоров криминальный опыт подсудимого описан исключительно во вводной части; при этом большинство актов (60 %) конкретизируют решения, влекущие судимость виновного за совокупность совершенных преступлений, либо перечисляют ранее состоявшиеся в отношении подсудимого приговоры, а в описательно-мотивировочной части не конкретизируются акты, влекущие значимую для вменения ч. 2 ст. 116.1 УК РФ судимость.

Дублируя закон в части определения субъекта, подавляющее большинство изученных

знаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 настоящего Кодекса, лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 105, 110, 111, 112, 115–117, 119, 120, 131, 132, 162, 206, 227, 277, 295, 317, 318, 321, 333, 334, 357 настоящего Кодекса, а равно за сопряженные с применением насилия преступления, предусмотренные статьями 126, 127, 127.1, 127.2, 133, 139, 141, 142, 144, 148, 149, 150, 151, 156, 161, 163, 166, 170.1, 178, 179, 185.5, 194, 203, 211, 212, 213, 221, 226, 226.1, 229–230.1, 239, 240, 241, 243.4, 244, 282, 283.1, 286, 296, 302, 309, 313, 322, 330, 335, 356 настоящего Кодекса, наказывается штрафом в размере от сорока до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок».

5 Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 02.09.2021 № 4-ВС-4688/21 на проект федерального закона «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6 Исследование базируется на результатах изучения 300 обвинительных актов, вынесенных судами РФ в 2022–2024 гг. по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частью 2 ст. 116.1 УК РФ. Документы размещены в открытом доступе на сайте «Судебные и нормативные акты РФ». URL: https://sudact.ru (дата обращения: 30.12.2024). Анализу подверглось также 50 решений, принятых судами кассационной и апелляционной инстанций по делам о преступлениях, предусмотренных частью 2 ст. 116.1 УК РФ. Документы размещены в СПС «КонсультантПлюс».

7 Использованы сводные отчеты статистических данных о состоянии судимости за 2021–2023 гг., форма № 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 09.08.2024).

Количество осужденных за побои (2021–2023 гг.)

Годы	Статья 116 УК РФ[8]	Статья 116.1 УК РФ		Всего
		Часть 1	Часть 2[9]	
2023	452	1 612	4 168	6 232
2022	480	1 919	—	2 399
2021	534	1 089	—	1 623

судебных решений (68,3 %) обосновывают преюдициальный элемент посредством констатации приговоров, которыми лицо, обвиняемое в побоях, осуждалось за ранее совершенные разнообразные по характеру и форме криминального воздействия посягательства, среди которых превалируют преступления против личности (ст. 105, 111, 112, 115, 116, 116.1, 117, 119, 131, 132 УК РФ) и против собственности (п. «г» ч. 2 ст. 161, ст. 162, 163 УК РФ). В 20 % решений содержится дополнительное указание на то, что подсудимый заведомо знал об имеющейся судимости «за преступление, совершенное с применением насилия».

Означенный подход согласуется с практикой вменения составов, в которых преюдициальный признак отсылает к конкретному деликту, в силу действующей наказанности за который и образуется специальный субъект. Конкретизируя не состав преступления, порождающий судимость, а способ, задействованный виновным в преступлении, совершенном ранее, законодатель обременил правоохранительные органы установлением факта применения обвиняемым насилия в криминальном деянии, судимость за которое не утратила своего значения. Выявление механизма причинения вреда преступлением, судимость за которое учитывается при определении субъекта состава ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, с одной стороны, исключит необоснованное привлечение к уголовной ответственности лиц, ранее совершивших преступление способом, альтернативным насилию (примером таких преступлений могут быть предусмотренные статьями 131, 132, 162, 163 УК РФ), с другой — обеспечит неотвратимость уголовной ответственности лиц, ранее применивших насилие при совершении преступления, нормативная констатация которого не предусматривает соответствующего способа (например, ч. 1 ст. 126, ч. 1 ст. 127 УК РФ) либо он входит в содержание более широкой дефиниции (например, ст. 156 УК РФ).

Обращая внимание на бесконечно широкий перечень преступлений, заложенный законодателем в преюдициальный элемент анализируемого состава, ученые высказывают разные суждения относительно пределов его толкования по объему. Подчеркивая, что посредством преюдициального признака обеспечивается противодействие возобновляемому противоправному деянию лиц, ранее подвергавшихся государственному порицанию за тождественное либо однородное правонарушение, и критически оценивая решение законодателя определить указанный признак через оборот, позволяющий привлекать к ответственности за побои лиц, имеющих судимость за преступления, не образующие по своей сути требуемой повторности, О. В. Артюшина предлагает ограничительно толковать рассматриваемый признак, относя к преступлениям, совершенным с применением насилия, лишь составы ст. 116, 116.1 и 117 УК РФ, напрямую предусматривающие побои в качестве составообразующего признака[10].

Как отмечает В. П. Куцык, требуемый для признания угроз насилием преступными прямой законодательный запрет исключает отнесение преступлений, совершаемых посредством психического насилия, к числу преюдициальных состава ч. 2 ст. 116.1 УК РФ. К преступле-

[8] Учтены данные об осужденных по ч. 2 ст. 116 УК РФ, норма действовала до частичной декриминализации побоев Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256).

[9] Часть 2 введена Федеральным законом от 28.06.2022 № 203-ФЗ, количество осужденных по этой части нашло отражение в отчете за 2023 г.

[10] *Артюшина О. В.* Судимость за преступление, совершенное с применением насилия, как криминообразующий признак // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2 (52). С. 41.

ниям, совершенным с применением физического насилия, ученый предлагает относить деяния, отвечающие следующим признакам: 1) посягают на жизнь, здоровье или личную неприкосновенность человека как на основной и дополнительный объект уголовно-правовой охраны; 2) характеризуются использованием мускульной силы человека и разнообразных факторов внешней среды; 3) носят умышленный характер[11].

Ссылаясь на дифференцированный подход законодателя к определению преступных деяний посредством терминов «насилие» и «угроза применения насилия», Е. А. Алференок и А. П. Дмитренко предлагают учитывать среди преступлений, влекущих значимую для вменения ч. 2 ст. 116.1 УК РФ судимость, посягательства, различающиеся физическим воздействием на человека, относя к ним деяния, не только посягающие на физическую неприкосновенность, но и оцениваемые на практике как совершенные с применением насилия в силу расширительного толкования данного объективного признака Пленумом Верховного Суда РФ. В частности, признаваемое с подачи высшей судебной инстанции насилием ограничение свободы человека[12] позволяет, по мнению ученых, учитывать в качестве преюдициальных состава ч. 2 ст. 116.1 УК РФ похищение человека, незаконное лишение свободы и преступления, сопряженные с указанными посягательствами, а также действия по введению в организм человека веществ[13], опасных для жизни и здоровья или не представляющих такой опасности, с целью приведения в беспомощное состояние[14].

Разделяя аргументы, приведенные криминалистами в обоснование исключения преступлений, совершаемых посредством угроз применения насилия из числа преюдициальных состава ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, мы критически оцениваем предложенные подходы к определению значимых для вменения указанного состава преступлений, отличающихся физическим насилием.

Ограничительное толкование анализируемого признака вновь актуализирует вопрос об обоснованности привилегированного положения лиц, имеющих судимость за преступление, обладающее большей степенью общественной опасности, чем побои и истязания, например умышленное причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью. Неопределенность объективного признака, предложенного в числе параметров отбора преюдициальных преступлений, снижает практическую значимость предложенных критериев, исключающих однозначный ответ на вопрос о криминоообразующей роли соответствующего деликта.

Расширительное толкование не согласуется с буквой закона, запрещающего посредством преюдициального признака повторное применение не любого насилия, а лишь той его разновидности, которая образует суть побоев, а именно вызывающего физическую боль воздействия на тело человека в форме ударов или иных действий (выкручивание рук, сдавливание частей тела, щипание и т.п.), следствием которых может быть и вред здоровью, и лишение жизни. Закрепив в числе атрибутивных признаков преюдициального преступления способ, законодатель исключил из субъектов состава ч. 2 ст. 116.1 УК РФ лиц, имеющих судимость за посягательства на жизнь и здоровье, совершаемые без насилия, например убийство посредством отключения пациента, находящегося в коме, от жизнеобеспечивающих систем. Установить и конкретизировать в приговоре действия, признаваемые насилием в преступлении, за которое лицо, обвиняемое в побоях,

---

[11] *Куцык В. П.* Судимость за преступление, совершенное с применением насилия, как квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 2 ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 2. С. 45.

[12] Авторы ссылаются на пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (Российская газета. 2002. 18 января. № 9), определяющий «насилие, не опасное для жизни и здоровья», предусмотренное пунктом «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ в качестве квалифицирующего признака состава грабежа.

[13] В обоснование своей позиции авторы ссылаются на абз. 5 п. 23 указанного акта, в котором Пленум Верховного Суда РФ расширительно толкует понятие «нападение», используемое законодателем при определении объективной стороны состава разбоя.

[14] *Алференок Е. А., Дмитренко А. П.* Судимость за преступление, совершенное с применением насилия, как квалифицирующий признак побоев (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ) // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 22.

подвергалось государственному порицанию, можно на основе изучения соответствующего обвинительного акта либо анализа материалов уголовного дела, потребность в чем может возникнуть в случаях:

— описания в приговоре преступного деяния без конкретизации криминальных действий, обусловленного принятием судебного решения в особом порядке (гл. 40 УПК РФ);

— судимости субъекта за покушение на преступление, нормативная констатация которого либо включает соответствующий способ, либо не включает, но вмененная стадия не исключает применения насилия (например, безрезультативное нанесение ударов несовершеннолетнему с целью вовлечь в совершение преступления (ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 150 УК РФ) или нанесение ударов потерпевшему с целью подавить его сопротивление, интенсивность которого предотвратила его похищение (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 126 УК РФ));

— определения роли (исполнитель или соисполнитель) и характера действий обвиняемого в побоях лица в преступлении, совершенном ранее в соучастии;

— выявления содержания действий лица, обвиняемого в побоях, в ранее совершенном преступлении с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (соответствующий признак может быть вменен и в случаях афиширования указанных предметов[15], что образует не насилие, а угрозу применения насилия);

— трансформации уголовного-правового значения способа в результате изменений, внесенных в норму, определяющую преступное деяние, ранее инкриминированное обвиняемому в побоях (например, состав хулиганства предусматривал применение насилия в числе атрибутивных признаков, Закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ[16] исключил указанный признак из диспозиции ст. 213 УК РФ, а Закон от 30.12.2020 № 543-ФЗ[17] восстановил его).

Учет указанных обстоятельств не только исключит необоснованное привлечение к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, но и позитивно отразится на качестве изложения содержания приговоров, обеспечив мотивировку принятого решения в отношении рассматриваемого обстоятельства.

Высокий уровень криминальной активности осужденных по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, четверть которых составляют лица, имеющие три и более судимости, а треть — судимость за ранее совершенное тяжкое или особо тяжкое преступление, актуализирует на практике вопросы учета криминального опыта при назначении наказания.

Характеристика лиц, осужденных по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ в 2023 г.

Всего осуждено — 4 168.
Имели неснятые и непогашенные судимости:
две — 1 062;
три и более — 1 069;
за неосторожное преступление — 2;
за наиболее тяжкое из совершенных преступлений:
особо тяжкое — 594;
тяжкое — 893;
средней тяжести — 438.
Вид установленного рецидива:
простой — 1 259;
опасный — 2;
особо опасный — 1.

Реализация закона в этой части отличается вариативностью. В одних случаях органы уголовной юстиции, установив рецидив в действиях подсудимого, учитывают его в качестве

[15] Например, разъясняя в п. 2 постановления от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1), Пленум Верховного Суда РФ под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, понимает «умышленные действия, направленные на использование лицом в ходе совершаемого хулиганства указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на граждан, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия, предметов, используемых в качестве оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств».

[16] Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

[17] Федеральный закон от 30.12.2020 № 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 82.

обстоятельства, отягчающего наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), не применяя при этом специальные правила назначения наказания, предусмотренные статьей 68 УК РФ, в других — усматривают основания для применения и п. «а» ч. 1 ст. 63, и ч. 2 ст. 68 УК РФ. Значительную часть обвинительных актов составляют решения, в которых рецидив не учитывается в качестве обстоятельства, отягчающего наказания, со ссылкой на запрет двойного учета указанных обстоятельств, предусмотренный частью 2 ст. 63 УК РФ, но наказание суд назначает с учетом ограничений, установленных частью 2 ст. 68 УК РФ, аргументируя решение императивностью указанной нормы.

Разброс в оценке значимости судимости при назначении наказания лицам, осужденным за преступления, состав которых предусматривает судимость в качестве атрибутивного признака, отмечают ученые и по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 УК РФ. Диспозиции ч. 1 и 2 указанной нормы напрямую не закрепляют соответствующий признак в качестве составообразующего, но именно судимость является в силу профильного Закона[18] основанием для установления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, уклонение от которого и запрещается статьей 314.1 УК РФ.

Знаковым для стабилизации судебной практики стало кассационное определение Верховного Суда РФ от 22.09.2020[19], оставившее в силе ранее состоявшиеся обвинительные акты, не учитывающие рецидив преступления в качестве обстоятельства, отягчающего наказание осужденному по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, законность которого не вызвала сомнений и у Президиума Верховного Суда РФ, принявшего 11 декабря 2020 г. решение об отказе в возбуждении надзорного производства[20].

Многочисленные акты, принятые на уровне судов кассационной и апелляционной инстанций, реализующие ч. 2 ст. 68 вне связки с п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ в отношении осужденных по ст. 314.1 УК РФ, послужили ориентиром для назначения наказания лицам, признанным виновными в совершении преступления, предусмотренного частью 2 ст. 116.1 УК РФ, о чем наглядно свидетельствуют сходные доводы, приводимые судами в обоснование решений[21].

Повсеместное внедрение в практику означенного подхода вызывает критические замечания ученых, оспаривающих обоснованность и игнорирование п. «а» ч. 1 ст. 63 и применение правил ч. 2 ст. 68 УК РФ без признания рецидива обстоятельством, отягчающим наказание. Акцентируя внимание на сохранении по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 313, 314 и 321 УК РФ, «классического» подхода, ориентированного на учет судами рецидива в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, несмотря на то что судимость субъекта является обязательным признаком указанных составов, М. Ф. Мингалимова под-

---

[18] В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037) административный надзор устанавливается судом в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость, за совершение: 1) тяжкого или особо тяжкого преступления; 2) преступления при рецидиве преступлений; 3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего; 4) двух и более преступлений, предусмотренных частью 1 ст. 228, ст. 228.3, ч. 1 ст. 231, ч. 1 ст. 234.1 УК РФ.

[19] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.09.2020 по делу № 91-УДП20-3-К3 // СПС «КонсультантПлюс».

[20] Электронная справочная Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/cases/108859278 (дата обращения: 30.09.2024).

[21] Мотивируя коррективы, вносимые в приговоры нижестоящих судов, в части назначения осужденным по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ наказания, вышестоящие суды указывают: «…при назначении осужденному наказания судом первой инстанции не учтено, что, несмотря на непризнание отягчающего наказание обстоятельства, сам по себе рецидив преступлений, без придания ему признака, отягчающего наказание обстоятельства, присутствует в действиях осужденного, что обязывает суд применить при назначении наказания правила ч. 2 ст. 68 УК РФ». См.: Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2023 год, утв. Президиумом Красноярского краевого суда 14 февраля 2024 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Распространена и такая аргументация: «…то обстоятельство, что субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, может быть только лицо, имеющее судимость за преступление, совершен-

черкивает, что непризнание рецидива отягчающим обстоятельством влечет игнорирование значимости существенного возрастания общественной опасности личности виновного, заложенного в основу формализации влияния рецидива на строгость наказания. Непризнание рецидива отягчающим наказание обстоятельством по делам о преступлениях, предусматривающих судимость субъекта в числе атрибутивных признаков, пишет криминалист, открывает для суда возможность применения к раскаявшимся рецидивистам льготных правил назначения наказания, предусмотренных частью 1 ст. 62 УК РФ, по сути, заблокированных законодателем для данной категории лиц условием отсутствия отягчающих обстоятельств[22].

Составообразующее значение судимости не препятствует, по мнению А. С. Климова и С. Н. Хорьякова, ее учету при назначении наказания посредством применения п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в качестве исключения представители научного сообщества приводят составы, в которых судимость субъекта влечет более строгое наказание, будучи учтенной законодателем при определении особо квалифицированного состава. Примером являются преступления против половой неприкосновенности[23].

Усматривая необоснованно широкое толкование закона в случаях назначения судами наказания по правилам ч. 2 ст. 68 без применения п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, О. М. Калинина отмечает прямую зависимость действия специальных правил усиления наказания от признания рецидива обстоятельством, отягчающим наказание. Криминообразующее значение рецидива преступления для составов ст. 314.1 УК РФ исключает, по мнению ученого, применение и п. «а» ч. 1 ст. 63, и ч. 2 ст. 68 УК РФ. В противном случае возникает вопрос о необходимости альтернативных санкций нормы, запрещающей уклонение от административного надзора, так как часть 2 ст. 68 устанавливает не только минимальную границу наказания, но и вид последнего — самый строгий из числа наказаний, предусмотренных санкцией[24]. На последовательный характер применения п. «а» ч. 1 ст. 63 и ст. 68 УК РФ обращает внимание и Л. В. Иногамова-Хегай: означенный подход реализации закона исключает, по мнению криминалиста, конкуренцию указанных норм и двойной учет рецидива[25].

Определив как уголовно-правовую фикцию и критически оценивая действующий механизм, допускающий назначение осужденным по ст. 314.1 УК РФ наказания в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 68 УК РФ без установления рецидива в качестве отягчающего обстоятельства, Д. Ю. Ким исключает иную реализацию закона при определении мер государственного принуждения в отношении лиц, уклоняющихся от административного надзора[26].

Разделяя аргументы, обосновывающие недопустимость учета судимости, опосредованного применением п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ,

---

ное с применением насилия, не исключает применение положений ст. 68 УК РФ, носящих императивный характер». См.: кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2024 по делу № 77-241/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

В отдельных решениях приводятся следующие данные: «…непризнание имеющегося в действиях Ж. рецидива преступлений в качестве отягчающего наказание обстоятельства при назначении наказания по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ не исключает применения в отношении осужденного иных уголовно-правовых последствий рецидива преступлений, в частности ч. 2 ст. 68 УК РФ, предусматривающей назначение наказания не менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение преступления, которым в данном случае является ограничение свободы». См.: кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12.09.2023 по делу № 77-1943/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

22 *Мингалимова М. Ф.* Новый подход к назначению наказания за преступление, предусмотренное ст. 314.1 УК РФ // Уголовное право. 2021. № 7. С. 38.

23 *Климов А. С., Хорьяков С. Н.* Особенности установления рецидива преступлений и его правовые последствия по действующему уголовному законодательству // Мировой судья. 2018. № 9. С. 23.

24 *Калинина О. М.* Проблемы назначения наказания по ст. 314.1 УК РФ // Уголовное право. 2024. № 3. С. 28–29.

25 *Иногамова-Хегай Л. В.* Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2015. С. 148.

26 *Ким Д. Ю.* Особенности квалификации деяния и назначения наказания при совершении преступлений, предусмотренных ст. 314.1 УК // Законность. 2022. № 5. С. 39.

при назначении наказания лицам, предшествующая преступная деятельность которых определила привлечение к уголовной ответственности, следует отметить, что, в отличие от криминальных действий, запрещенных статьей 314.1 УК РФ, безусловно образующих рецидив преступлений, деяния, охватываемые частью 2 ст. 116.1 УК РФ, далеко не во всех случаях образуют указанный вид множественности.

Ограничения, установленные частью 4 ст. 18 УК РФ, исключают рецидив в действиях лица, привлекаемого к ответственности за побои, если виновный имеет судимость за преступление небольшой тяжести, либо совершенное в возрасте до 18 лет, либо такое, за которое наказание назначалось условно или не приводилось в исполнение в силу решения суда об отсрочке и со стороны осужденного не было нарушений, потребовавших направления его в места лишения свободы для реального исполнения назначенного наказания.

Применение правил ч. 2 ст. 68 УК РФ при назначении наказания осужденным по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ привлекает возможностью обеспечить дифференцированный подход, учитывающий тяжесть ранее совершенного подсудимым преступления, так как не каждая судимость виновного будет образовывать рецидив. Однако реализация ст. 68 без указания в приговоре п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ влечет, на наш взгляд, расширительное толкование закона, что недопустимо в отношении норм, определяющих интенсификацию репрессивных мер.

Устанавливая роль рецидива в судебной пенализации, статья 63 УК РФ определяет лишь вектор его влияния на наказание, сам механизм усиления наказания при рецидиве, ограничивающий усмотрение суда в определении вида и размера наказания, закреплен в ст. 68 УК РФ. Полагаем, что отказ в учете п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ нивелирует значимость соответствующего вида множественности преступлений в судебной пенализации.

Решая вопрос допустимости применения правил ч. 2 ст. 68 УК РФ в отношении осужденных по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, следует учитывать, что лицо, признанное виновным в нанесении побоев, может иметь судимость и за совершение преступления, не входящего в число преюдициальных для данного состава. Самостоятельность исчисления сроков судимости по каждому преступлению, установленному вступившим в силу приговором суда, позволяет дифференцировать судимости, учитывая незначимые для вменения состава ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, при выявлении рецидива, определяющего исключение альтернативы наказаний и повышение нижней границы.

Не исключен, на наш взгляд, дифференцированный подход к учету судимостей виновного в двух и более преступлениях, ранее совершенных с применением насилия. Поскольку интенсификация противоправной деятельности сигнализирует об устойчивости криминальных установок субъекта, она должна учитываться при применении мер уголовно-правового характера. Дифференцированный подход к оценке судимостей виновного не влечет отступления от принципов справедливости и законности, обеспечивая при этом и неотвратимость ответственности за посягательства на физическую неприкосновенность, и учет криминальной активности нарушителя при применении мер государственного принуждения.

Заключение

Практическая востребованность ч. 2 ст. 116.1 УК РФ объективизирует формальное установление органами уголовной юстиции преюдициального признака указанного состава. Дублируя закон в части определения субъекта, описательно-мотивировочная часть обвинительных актов ограничена констатацией состоявшихся приговоров, порождающих судимость обвиняемого в побоях лица за ранее совершенные разнообразные по характеру и форме криминального воздействия насильственные и корыстно-насильственные посягательства.

Указанный подход согласуется с практикой вменения составов, включающих преюдициальный признак, отсылающий к конкретному деликту, действующая наказанность за который приводит к образованию специального субъекта, но он неприемлем при реализации ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, конкретизирующей не преступление, а способ, задействованный виновным и подлежащий установлению посредством выявления механизма причинения вреда.

Оценив суждения ученых относительно объема преюдициальных преступлений, автор обосновывает необходимость конкретизации в приговоре действий, признаваемых насилием в ранее совершенном преступлении. Приводятся обстоятельства, определяющие необходимость

анализа материалов уголовного дела, приговор по которому порождает значимую для состава ч. 2 ст. 116.1 УК РФ судимость.

В работе отмечается вариативность учета криминального опыта при назначении наказания осужденным по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ. Одни суды, установив рецидив в действиях подсудимого, учитывают его в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), не применяя при этом специальные правила назначения наказания, предусмотренные статьей 68 УК РФ, другие усматривают основания для применения и п. «а» ч. 1 ст. 63, и ч. 2 ст. 68 УК РФ, третьи не учитывают рецидив в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, ссылаясь на запрет двойного учета данных обстоятельств, но наказание назначают с учетом ограничений, установленных частью 2 ст. 68 УК РФ, аргументируя решение императивностью указанной нормы.

Отмечая сходный разброс в оценке значимости судимости при назначении наказания лицам, осужденным по ст. 314.1 УК РФ, автор акцентирует внимание на знаковом для унификации судебной практики решении Верховного Суда РФ, оставившем в силе ранее состоявшиеся обвинительные акты, не учитывающие рецидив в качестве обстоятельства, отягчающего наказание осужденному по ч. 2 этой статьи.

Проанализировав мнения ученых, оспаривающих обоснованность и игнорирование п. «а» ч. 1 ст. 63 и применение правил ч. 2 ст. 68 УК РФ без признания рецидива отягчающим обстоятельством, автор отмечает значимость ст. 63 лишь для определения направленности судебной пенализации, конкретный механизм которого заложен в ст. 68. Отказ в учете п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ нивелирует значимость соответствующего вида множественности преступлений при определении меры государственного принуждения.

Самостоятельность исчисления сроков судимости по каждому преступлению, установленному вступившим в силу приговором суда, позволяет дифференцировать судимости, учитывая незначимые для вменения состава ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, при определении рецидива, влекущего более строгое наказание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алференок Е. А., *Дмитренко А. П.* Судимость за преступление, совершенное с применением насилия, как квалифицирующий признак побоев (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ) // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 20–23.

Артюшина О. В. Судимость за преступление, совершенное с применением насилия, как криминообразующий признак // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2 (52). С. 36–43.

Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2015. 288 с.

Калинина О. М. Проблемы назначения наказания по ст. 314.1 УК РФ // Уголовное право. 2024. № 3. С. 26–33.

Ким Д. Ю. Особенности квалификации деяния и назначения наказания при совершении преступлений, предусмотренных ст. 314.1 УК // Законность. 2022. № 5. С. 37–41.

Климов А. С., *Хорьяков С. Н.* Особенности установления рецидива преступлений и его правовые последствия по действующему уголовному законодательству // Мировой судья. 2018. № 9. С. 20–26.

Краснов Ю. К., *Надвикова В. В.*, *Шкатулла В. И.* Юридическая техника : учебник. М. : Юстицинформ, 2014.

Куцык В. П. Судимость за преступление, совершенное с применением насилия, как квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 2 ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 2. С. 44–47.

Лазарева О. В., *Сухова Н. И.* Юридическая техника : учебник. Саратов, 2015. 316 с.

Мингалимова М. Ф. Новый подход к назначению наказания за преступление, предусмотренное ст. 314.1 УК РФ // Уголовное право. 2021. № 7. С. 34–41.

REFERENCES

Alferenok EA, Dmitrenko AP. Conviction for a crime committed with the use of violence as a classifying element of battery (part 2 of art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2022;6:20-23. (In Russ.).

Artyushina OV. A criminal record for a crime committed with the use of violence as a criminalizing sign. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia].* 2023;14(2):36-43. (In Russ.).

Inogamova-Khegay LV. The conceptual foundations of the competition of criminal law norms: A monograph. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2015. (In Russ.).

Kalinina OM. Problems of sentencing under Article 3141 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2024;3:26-33. (In Russ.).

Kim DYu. Features of the classification of the act and the appointment of punishment in the commission of crimes provided for in art. 314.1 of the Criminal Code. *Zakonnost*. 2022;5:37-41. (In Russ.).

Klimov AS, Kharkov SN. Features of the establishment of recidivism of crimes and its legal consequences under the current criminal legislation. *Mirovoy sudya [Magistrate Judge]*. 2018;9:20-26. (In Russ.).

Krasnov YuK, Nadvikova VV, Shkatulla VI. Legal writing: A textbook. Moscow: Yusticinform Publ.; 2014. (In Russ.).

Kutsyk VP. Conviction for a crime committed with the use of violence as a classifying element provided for in Part 2 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2024;2:44-47. (In Russ.).

Lazareva OV, Sukhova NI. Legal writing. A textbook. Saratov; 2015. (In Russ.).

Mingalimova MF. A new approach to sentencing for a crime under Article 3141 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2021;7:34-41. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
д. 17, Северной Двины наб., г. Архангельск 163002, Российская Федерация
n.skripchenko@narfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nina Yu. Skripchenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation
n.skripchenko@narfu.ru

Материал поступил в редакцию 18 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 19 января 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 18.01.2025.
Revised 19.01.2025.
Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.113-121

Т. Н. Иванова
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Инновационный научно-технологический центр МГУ «Воробьевы горы»
г. Москва, Российская Федерация

Определение круга субъектов ответственности за вред, причиненный высокоавтоматизированным транспортным средством

Резюме. Статья посвящена определению круга субъектов ответственности за вред, причиненный высокоавтоматизированными транспортными средствами (ВАТС), в условиях стремительного развития автономных технологий. Автор анализирует ключевые аспекты гражданско-правовой, деликтной и административной ответственности, возникающей в связи с эксплуатацией ВАТС, уделяя особое внимание технологической специфике, которая усложняет традиционные механизмы установления вины и причинно-следственной связи. Рассматривается эволюция нормативного регулирования в России, включая экспериментальные правовые режимы и проект федерального закона о ВАТС. Обосновывается необходимость расширения круга субъектов ответственности за счет включения не только владельца и производителя, но и разработчиков программного обеспечения, поставщиков цифровой инфраструктуры и операторов связи. Особый акцент сделан на дифференциации ответственности в зависимости от уровня автоматизации (по классификации SAE), где для четвертого и пятого уровней предлагается особый механизм распределения ответственности. Автор исследует альтернативные модели, такие как солидарная ответственность и создание компенсационного фонда, подчеркивая необходимость сохранения баланса между защитой прав потерпевших и стимулированием технологического прогресса. В заключение делается вывод о недостаточной адаптации законодательства к особенностям ВАТС и предлагаются пути его совершенствования.

Ключевые слова: высокоавтоматизированное транспортное средство; ответственность; программное обеспечение; инфраструктура; повышенная опасность; экспериментальный правовой режим; цифровая среда

Для цитирования: Иванова Т. Н. Определение круга субъектов ответственности за вред, причиненный высокоавтоматизированным транспортным средством. *Lex russica.* 2026. Т. 79. № 3. С. 113–121. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.113-121

Determining the Range of Persons Liable for Harm Caused by a Highly Automated Vehicle

Tatiana N. Ivanova
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vorobyovy Gory Innovative Scientific and Technological Center of Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to determining the range of persons liable for harm caused by highly automated vehicles (HAVs) in the context of the rapid development of autonomous technologies. The author analyzes key aspects of civil, tort, and administrative liability arising in connection with the operation of HAVs, paying special attention to the technological specifics that complicate traditional mechanisms for establishing guilt and causation. The paper examines the evolution of statutory regulation in Russia, including experimental legal regimes and the draft federal law on HAVs. The necessity of expanding the range of liable persons by including not only the owner and manufacturer, but also software developers, digital infrastructure providers and telecom

© Иванова Т. Н., 2026

operators is substantiated. Special emphasis is given to the differentiation of responsibility depending on the level of automation (according to the SAE classification), where a special mechanism for allocating responsibility is proposed for levels 4-5. The author also explores alternative models such as joint liability and the creation of a compensation fund, emphasizing the need for a balance between protecting the rights of victims and stimulating technological progress. In conclusion, it is determined that the legislation is insufficiently adapted to the specifics of HAVs, and ways to improve it are proposed.

Keywords: highly automated vehicle; liability; software; infrastructure; increased danger; experimental legal regime; digital environment

Cite as: Ivanova TN. Determining the Range of Persons Liable for Harm Caused by a Highly Automated Vehicle. *Lex russica*. 2026;79(3):113-121. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.113-121

Введение

Автоматизация управления и движения характерна для всех видов транспорта, но наиболее известная и освещаемая область применения искусственного интеллекта — автомобильный транспорт. В России давно ведутся разработки в сфере беспилотных автомобилей. Например, еще в конце 2020 г. НПО «СтарЛайн» объявило о прохождении сертификации разработанного им автоматизированного автотранспортного средства путем проведения государственных дорожных испытаний. Это позволило бы компании начать тестирование беспилотника на дорогах общего пользования[1]. Вместе с тем множество правовых проблем и отсутствие приспособленной инфраструктуры отталкивает некоторые крупные коммерческие компании от продолжения деятельности в этой области. По этой причине разработка автопилотов для автомобилей с 2021 г. не является приоритетной сферой компании Cognitive Pilot, созданного объединением Cognitive Technologies и ПАО «Сбербанк» разработчика искусственного интеллекта. Теперь основными направлениями деятельности этой компании стали автоматизация сельскохозяйственной техники, рельсового транспорта, формирование инфраструктуры «умного города». Изменение приоритетов было вызвано в том числе отсутствием достаточных научных разработок и правового регулирования в этой области, которые позволили бы участникам рынка в дальнейшем создавать продукты в уверенности, что их внедрение и практическое применение не будет приостановлено или вовсе невозможно в связи с материализацией юридических рисков[2].

На текущий момент существуют единичные успешно реализованные проекты в данной сфере. Так, летом 2023 г. осуществлен запуск движения шести грузовиков ПАО «КАМАЗ» и трех грузовиков ООО «СберАвтоТех» и начата регулярная коммерческая перевозка грузов по автодороге М-11 «Нева»[3].

Основная часть

Пожалуй, одним из наиболее проблематичных вопросов в рассматриваемой сфере является определение порядка привлечения к ответственности за вред, причиненный с участием высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС). Это актуально по нескольким причинам. Во-первых, технологии всё еще разработаны недостаточно, а значит, причинение вреда с участием подобных транспортных средств в процессе их эксплуатации неизбежно[4]. Во-вторых, зная заранее порядок распределения ответственности за причиненный высокоавтоматизированными транспортными

[1] Беспилотный автомобиль Starline // Сайт НПО «СтарЛайн». URL: https://smartcar.starline.ru/ (дата обращения: 03.07.2025).

[2] СП Сбербанка заморозило проект создания беспилотных автомобилей // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/02/09/857334-cognitive-pilot (дата обращения: 03.07.2025).

[3] Бесплатный проезд для беспилотных грузовиков по трассе М-11 ввели до конца 2024 года // Информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/20045703 (дата обращения: 03.07.2025).

[4] Collision Between a Car Operating With Automated Vehicle Control Systems and a Tractor-Semitrailer Truck // URL: https://www.ntsb.gov/investigations/Pages/HWY16FH018.aspx (дата обращения: 03.07.2025) ; Exclusive: Tempe police chief says early probe shows no fault by Uber // San Francisco Chronicle. URL: https://www.sfchronicle.com/business/article/Exclusive-Tempe-police-chief-says-early-probe-12765481.php (дата обращения: 03.07.2025).

средствами вред, компании могут строить реалистичные бизнес-модели дальнейшей разработки технологий, что позволяет не останавливаться прогрессу. Напротив, непредсказуемость в правовом регулировании деятельности с использованием технически сложных устройств может затормозить или вовсе остановить технологический процесс.

В статье мы предлагаем обратиться к проблеме определения круга субъектов ответственности за вред, причиненный с участием ВАТС, и порядка привлечения их к ответственности.

Проблемы ответственности за вред, причиненный высокоавтоматизированным транспортным средством, получили достаточное освещение в научной литературе. В частности, ими занимались Е. В. Вавилин[5], А. И. Чучаев и С. В. Маликов[6], Ю. В. Грачева и А. И. Коробеев[7], И. Р. Бегишев[8], В. В. Юдкина[9] и др. Вместе с тем, несмотря на достаточное количество научных работ, в них нет унифицированного подхода к порядку определения круга субъектов ответственности, что делает повторное обращение к этому вопросу актуальным.

Кратко представим эволюцию российского регулирования деятельности с использованием подобных транспортных средств. Первые подзаконные нормативные акты в части регулирования ВАТС были приняты Правительством РФ в 2018 г. Речь идет о распоряжении, утвердившем план мероприятий по начальным шагам их внедрения[10], и постановлении, которым был запущен эксперимент по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования ВАТС[11].

Постановление Правительства России от 25.11.2018 № 1415 ввело в оборот термин «высокоавтоматизированное транспортное средство», под которым понимается транспортное средство, выпущенное в обращение на территории ЕАЭС, допущенное к участию в дорожном движении на территории РФ, в конструкцию которого внесены изменения, связанные с его оснащением автоматизированной системой вождения, и не подлежащее отчуждению в период проведения эксперимента.

Позднее было принято еще одно постановление Правительства, которым установлен специальный экспериментальный правовой режим[12]. В нем уточнили понятие высокоавтоматизированного транспортного средства и ввели две категории ВАТС:

а) первая категория — движение ВАТС с водителем-испытателем;

б) вторая категория — движение ВАТС при удаленных маршрутизации и диспетчеризации со стороны оператора.

Как будет продемонстрировано далее, позднее такой подход был изменен, было выделено пять уровней автоматизации ВАТС.

---

5 *Вавилин Е. В.* Ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством // Хозяйство и право. 2023. № 10. С. 3–12.

6 *Чучаев А. И., Маликов С. В.* Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортным средством: состояние и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 117–124.

7 *Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Маликов С. В., Чучаев А. И.* Высокоавтоматизированные транспортные средства: угрозы информационной системе безопасности и правовая ответственность // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 3–9.

8 *Бегишев И. Р.* Правовое регулирование беспилотных транспортных средств // Транспортное право. 2021. № 3. С. 7–10.

9 *Юдкина В. В.* Высокоавтоматизированные транспортные средства как субъект общественной безопасности // Административное право и процесс. 2022. № 10. С. 49–53.

10 Распоряжение Правительства РФ от 29.03.2018 № 535-р «Об утверждении плана мероприятий ("дорожная карта") по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению "Автонет"» // СЗ РФ. 2018. № 16 (ч. II). Ст. 2393.

11 Постановление Правительства РФ от 25.11.2018 № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. VI). Ст. 7619.

12 Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1817.

Отсутствие единообразного подхода к терминологии является системной проблемой цифрового права. Исследуя регулирование платформенной экономики, А. В. Габов и С. П. Саяпин констатируют: «Основная проблема отечественного законодательства применительно к регулированию платформенных отношений — это отсутствие ясности касательно понятия “платформа” (“цифровая платформа”)»[13]. Множественность определений создает правовую неопределенность. Сходная ситуация наблюдается и с понятием ВАТС.

Опираясь на рассмотренные документы, возможно определить отличительные признаки ВАТС по сравнению с классическим транспортным средством:

1) человек, осуществляющий движение или контроль за движением, обязателен. Им может быть водитель, водитель-испытатель или оператор;

2) наличие автоматизированной системы управления движением, обеспечивающей управление транспортным средством без физического воздействия со стороны человека;

3) наличие возможности движения в автоматизированном режиме управления с помощью автоматизированной системы.

Таким образом, ключевая особенность ВАТС — способность передвигаться в автоматизированном режиме благодаря наличию специализированной системы управления. Именно она определяет необходимость анализа с точки зрения возможного влияния на круг общественных отношений правоотношений, возникающих при ее использовании, по сравнению с традиционными транспортными средствами.

Техническое усложнение транспортного средства неизбежно влечет расширение круга субъектов общественных отношений и правоотношений, вовлеченных в процесс обслуживания и эксплуатации ВАТС. К числу таких субъектов — участников процесса относятся поставщики программного обеспечения и исполнители сопутствующих услуг, например предоставления лицензий, обслуживания, технической поддержки и обновлений программного обеспечения, необходимого для функционирования автоматизированной системы.

У операторов и водителей-испытателей ВАТС может возникнуть необходимость в прохождении соответствующего обучения, которое будет включать в себя как штатные действия по взаимодействию с системой управления, так и нештатные в рамках аварийных или предаварийных ситуаций.

Ключевой вопрос правового регулирования ВАТС — определение субъекта ответственности при причинении вреда в результате автономной работы системы. Е. В. Вавилин обоснованно указывает на необходимость пересмотра традиционных подходов, выявляет такие проблемные поля, как определение субъектного состава отношений, связанных с использованием ВАТС, выработка механизма страхования ответственности за деятельность ВАТС, что требует разработки принципиально новых правовых конструкций[14].

В настоящее время в юридической науке активно обсуждается проблема множественности субъектов ответственности за ущерб, причиненный эксплуатацией ВАТС[15]. Это обусловлено тем, что ответственность за происшествия с ВАТС может быть возложена на широкий круг субъектов, вовлеченных в процесс производства и эксплуатации в силу специфики подобных транспортных средств.

Вопрос о том, кто должен признаваться субъектом ответственности за вред, причиненный с участием ВАТС, не остался и вне внимания законодателя. В 2021 г. Министерством транспорта РФ был впервые опубликован, а в 2022 г. представлен уже обновленный вариант проекта федерального закона «О высокоавтоматизированных и полностью автоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[16]. Дальнейшее развитие зако-

---

[13] *Габов А. В., Саяпин С. П.* Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex russica (Русский закон). 2025. № 11. С. 29.

[14] Транспортное право в условиях цифровой трансформации: беспилотные транспортные средства, цифровизация оборота, электронный коносамент, интеллектуальные транспортные системы : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2025. С. 53.

[15] *Демьяненко И. М.*, *Жевняк О. В.* Проблемы гражданско-правовой ответственности при причинении вреда беспилотными транспортными средствами // Весенние дни науки ИнЭУ : сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 2024. С. 1336–1339.

[16] Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=116763 (дата обращения: 03.07.2025).

нопроекта происходило в рамках экспертного отраслевого сообщества и было представлено, например, на заседании рабочей группы в сфере безопасности дорожного движения при подкомиссии по совершенствованию контрольных (надзорных) и разрешительных функций федеральных органов исполнительной власти при Правительственной комиссии по проведению административной реформы[17] без внесения в Государственную Думу РФ. Законопроект учитывал полученные замечания к предыдущим версиям и накопленный опыт эксплуатации ВАТС в рамках экспериментального правового режима и был направлен на создание правовой базы для использования беспилотных автомобилей и их безопасного вождения.

Согласно положениям данного законопроекта каждое высокоавтоматизированное транспортное средство должно быть оснащено бортовым регистратором событий (так называемым черным ящиком), который будет непрерывно записывать ключевые параметры работы автомобиля, а также системой «ЭРА-ГЛОНАСС» для автоматического оповещения в случае экстренной ситуации. Помимо этого, все беспилотные транспортные средства должны быть зарегистрированы в Госавтоинспекции и иметь обязательное страхование ОСАГО. Однако предлагаемый проект федерального закона не определяет порядок привлечения к ответственности лиц, виновных в причинении вреда высокоавтоматизированным транспортным средством.

Несмотря на то что, как мы указали ранее, технологическая сложность ВАТС подразумевает расширение круга субъекта правоотношений, в том числе за счет поставщиков и разработчиков программного обеспечения, субъектом гражданско-правовой ответственности за ДТП с участием ВАТС признается владелец транспортного средства.

В законопроекте указано, что он сможет доказать свою невиновность, если представит доказательства, что авария произошла из-за непреодолимой силы или действий самого пострадавшего. При этом законопроект предусматривает возможность перераспределения ответственности на других участников правоотношений. Если авария была вызвана конструктивными недостатками автомобиля или его системы управления, ответственным будет признан производитель. Если причиной станет некачественный диспетчерский контроль, виновным будет признан диспетчер, который обязан дистанционно следить за состоянием автомобиля и отключать автопилот в случае необходимости. Если же причиной аварии станет ненадлежащее техническое обслуживание, ответственность будет возложена на дилера, предоставившего услуги.

Фактически эта конструкция остается в рамках действующего положения ст. 1079 ГК РФ, согласно которой использование транспортных средств относится к числу тех видов деятельности, которые связаны с повышенной опасностью для окружающих. Это означает, что вред, причиненный в процессе такой деятельности, возмещается независимо от вины лица, которое его причинило.

Возникает вопрос, является ли деятельность по эксплуатации ВАТС связанной с повышенной опасностью для окружающих. По нашему мнению, на него следует ответить утвердительно.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что вред, причиненный источником повышенной опасности, считается результатом действия или проявления его вредоносных свойств[18]. Ключевыми факторами, подтверждающими, что деятельность может быть признана опасной, признаются сложность контроля за этой деятельностью и высокая степень вредоносности действий или технологий, которые в ней участвуют.

В научной литературе сложилось единое мнение о том, что ВАТС относится к источникам повышенной опасности. Например, Е. А. Березина отмечает, что деятельность с использованием ВАТС предполагает высокую вероятность причинения ущерба окружающим, что объясняется как его физическими параметрами, так и особенностями функционирования. Автор обращает внимание и на повышенную вредоносность таких автомобилей, обусловленную возможными сбоями в работе программного обеспечения или сенсорных систем. Особое внимание Е. А. Березина уделяет ограниченности или отсутствию

[17] Ответят ли роботы за ДТП // Коммерсантъ. 2024. 5 февраля. № 20/П. С. 1. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6493016 (дата обращения: 03.07.2025).

[18] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. 2010. 5 февраля. № 24.

полного человеческого контроля над ВАТС, что усиливает риск возникновения аварийных ситуаций из-за недостаточной способности машины к самостоятельному адаптивному реагированию на сложные дорожные условия[19].

Таким образом, конструктивные особенности ВАТС неизбежно приводят к необходимости расширения круга субъектов ответственности за вред, причиненный ВАТС.

На данном этапе технологического развития в число субъектов ответственности за вред, причиненный ВАТС, должны быть включены как минимум разработчик и поставщик программного обеспечения, а также поставщик инфраструктуры.

С технологической точки зрения включение разработчика и поставщика программного обеспечения, а также поставщика инфраструктуры в круг потенциально ответственных лиц за вред, причиненный ВАТС, представляется нам обоснованным, поскольку его функционирование определяется не только аппаратной конфигурацией транспортного средства, но и совокупностью интегрированных в него цифровых компонентов. В условиях, когда управление движением реализуется посредством машинных алгоритмов, включая нейросетевые модели, системы восприятия, принятия решений и координации с дорожной инфраструктурой, именно программное обеспечение выступает ключевым элементом безопасности использования транспортной системы.

Разработчик и поставщик программного обеспечения формирует алгоритмическую логику поведения ВАТС, включая обработку нестандартных дорожных ситуаций, реализацию маршрутов, идентификацию препятствий и выполнение требований дорожных правил. Ошибки в архитектуре программного обеспечения (в том числе в части распознавания образов, планирования траектории и т.д.) могут привести к прямому причинению вреда, при этом они не связаны с дефектом аппаратной платформы. Поэтому ответственность за такие последствия не может быть возложена исключительно на владельца транспортного средства или его производителя.

Аналогичным образом поставщик инфраструктуры (в том числе цифровой дорожной инфраструктуры) влияет на поведение ВАТС через предоставление и поддержку систем связи, навигации и разметки, обеспечивающих корректную ориентацию транспортного средства в пространстве. Недостатки в передаче данных, сбои в инфраструктурных сенсорах или нарушение координации в системах взаимодействия могут создавать ложные сигналы или препятствовать своевременному реагированию ВАТС на опасность. Ввиду этого поставщик инфраструктурного компонента должен рассматриваться как субъект ответственности за вред, причиненный ВАТС, в случае наличия причинно-следственной связи между ненадлежащим исполнением поставщиком инфраструктуры своих обязательств и причинением вреда.

Однако следует оговориться, что перечень предполагаемых субъектов ответственности не является исчерпывающим. Развитие технологии позволило классифицировать транспортные средства в зависимости от уровня автоматизации, что также делает необходимым дальнейшее научное осмысление вопроса о том, как должно происходить распределение ответственности в случае причинения вреда с участием ВАТС различных уровней автоматизации.

Одной из самых распространенных и признанных классификаций, используемых как в России, так и за рубежом, является международный стандарт J3016, предложенный в 2014 г. Международным обществом автомобильных инженеров (Society of Automotive Engineers International, SAE)[20]. Этот стандарт охватывает несколько уровней автоматизации, начиная с полного отсутствия автоматизации (уровень 0) и заканчивая полнейшей автономностью (уровень 5). В России аналогичный перечень введен Концепцией обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования[21]. Уровни классификации

[19] *Березина Е. А.* Проблемы правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3 (69). С. 41–55.

[20] J3016 Taxonomy and Definitions for Terms Related to On-Road Motor Vehicle Automated Driving Systems // SAE International. 2014. Vol. 4970. Iss. 724. P. 1–12.

[21] Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // СПС «КонсультантПлюс».

основаны на степени автоматизации ключевых процессов управления транспортным средством и зависимости от необходимости вмешательства человека в различных ситуациях. Классификация имеет следующий вид:

Уровень 0. Полное отсутствие автоматизации; все задачи управления транспортным средством выполняет исключительно человек.

Уровень 1. В транспортном средстве присутствуют отдельные элементы, облегчающие вождение, такие как круиз-контроль, система помощи при парковке или индикатор занятости полосы. Эти функции не делают транспортное средство автономным.

Уровень 2. Автомобиль способен некоторое время двигаться самостоятельно, но требует постоянного контроля со стороны водителя. Система еще не является достаточно надежной, и водитель должен быть готов вмешаться в любой момент.

Уровень 3. Водитель обязан оставаться в готовности взять управление, но только по запросу системы автоматизации, которая может управлять автомобилем в ограниченных условиях, например на длинных прямых участках дороги.

Уровень 4. Транспортное средство двигается автономно, без участия водителя, но только при наличии соответствующей инфраструктуры и в определенных условиях, например, когда отсутствуют сложные погодные или дорожные обстоятельства.

Уровень 5. Полная автономность, автомобиль способен передвигаться самостоятельно (без участия человека) в любых дорожных условиях.

Особое внимание следует уделить тому, что система управления движением участвует в управлении транспортным средством уже на третьем уровне. Но на этом уровне всё равно требуется, чтобы водитель был готов взять управление на себя при необходимости. Переход к состоянию минимального риска возможен, только если управление будет передано от системы водителю.

Таким образом, мы считаем, что механизм распределения ответственности за ущерб, причиненный высокоавтоматизированным транспортным средством, должен применяться только на четвертом и пятом уровнях автоматизации, так как они предполагают полную автономность и освобождение от необходимости участия водителя. Все уровни автоматизации ниже третьего будут продолжать требовать участия водителя в управлении транспортным средством, и, соответственно, привлечение к ответственности за вред, причиненный в процессе эксплуатации такого транспортного средства, должно происходить в рамках действующего законодательного подхода без учета автоматизации.

Такой подход уже применен во Франции, где юридическая ответственность за управление ВАТС (уровни 3–5 автоматизации) исключает привлечение водителя к уголовной ответственности за правонарушения, если управление осуществляет автоматизированная система. Однако водитель становится ответственным в следующих случаях: если он берет управление на себя, не реагирует на запрос системы об этом или игнорирует указания правоохранительных органов[22].

Следует отметить, что термин «высокоавтоматизированное транспортное средство», используемый в Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования, отличается от используемого в Постановлении Правительства РФ от 25.11.2018 № 1415 и применим только к уровням автоматизации не выше четвертого. Для пятого уровня автоматизации предусмотрен термин «полностью автоматизированное транспортное средство». Подобная детализация оправданна в том числе и в рамках распределения ответственности за ущерб, так как, например, поставщик инфраструктуры не будет участником процесса эксплуатации транспортного средства и, соответственно, не должен быть включен в перечень субъектов ответственности.

Заключение

Таким образом, полагаем, что ответственность за ущерб, причиненный при использовании ВАТС, должна распределяться между различными субъектами — участниками процесса исходя из уровня автоматизации транспортного средства и конкретной ситуации, имевшей место в момент ДТП. Ответственность должна

[22] Ordonnance n° 2021-443 du 14 avril 2021 relative au régime de responsabilité pénale applicable en cas de circulation d'un véhicule à délégation de conduite et à ses conditions d'utilisation // JORF n° 0089 du 15 avril 2021. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000043370894 (дата обращения: 10.07.2025).

устанавливаться в зависимости от уровня автоматизации, а конкретные случаи следует рассматривать с учетом таких параметров, как уровень автоматизации транспортного средства в момент ДТП, перечень участников эксплуатации транспортного средства, степень участия каждого из них в эксплуатации транспортного средства в конкретном случае, а также того, был ли причинен ущерб в связи с отказом технических средств одного или нескольких участников.

Поиск ответов потребует сбора и анализа существенного объема информации от участников дорожного движения, что приведет к необходимости внедрения новых специфических требований, которые должны обеспечивать безопасность и эффективность движения ВАТС, например:

1) обязательного анализа причин ДТП;

2) создания дорожных систем обнаружения неисправностей и рисков, связанных с выходом транспортного средства за пределы выделенной полосы, и своевременного информирования об этом оператора;

3) проектирования дорожных систем и полос таким образом, чтобы минимизировать риски несчастных случаев;

4) проведения аудитов безопасности на регулярной основе.

Вместе с этим нужно признать, что реализация подобных требований отрицательно повлияет на сроки запуска и полноценной эксплуатации ВАТС, ввиду чего целесообразно рассмотреть упрощенный подход к распределению ответственности за ущерб. Им может быть солидарное распределение ответственности между всеми участниками эксплуатации ВАТС или создание специального компенсационного фонда с обязательными взносами всех участников эксплуатации ВАТС.

Вполне допустимо, что некоторые потенциальные субъекты могут быть сознательно вынесены за рамки компенсационного воздействия права в целях поддержки дальнейшего технологического прогресса. Например, исследователи считают, что введение презумпции виновности владельцев ВАТС в текущей редакции рассмотренного законопроекта потребует жестких правил технического обслуживания, что может привести к новым рискам. В частности, автопроизводители и дилеры могут предусмотреть удаленное отключение автопилота или даже полную деактивацию автомобиля при нарушении владельцем регламента[23].

В рамках настоящей работы возможно сделать вывод, что действующее законодательство, в том числе регулирующее ответственность за причинение вреда высокоавтоматизированным транспортным средством, не учитывает полного спектра технологических особенностей, в частности особенностей управления ВАТС, и должно быть актуализировано с учетом расширения круга субъектов ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананенко А. О. Беспилотные транспортные средства: проблемы практического использования // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 71–74.

Бегишев И. Р. Правовое регулирование беспилотных транспортных средств // Транспортное право. 2021. № 3. С. 7–10.

Березина Е. А. Проблемы правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3 (69). С. 41–55.

Вавилин Е. В. Ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством // Хозяйство и право. 2023. № 10. С. 3–12.

Габов А. В. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex russica (Русский закон). 2025. Т. 78. № 11 (228). С. 9–33.

Грачева Ю. В., *Коробеев А. И.*, *Маликов С. В.*, *Чучаев А. И.* Высокоавтоматизированные транспортные средства: угрозы информационной системе безопасности и правовая ответственность // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 3–9.

Демьяненко И. М., *Жевняк О. В.* Проблемы гражданско-правовой ответственности при причинении вреда беспилотными транспортными средствами // Весенние дни науки ИнЭУ : сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 2024. С. 1336–1339.

[23] *Ананенко А. О.* Беспилотные транспортные средства: проблемы практического использования // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 71–74.

Транспортное право в условиях цифровой трансформации: беспилотные транспортные средства, цифровизация оборота, электронный коносамент, интеллектуальные транспортные системы : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2025. 280 с.

Чучаев А. И., *Маликов С. В.* Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортным средством: состояние и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 117–124.

Юдкина В. В. Высокоавтоматизированные транспортные средства как субъект общественной безопасности // Административное право и процесс. 2022. № 10. С. 49–53.

REFERENCES

Ananenko AA. Unmanned vehicles: Problems of practical use. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure].* 2022;8:71-74. (In Russ.).

Begishev IR. Legal regulation of unmanned vehicles. *Transportnoe pravo*. 2021;3:7-10. (In Russ.).

Berezina EA. Problems of legal regulation of legal liability for harm caused by the operation of unmanned (autonomous, highly automated) vehicles. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2022;3(69):41-55. (In Russ.).

Chuchaev AI, Malikov SV. Responsibility for causing harm by a highly automated vehicle: State and perspectives. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019;6:117-124. (In Russ.).

Demyanenko IM, Zhevnyak OV. Problems of civil liability in the case of harm caused by unmanned vehicles. Spring Days of Science at InEU: Collection of reports of the International Conference of Students and young scientists. Ekaterinburg; 2024. P. 1336–1339. (In Russ.).

Gabov AV. Platform relations as a subject of legal regulation. *Lex russica*. 2025;78(11):9-33. (In Russ.).

Gracheva YuV, Korobeev AI, Malikov SV, Chuchaev AI. Highly automated vehicles: Threats to the information security system and legal liability. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie [State Power and Local Self-Government]*. 2020;12:3-9. (In Russ.).

Vavilin EV, editor. Transport law in the context of digital transformation: Unmanned vehicles, digitalization of turnover, electronic bill of lading, intelligent transport systems. A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).

Vavilin EV. Liability for damage caused by an unmanned vehicle. *Khozyaystvo i pravo [Business and Law]*. 2023;10:3-12. (In Russ.).

Yudkina VV. Highly automated vehicles as a subject of public safety. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure].* 2022;10:49-53. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель генерального директора Инновационного научно-технологического центра МГУ «Воробьевы горы»
д. 1, стр. 1, Раменский бул., г. Москва 119607, Российская Федерация
ivanova-tn@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana N. Ivanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy General Director of the Vorobyovy Gory Moscow State University Innovation Research and Technology Center, Moscow, Russian Federation
ivanova-tn@ranepa.ru

Материал поступил в редакцию 16 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 26 августа 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 16.01.2025.
Revised 26.08.2025.
Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.122-132

А. В. Блещик
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Процедуры и инструменты правовой экспертизы правовых актов как элементы методики ее проведения

Резюме. В статье рассмотрена структура методики правовой экспертизы правовых актов и дан обзор процедур и инструментов правовой экспертизы. Экспертные процедуры можно определить как действия эксперта в рамках исследования правового акта или его проекта, направленные на установление обстоятельств, существенных для принятия этого правового акта. Под инструментами правовой экспертизы предлагается понимать логические методы, технические средства или организационные приемы, используемые экспертом для проведения экспертных процедур. Автор предлагает объединить инструменты правовой экспертизы в несколько групп: 1) логические (логико-языковые) инструменты, 2) организационные инструменты, 3) технические средства и информационные технологии. Помимо этого, в качестве отдельной группы условно могут быть выделены так называемые философские инструменты правовой экспертизы — мировоззренческие подходы к ее проведению, которые влияют на выбор экспертом методик экспертного исследования. Несмотря на разнообразие профессиональных установок и убеждений, эксперты в своей деятельности должны ориентироваться на императив конституционализации законодательства, который выступает мировоззренческой основой для нормотворческой и экспертной деятельности.

Ключевые слова: правовая экспертиза правовых актов; нормотворчество; конституционализация; процедуры правовой экспертизы; инструменты правовой экспертизы; толкование в праве; подходы к правопониманию

Для цитирования: Блещик А. В. Процедуры и инструменты правовой экспертизы правовых актов как элементы методики ее проведения. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 3. С. 122–132. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.122-132

Procedures and Tools of Legal Expertise of Legal Acts as Elements of Its Methodology

Aleksandr V. Bleshchik
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper examines the structure of the methodology of legal expertise of legal acts and provides an overview of the procedures and tools of legal expertise. Expert procedures can be defined as the actions of an expert in the framework of a study of a legal act or its draft, aimed at establishing circumstances essential for the adoption of this legal act. It is proposed to understand the tools of legal expertise as logical methods, technical means or organizational techniques used by an expert to conduct expert procedures. The author suggests combining the tools of legal expertise into several groups: 1) logical (logical-linguistic) tools, 2) organizational tools, 3) technical tools and information technologies. In addition, the so-called philosophical instruments of legal

© Блещик А. В., 2026

expertise can be conditionally distinguished as a separate group — philosophical approaches to its implementation, which influence the expert's choice of expert research methods. Despite the diversity of professional attitudes and beliefs, experts should be guided in their activities by the imperative of constitutionalization of legislation, which serves as the ideological basis for rule-making and expert activities.
Keywords: legal expertise of legal acts; rule-making; constitutionalization; legal expertise procedures; legal expertise tools; interpretation in law; approaches to legal understanding
Cite as: Bleshchik AV. Procedures and Tools of Legal Expertise of Legal Acts as Elements of Its Methodology. *Lex russica.* 2026;79(3):122-132. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.122-132

Введение

Правовая экспертиза правовых актов и их проектов (далее также — правовая экспертиза) всё чаще оказывается в фокусе внимания юристов — как практиков, так и теоретиков. Причем интерес к правовой экспертизе проявляют представители не только общей теории права, но и разных отраслевых наук[1]. Часто в исследованиях на эту тему говорится о проблемах, связанных со слабой урегулированностью правовой экспертизы, или о трудностях в организации экспертной деятельности[2]. Представляется, правда, что наиболее острой проблемой в этой области остается недостаточная методологическая и методическая обеспеченность правовой экспертизы.

С одной стороны, известно, что антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, являющаяся одной из разновидностей правовой экспертизы[3], нормативно регламентирована довольно детально[4]. Кроме того, она обеспечена и методически, поскольку проводится в соответствии с утвержденной на федеральном уровне единой методикой. Однако антикоррупционная экспертиза скорее представляет собой исключение, подтверждающее правило. Ввиду особо-

[1] См., например: *Стародубцева И. А.* Экспертиза нормативных правовых актов как способ предотвращения коллизий: особенности правового регулирования в субъектах Российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 14–20 ; *Клейменов М. П.* Административно-правовое регулирование производства антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Юридический мир. 2014. № 4. С. 31–35 ; *Дементьев А. Н., Дементьева О. А., Бондарь В. Н.* Экспертиза нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации : монография / под ред. А. Н. Дементьева. М. : Норма, 2020.

[2] См., например: *Мамитова Н. В.* Правовая экспертиза в механизме модернизации финансового законодательства // Вестник Московского ордена Почета университета МВД России. 2012. № 6. С. 158–163 ; *Черногор Н. Н., Залоило М. В.* Экспертиза в правотворчестве: проблема правового регулирования и вопросы его совершенствования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 100–108 ; *Блещик А. В.* Правовая экспертиза правовых актов: проблемы отраслевой принадлежности и конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 62–66.

[3] Вопрос соотношения антикоррупционной экспертизы и правовой экспертизы до настоящего времени остается дискуссионным. Существует точка зрения, согласно которой антикоррупционная экспертиза является самостоятельным видом исследования правовых актов и их проектов и принадлежит к числу так называемых криминологических экспертиз (*Юлегина Е. И.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в системе взаимодействия ее субъектов (административно-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 54). Ряд ученых высказывают противоположную ей точку зрения, в соответствии с которой антикоррупционная экспертиза, отличающаяся от иных видов правовых экспертиз своим предметом и специфической методикой, все-таки остается видом правовых экспертиз (*Нечкин А. В.* Правовая экспертиза правовых актов : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2020. С. 12–13). Для целей статьи мы будем придерживаться второй точки зрения, что позволит нам включить в анализ методику антикоррупционной экспертизы и рассмотреть отдельные инструменты, используемые при ее проведении.

[4] Речь идет о том, что в России принят массив правовых актов федерального уровня, направленных на регламентацию организации и осуществления антикоррупционной экспертизы. Во-первых, это системообразующий Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609),

го характера антикоррупционной экспертизы, а вернее особой значимости для государства проблемы коррупции и деятельности по противодействию ей, экспертиза правовых актов, нацеленная на выявление в них коррупциогенных факторов, должна осуществляться в соответствии с единой методикой. Применить такой подход к правовой экспертизе вообще не представляется возможным и даже целесообразным.

Термином «правовая экспертиза» охватывается множество правовых исследований правовых актов и их проектов, в рамках которых эксперты (также представленные множеством различных органов публичной власти и организаций, в том числе научных или общественных) акцентируют внимание на разных аспектах правовых актов и применяют разнообразные критерии оценки качества правового регулирования. В связи с этим создание единой методики правовой экспертизы, в общем-то, лишено смысла. Вместе с тем изучение методик, их структуры и содержания представляется полезным для развития экспертных практик и правовой экспертизы как института[5], поскольку может привести к взаимообогащению практикующих юристов, работающих в сфере правовой экспертизы и мониторинга правоприменения, а также стимулировать повышение качества подготовки будущих юристов.

Методики правовой экспертизы и экспертные процедуры

Анализ структуры и содержания методик правовой экспертизы следует начать с утверждения о том, что наиболее известные методики структурно достаточно похожи. В частности, все доступные для анализа методики[6] описывают ряд критериев, на соответствие которым должен быть проверен правовой акт (проект правового акта), или конкретные аналитические процедуры, которые надлежит провести эксперту, для того чтобы оценить качество исследуемого им правового акта (проекта правового акта). Обозначим этот элемент методики как экспертную процедуру и определим его как действия эксперта в рамках исследования правового акта или его проекта, направленные на установление обстоятельств, существенных для его принятия.

Например, Методические рекомендации по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов РФ[7] Минюста России предусматривают проведение таких экспертных процедур, как правовая оценка на соответствие требованиям Конституции и федерального законодательства формы правового акта, целей и задач, предмета правового регулирования правового акта, компетенции органа, принявшего правовой акт, содержащихся в правовом акте норм, порядка принятия, обнародования (опубликования) правового акта.

Методика общественной экспертизы Общественной палаты РФ[8] предусматривает следующие экспертные процедуры: установление того, в чем выражается изменение сложившихся общественных отношений, предлагаемое в проекте правового акта, описание существующих в рассматриваемой сфере правового регулирования социальных проблем, определение круга субъектов гражданского общества, чьи права будут затронуты в результате принятия право-

во-вторых, постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084), которым, в частности, утверждена методика проведения такой антикоррупционной экспертизы.

5 О правовой экспертизе правовых актов как институте современного российского права подробнее см.: *Блещик А. В.* Правовая экспертиза нормативных актов как инструмент правовой политики государства: от истории к современной практике. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2024. С. 67–79.

6 Речь идет в первую очередь о методиках, утвержденных государственными органами или специализированными государственными организациями. Поскольку такие методики, как правило, публикуются, мы имеем доступ к ним и можем провести их анализ. При этом необходимо отметить, что нередко правовая экспертиза (в особенности научная) проводится в соответствии с авторскими методиками отдельных экспертов, которые не просто не публикуются, но и не объективируются в виде самостоятельного документа. Анализ методик в таких случаях затруднен (может проводиться косвенно, по текстам экспертных заключений) или вовсе невозможен.

7 Утв. приказом Минюста РФ от 31.05.2012 № 87 // Бюллетень Минюста РФ. 2013. № 1.

8 Положение о порядке проведения общественной экспертизы (утв. решением совета Общественной палаты РФ от 15.05.2008, протокол № 4-С) // URL: https://files.oprf.ru/storage/documents/XhwCgAXvEnuvariC1611661883.pdf (дата обращения: 06.11.2024).

вого акта, описание социальных последствий принятия правового акта, подготовка предложений по изменению сложившейся ситуации в рассматриваемой сфере общественных отношений с учетом положений нормативного правового акта.

Несколько нетипичной в свете вышеизложенного представляется методика антикоррупционной экспертизы, которая, по существу, не содержит описания экспертных процедур и почти целиком посвящена описанию коррупциогенных факторов и их признаков. Единственное, что может напоминать описание экспертной процедуры, зафиксировано в п. 2 этой методики: «Для обеспечения обоснованности, объективности и проверяемости результатов антикоррупционной экспертизы необходимо проводить экспертизу каждой нормы нормативного правового акта или положения проекта нормативного правового акта».

Обзорно описываемые нами процедуры, давая эксперту ответ на вопрос, что́ нужно делать для проведения правовой экспертизы, как правило, не поясняют, как или при помощи чего следует проводить правовую экспертизу. Понятно, что неопределенность в вопросе о средствах или инструментах экспертного исследования свидетельствует о неполноте методики его проведения. Иными словами, еще одним существенным элементом методики правовой экспертизы, который, однако, традиционно остается в тени (то есть недостаточно разработан теоретически и практически), являются ее инструменты.

Если понимать под инструментами правовой экспертизы всё, что используется при осуществлении экспертных процедур, можно отнести к их числу, наряду с предметами материального мира, специальные техники и приемы, применяемые экспертами. Соответственно, определить инструменты правовой экспертизы можно следующим образом: это логические методы, технические средства или организационные приемы, используемые экспертом для проведения экспертной процедуры.

Попытаемся теперь предложить базовую классификацию инструментов правовой экспертизы, исходя из их содержания и функциональной нагрузки. Первую группу, на наш взгляд, образуют логические (логико-языковые) инструменты. В нее входят логические (логико-юридические) приемы и техники, которыми пользуется эксперт, в том числе техники толкования текстов юридических норм, а также иные приемы работы с текстом, включая языковые, лингвистические. Вторая группа включает в себя организационные инструменты правовой экспертизы, то есть инструменты, предназначенные для наиболее рациональной организации работы экспертов. Наконец, к третьей группе можно отнести технические средства и информационные технологии, применяемые в ходе проведения правовой экспертизы. Рассмотрим каждую из этих групп более подробно.

Логические (логико-языковые) инструменты правовой экспертизы

Объектом правовой экспертизы в первую очередь выступает текст правового акта (проекта правового акта), поэтому эксперт должен быть вооружен специальными инструментами, помогающими ему работать с текстами. Проводя экспертизу каждой отдельной нормы правового акта или положения проекта правового акта, эксперт вначале устанавливает смысл и содержание этих норм или положений, то есть осуществляет их толкование. В общей теории права описано множество способов толкования права и видов интерпретационных техник[9]. Могут служить инструментами правовой экспертизы и общенаучные логические методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение и аналогия. Для большей наглядности при работе с юридическим текстом эксперт может использовать различные формы схематизации текстов юридических норм. Схематизация используется экспертом, например, при применении в ходе правовой экспертизы метода юридических конструкций.

Суть такого приема юридической техники, как использование юридических конструкций,

[9] См., например: *Бошно С. В.* Толкование норм права // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 17–25 ; *Вопленко Н. Н.* Интерпретационная техника: понятие и содержание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2007. № 9. С. 5–21 ; *Зыкова С. В.* Интерпретационная техника: содержание и место в системе юридической техники // История государства и права. 2022. № 8. С. 42–27 ; *Малинова И. П.* Философия права и юридическая герменевтика : монография М. : Норма, Инфра-М, 2023 ; *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2016 ; *Он же.* Толкование права и договора : учеб. пособие. М. : Юнити-Дана, 2003.

состоит в логическом построении нормативного материала, обеспечивающем соответствие предписаний позитивного права природе регулируемых отношений[10]. Н. Н. Тарасов метафорически характеризует юридическую конструкцию как «инженерного посредника» между научным законом и законом юридическим[11]. Действительно, соотнесение исследуемого в ходе проведения правовой экспертизы материала с разработанными в правовой науке юридическими конструкциями позволяет эксперту увидеть, где рассматриваемый материал не укладывается в шаблон нормативно-правовой модели, зафиксировать потенциальную неурегулированность отношений или, напротив, определить, где регулирование присутствует в избытке. Иными словами, этот инструмент помогает выявлять логические нарушения, внутренние несоответствия в текстах правовых актов, обнаруживать возможные нормативные коллизии или пробелы в правовом регулировании.

Как мы указывали выше, одной из основных экспертных процедур выступает правовая оценка исследуемого правового акта (проекта правового акта) на соответствие требованиям Конституции и вышестоящего по юридической силе законодательства. Для того чтобы эффективно выполнить такую оценку, необходимо корректно сравнивать юридические нормы и устанавливать их соответствие или несоответствие. Несмотря на всю очевидность этой процедуры и кажущуюся простоту такого сравнения, вопрос соотношения и установления соответствия юридических норм сам по себе довольно проблематичен[12]. Логические приемы, позволяющие корректно провести такое сравнение и выявить несоответствия, без преувеличения составляют основу инструментария эксперта.

В качестве иллюстрации такой экспертной процедуры рассмотрим оценку соответствия норм регионального законодательства федеральным правовым нормам. Регулятивные нормы, принятые федеральными органами государственной власти, как правило, определяют рамки, в которых органы государственной власти субъектов могут осуществлять свою нормотворческую и правоприменительную деятельность. Для того чтобы определить, соответствуют ли принятые в развитие федеральных норм нормы регионального законодательства, необходимо произвести ряд логических процедур.

Для начала нужно обозначить те самые компетенционные рамки, которые установлены федеральной нормой, определив объем полномочий регионального законодателя. Иногда (но далеко не всегда) этот объем четко определяется в федеральном законе, как, например, в случае с предметами ве́дения субъектов РФ в области законодательства об административных правонарушениях. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ[13] к ве́дению субъектов РФ в области законодательства об административных правонарушениях относится установление законами субъектов РФ об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

Затем эксперту следует соотнести гипотезы норм, то есть установить тождественность условий, при которых конкретное правило поведения может действовать. Важно, чтобы нормы были направлены на регулирование одних и тех же отношений и распространяли действие на один и тот же круг субъектов. Рассмотрим это на примере норм Указа Президента РФ «О мерах социальной поддержки многодетных семей»[14] (далее — Указ), получивших свое развитие в региональном законодательстве, в частности в Законе Свердловской области «О социальной поддержке многодетных семей в

---

[10] *Тарасов Н. Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 245.

[11] *Тарасов Н. Н.* Юридические конструкции: теоретическое представление и методологические основания исследования // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 20.

[12] Здесь сто́ит сказать, что проблема установления соответствия юридических норм как бы предваряет целый комплекс теоретических и практических проблем, связанных, в частности, с допустимостью так называемого опережающего регулирования, воспроизведением одной и той же нормы в разных правовых актах и инфляцией законодательства, тиражированием дефектов при воспроизведении дефектных норм и их реализацией в более низких нормативных подсистемах и т.п.

[13] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[14] Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 665.

Свердловской области»[15] (в ред. от 26.04.2024) (далее — Областной закон). Так, согласно Указу многодетной является семья, имеющая трех и более детей, статус которой устанавливается бессрочно, при этом предоставление многодетным семьям мер социальной поддержки осуществляется до достижения старшим ребенком возраста 18 лет или возраста 23 лет при условии его обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность, по очной форме обучения[16]. В соответствии со ст. 1 Областного закона им регулируются отношения, связанные с предоставлением мер социальной поддержки многодетным семьям, имеющим трех и более детей (в том числе принятых в семью на воспитание) в возрасте до 18 лет, а также в возрасте до 23 лет при условии их обучения в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, по очной форме обучения. Как видим, круг субъектов отношений, урегулированных Областным законом, тождественен кругу субъектов, определенных в Указе. В то же время Областной закон содержит важное для правоприменителя уточнение «в том числе принятых в семью на воспитание», которое, однако, не изменяет объем понятия, определяемого федеральным актом. Можно сказать, что нижестоящая по юридической силе норма (в нашем случае региональная) может регулировать видовые в сравнении с родовыми, урегулированными федеральной нормой, отношения (или, иными словами, осуществляет специализированное, детализированное регулирование).

Эксперту в рамках соответствующей процедуры необходимо также сравнить (установить соотношение) диспозиций федеральной и региональной норм. Для иллюстрации используем тот же пример. Согласно пп. «д» п. 3 Указа многодетным семьям гарантируется среди прочего право на бесплатное посещение музеев, парков культуры и отдыха, выставок на территории РФ независимо от места жительства в порядке и на условиях, которые определены в субъектах РФ. Норма Областного закона, вводящая соответствующую социальную гарантию в региональное законодательство, выглядит следующим образом: «Для многодетной семьи… устанавливаются следующие меры социальной поддержки… бесплатное посещение областных государственных и муниципальных музеев, а также выставок, организованных областными государственными и муниципальными учреждениями культуры и искусства» (пп. 6 части первой п. 1 ст. 2). Как видим, полного соответствия между сравниваемыми нормами нет, поскольку, в частности, норма регионального законодательства не упоминает о такой социальной гарантии, как бесплатное посещение парков культуры и отдыха.

Организационные инструменты правовой экспертизы

Огромную роль в проведении правовой экспертизы играют ее организационные инструменты, которые, как следует из названия этой группы инструментов, позволяют наилучшим образом организовать экспертную деятельность. Они включают в себя набор приемов в сфере рационализации рабочего процесса эксперта. Не претендуя на исчерпывающий анализ применяемых в практике организационных инструментов правовой экспертизы, приведем несколько примеров.

На стыке языковых и организационных инструментов находится такой прием, как текстуальное наложение, используемое при проведении экспертизы вторичных (изменяющих) правовых актов. В качестве ремарки заметим, что множество технико-юридических дефектов в правовых актах возникает из-за некорректного внесения в них изменений. Речь идет о нарушении нумерации структурных элементов, допущении некорректных внутренних ссылок в правовых актах, неправильной или неполной замене терминов при актуализации редакций правового

[15] Закон Свердловской области от 20.11.2009 № 100-ОЗ «О социальной поддержке многодетных семей в Свердловской области» // Областная газета. 2009. № 354–357.

[16] Нельзя не отметить, что предложенная федеральным законодателем формулировка далека от совершенства. Ведь в многодетных семьях, имеющих более трех детей, совершеннолетие старшего ребенка (при условии, что как минимум трое других детей остаются несовершеннолетними) может вовсе не означать лишения права на предоставление мер социальной поддержки. Именно такие несовершенные формулировки зачастую заставляют регионального законодателя либо тиражировать дефект в своих правовых актах, либо предлагать более удачные варианты, которые формально не противоречили бы нормам большей юридической силы.

акта, что впоследствии приводит к нарушению принципа единства терминологии, и т.п. Указанные дефекты достаточно легко обнаруживаются, если эксперт накладывает новый текст (который предлагается проектом изменяющего акта) на текст действующей редакции. Наложение текстов дает возможность целиком увидеть новую редакцию документа и провести ее полноценную правовую и технико-юридическую экспертизу. Кроме того, рассматриваемый прием позволяет обратить внимание на неявные дефекты в действующей редакции, поскольку предполагает проведение правовой экспертизы не только проекта изменяющего (вторичного) правового акта, но и действующего первичного правового акта.

К организационным инструментам правовой экспертизы, несомненно, можно отнести и использование чек-листов, реестров или иных организационных схем. Например, при проведении проверки соблюдения процедуры принятия правового акта эксперт может пользоваться специальными чек-листами, которые содержат перечень инстанций, согласующих проекты правовых актов и требований, предъявляемых к проектам этими инстанциями. Так, согласно абз. 8 п. 57 Регламента Правительства РФ[17] согласование проектов федеральных законов осуществляется одновременно с проведением процедур общественного обсуждения, оценки регулирующего воздействия, независимой антикоррупционной экспертизы при условии их размещения в сети Интернет, направлением на заключение в экспертный совет при Правительстве РФ и обсуждением общественно значимых из них с общественными советами при федеральных органах исполнительной власти. Для соблюдения сложной, предполагающей вовлечение в нормотворческий процесс множества различных субъектов процедуры целесообразно составить чек-лист таких согласующих субъектов, что может значительно облегчить контроль за соблюдением процедурных норм в рамках проведения правовой экспертизы проекта правового акта.

Помимо чек-листов, эксперт может использовать разнообразные организационные схемы, позволяющие ему ориентироваться в компетенции различных государственных и муниципальных органов, схемах распределения обязанностей должностных лиц, курирования ими отдельных вопросов, связанных с нормотворческой и экспертной деятельностью. В значительной степени такой организующий функционал могут нести в себе так называемые системы электронного документооборота, которые используют готовые шаблоны документов и алгоритмы согласования проектов правовых актов. Системы электронного документооборота как средства, применяемые при проведении правовой экспертизы, стоя́т на стыке таких групп инструментов, как организационные и технические.

Технические средства и информационные технологии как инструменты правовой экспертизы

Инструментами правовой экспертизы давно стали технические средства, в том числе специальные компьютерные программы, без которых работа эксперта (да и вообще юриста) уже не представима. Речь, в частности, идет о текстовых редакторах, справочно-правовых системах, базах данных и уже упоминавшихся системах электронного документооборота.

Текстовые редакторы позволяют разработчикам и экспертам работать с текстами правовых актов, вносить в них оперативные правки, осуществлять их рецензирование, проводить простейшую проверку орфографии, пунктуации и синтаксиса текстов, сравнивать редакции (версии) одного и того же документа.

Сто́ит ли говорить о важности справочно-правовых систем, представляющих актуальные редакции правовых актов, помогающих отслеживать вносимые в эти акты изменения, а также сравнивать редакции документов? Это только малая часть функционала справочно-правовых систем, применяемого при проведении правовой экспертизы. Помимо таких систем, широкий набор инструментов правовой экспертизы предоставляют специализированные базы данных. Например, разработанная специалистами Уральского института регионального законодательства информационно-правовая система «Регион-Закон» содержит сведения о полномочиях государственных органов субъектов РФ, предусмотренных в федеральных законодательных актах, и их реализации в законодательстве Свердловской области.

[17] Постановление Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 23. Ст. 2313.

Эта система, как указано на сайте организации, «позволяет осуществлять хранение и актуализацию правовой информации, обеспечивает поиск необходимых данных по различным критериям, а также предоставляет сведения для анализа федерального и регионального законодательства»[18]. Совершенно очевидно, что технические инструменты, доступные благодаря этой системе, оптимизируют деятельность экспертов, например в решении задач, описанных нами в разделе «Логические (логико-языковые) инструменты правовой экспертизы».

Впечатляющих результатов в сфере создания и обработки текстов в последние несколько лет достигают разработчики проектов правовых актов с использованием систем машинного обучения, построенных на основе нейросетей. Предполагается, что нейросеть может быть использована в правоприменительной деятельности для оценки различных фактических обстоятельств и вынесения исходя из норм права обоснованных и объективных решений[19]. И если нейросеть в состоянии заменить судью, то вполне вероятно, что впоследствии она сможет заменить и законодателя. Во всяком случае нет сомнений, что на нейросеть могут быть возложены функции по технической проверке текстов проектов правовых актов.

Интересны с этой точки зрения соображения, высказанные австралийским исследователем Д. Ловричем, который обращает внимание на то, что искусственный интеллект способен воспринимать и предсказывать в том числе лингвистические закономерности, на которых построена бóльшая часть нормативных текстов[20].

При этом, как справедливо отмечает Я. В. Гайворонская, «внедрение в юридическую деятельность искусственного интеллекта и обработка машинами информации в цифровой форме предъявляют гораздо более жесткие требования к организации системы правовых актов, их форме и содержанию. Имеется в виду, что искусственный интеллект, используемый при поиске правовой информации и прогнозировании правовых решений, нуждается в гораздо более четких и, что самое важное, неукоснительно соблюдаемых правилах юридической техники, чем носители естественного интеллекта»[21].

Как следует из общего анализа инструментов правовой экспертизы, нередко для осуществления экспертной деятельности на высоком профессиональном уровне экспертам необходимо привлекать инструменты междисциплинарного характера или инструменты, заимствованные из других отраслей науки и техники. Это, с одной стороны, вполне закономерно, но с другой — представляет собой серьезную проблему, ведь современные юристы часто оказываются неготовыми к работе с неюридическими инструментами. Решение видится в изменении подходов к подготовке юристов-экспертов, формировании у них междисциплинарных компетенций, необходимых для применения экономического, социологического, политологического и даже математического инструментария при проведении правовой экспертизы.

Заключение

В завершение этого довольно краткого обзора процедур и инструментов правовой экспертизы скажем о том, что не вошло в выделенные нами группы, но, несомненно, имеет большое значение. Поскольку правовая экспертиза — это в первую очередь исследование, у нее могут быть различные методологические основания. Речь идет о философских инструментах, а точнее — мировоззренческих подходах к проведению правовой экспертизы, которые влияют на

[18] Информационно-правовая система «Регион-Закон» // URL: https://www.uirz.ru/?x=region (дата обращения: 09.11.2024).

[19] Судья не против получить нейросеть в качестве помощника // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230511/308892353.html (дата обращения: 29.09.2023).

[20] *Lovric D.* The future of legislative drafting: a strategic approach Paper for CIAJ Legislative Drafting Conference, 8–9 September 2022, Ottawa // URL: https://ciaj-icaj.ca/wp-content/uploads/documents/2022/10/ld266_daniel-lovric_the-future-of-legislative-drafting-a-strategic-aproach.pdf?id=15558&1695569997 (дата обращения: 14.01.2025).

[21] *Гайворонская Я. В.* Совершенствование правотворчества в условиях цифровизации: юридико-технические аспекты // Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 123–138.

выбор экспертом возможных методик осуществления экспертного исследования и подбор соответствующего инструментария. Они находятся в прямой зависимости от убеждений эксперта, от подходов к правопониманию, которые ему близки. Совершенно очевидно, что эксперт, стоящий на позитивистско-нормативистских позициях в понимании феномена права, формулирует критерии качества правового акта совсем не так, как, например, последователь школы естественного права, социологической теории права или сторонник либертарного подхода. Если для первого основным ориентиром при проведении правовой экспертизы будет оценка формального соответствия и непротиворечия нижестоящих по юридической силе норм вышестоящим, то экспертам, исследующим правовой акт через призму социологической теории права, важнее будет ориентироваться на проявления права в реальной жизни, то есть и на правоприменительную практику, которая выступает в роли своеобразного индикатора качества правовых норм[22].

Представляется при этом, что, несмотря на разнообразие мировоззренческих установок, все юристы, занимающиеся правовой экспертизой, должны ощущать в своей профессиональной деятельности императив конституционализации законодательства и нормотворческой деятельности, под которой обычно понимается «проникновение конституционных принципов и норм не только в текущее законодательство, но и в общественные отношения, складывающиеся в самых различных социальных сферах»[23]. Как отмечает Т. А. Васильева, «эффективным может быть признано только то законодательство, которое не вступает в противоречие с конституционными ценностями и способствует их осуществлению»[24]. Несомненно, практика проведения правовой экспертизы должна учитывать этот подход, основываться на нем при выборе методики исследования правовых актов и их проектов, сообразовывать с ним используемые экспертные процедуры и инструменты.

Думается, что поднятая в статье тема получит развитие в дальнейших публикациях и экспертной практике, поскольку задача совершенствования законодательства, его развития на основе Конституции и конституционных ценностей не утрачивает актуальности. Правовая экспертиза правовых актов и их проектов как практика, имеющая ключевое значение для решения вышеупомянутой задачи, нуждается в теоретическом оформлении как своей философской и мировоззренческой основы, так и своих технических, инструментальных аспектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блещик А. В. Правовая экспертиза правовых актов: проблемы отраслевой принадлежности и конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 62–66.

Бошно С. В. Толкование норм права // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 17–25.

Васильева Т. А. Конституционализация права как средство обеспечения эффективности правового регулирования // Эффективность правового регулирования : монография / под общ. ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. М. : Проспект, 2022. 308 с.

Вопленко Н. Н. Интерпретационная техника: понятие и содержание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2007. № 9. С. 5–21.

[22] Как известно, один из основоположников социологической теории права О. Эрлих полагал, что законодатель лишь фиксирует правовую норму уже после того, как она найдена в повседневной правоприменительной практике. Он писал: «Центр правового развития лежит не в деятельности государства, а в самом обществе… Бóльшая часть норм решения была взята из социальных институтов, либо возникла в рамках науки и судопроизводства, либо найдена свободно от них» (*Эрлих О.* Основоположение социологии права. СПб. : Университетский издательский консорциум, 2011. С. 397).

[23] *Садовникова Г. Д.* Конституционализация социально-экономической сферы и социальное благополучие человека // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 31.

[24] *Васильева Т. А.* Конституционализация права как средство обеспечения эффективности правового регулирования // Эффективность правового регулирования : монография / под общ. ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. М. : Проспект, 2022. С. 94.

Гайворонская Я. В. Совершенствование правотворчества в условиях цифровизации: юридико-технические аспекты // Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 123–138.

Дементьев А. Н., *Дементьева О. А.*, *Бондарь В. Н.* Экспертиза нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации : монография / под ред. А. Н. Дементьева. М. : Норма, 2020. 232 с.

Зыкова С. В. Интерпретационная техника: содержание и место в системе юридической техники // История государства и права. 2022. № 8. С. 42–27.

Клейменов М. П. Административно-правовое регулирование производства антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Юридический мир. 2014. № 4. С. 31–35.

Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 160 с.

Мамитова Н. В. Правовая экспертиза в механизме модернизации финансового законодательства // Вестник Московского ордена Почета университета МВД России. 2012. № 6. С. 158–163.

Нечкин А. В. Правовая экспертиза правовых актов : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2020. 129 с.

Садовникова Г. Д. Конституционализация социально-экономической сферы и социальное благополучие человека // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 30–33.

Стародубцева И. А. Экспертиза нормативных правовых актов как способ предотвращения коллизий: особенности правового регулирования в субъектах Российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 14–20.

Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. 264 с.

Тарасов Н. Н. Юридические конструкции: теоретическое представление и методологические основания исследования // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 18–25.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2016. 320 с.

Черданцев А. Ф. Толкование права и договора : учеб. пособие. М. : Юнити-Дана, 2003. 382 с.

Черногор Н. Н., *Залоило М. В.* Экспертиза в правотворчестве: проблема правового регулирования и вопросы его совершенствования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 100–108.

Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб. : Университетский издательский консорциум, 2011. 704 с.

Юлегина Е. И. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в системе взаимодействия ее субъектов (административно-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 203 с.

Lovric D. The future of legislative drafting: a strategic approach Paper for CIAJ Legislative Drafting Conference, 8–9 September 2022, Ottawa // URL: https://ciaj-icaj.ca/wp-content/uploads/documents/2022/10/ld266_daniel-lovric_the-future-of-legislative-drafting-a-strategic-aproach.pdf?id=15558&1695569997.

REFERENCES

Bleshchik AV. Legal expertise of legal acts: Problems of industry affiliation and constitutional and legal dimension. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law].* 2021;10:62-66. (In Russ.).

Boshno SV. Interpretation of legal norms. *Pravo i sovremennye gosudarstva*. 2013;4:17-25. (In Russ.).

Cherdantsev AF. Interpretation of law and contract: A study guide. Moscow: Unity-Dana Publ.; 2003. (In Russ.).

Cherdantsev AF. Logical-linguistic phenomena in jurisprudence: A monograph. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).

Chernogor NN, Zaloilo MV. Expertise in law making: The problem of legal regulation and issues of its improvement. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii.* 2018;3(43):100-108. (In Russ.).

Dementyev AN, Dementieva OA, Bondar VN. Examination of regulatory legal acts in the field of industrial policy implementation in the Russian Federation: A monograph. Dementiev AN, editor. Moscow: Norma Publ.; 2020. (In Russ.).

Erlikh O. The foundations of the sociology of law. St. Petersburg: Universitetskiy izdatelskiy konsortsium Publ.; 2011. (In Russ.).

Gayvoronskaya YaV. Improving lawmaking in the context of digitalization: Legal and technical aspects. In: Pashentsev DA, Zaloilo MV, editors. Gaps in law in the context of digitalization: A collection of scientific papers. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2022. (In Russ.).

Kleymenov MP. Administrative and legal regulation of the production of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects. *Yuridicheskiy mir [Juridical World].* 2014;4:31-35. (In Russ.).

Lovric D. The future of legislative drafting: A strategic approach Paper for CIAJ Legislative Drafting Conference, 8–9 September 2022, Ottawa. Available at: https://ciaj-icaj.ca/wp-content/uploads/documents/2022/10/ld266_daniel-lovric_the-future-of-legislative-drafting-a-strategic-aproach.pdf?id=15558&1695569997.

Malinova IP. Philosophy of law and legal hermeneutics: A monograph. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

Mamitova NV. Legal expertise in the mechanism of modernization of financial legislation. *Vestnik Moskovskogo ordena Pocheta universiteta MVD Rossii.* 2012;6:158-163. (In Russ.).

Nechkin AV. Legal expertise of legal acts: A textbook for universities. Moscow: Yurait Publ.; 2020. (In Russ.).

Sadovnikova GD. Constitutionalization of the socio-economic sphere and human social well-being. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law].* 2022;7:30-33. (In Russ.).

Starodubtseva IA. Examination of regulatory legal acts as a way to prevent conflicts: Features of legal regulation in the subjects of the Russian Federation. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia].* 2012;9:14-20. (In Russ.).

Tarasov NN. Legal constructions: Theoretical representation and methodological foundations of research. *Yuridicheskaya tekhnika.* 2013;7-2:18-25. (In Russ.).

Tarasov NN. Methodological problems of legal science. Ekaterinburg; 2001. (In Russ.).

Vasilyeva TA. Constitutionalization of law as a means of ensuring the effectiveness of legal regulation. In: Polyakov AV, Denisenko VV, Belyaev MA, editors. Effectiveness of legal regulation: A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).

Voplenko NN. Interpretative technique: Concept and content. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya [Science Journal of Volgograd State University. Series 5, Jurisprudence].* 2007;9:5-21. (In Russ.).

Yulegina EI. Anti-corruption expertise of normative legal acts and their projects in the system of interaction of its subjects (administrative and legal aspect). Cand. Diss. (Law). Moscow; 2014. (In Russ.).

Zykova SV. Interpretative technique: Content and place in the system of legal writing. *History of the state and law.* 2022;8:42-27. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Блещик Александр Владимирович, кандидат юридических наук, аппарат Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
д. 21, Комсомольская ул., г. Екатеринбург 620062, Российская Федерация
bleszczyk@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Bleshchik, Cand. Sci. (Law), Office of the Governor of the Sverdlovsk Region and the Government of the Sverdlovsk Region, Associate Professor, Constitutional Law Department, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation
bleszczyk@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 15 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 17 января 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 15.01.2025.
Revised 17.01.2025.
Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.133-145

О. А. Городов
К. С. Семенович
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Рассуждения об углеродных единицах и климатических проектах

Резюме. Исследование посвящено углеродному регулированию, а также правовому обеспечению климатического проекта как комплекса мероприятий, позволяющих снизить углеродный след производственной деятельности, увеличить объем поглощения (секвестрации) парниковых газов или уменьшить их эмиссию. Возможность реализации углеродной единицы, выпущенной по результатам климатического проекта, и получения дохода с ее продажи — эффективный экономический стимул для принятия инициативных мер к достижению баланса эмиссии и поглощения. Между тем правовые нормы не позволяют без сомнений отнести верифицированный результат климатического проекта к одному из видов объектов, указанных в ст. 128 ГК РФ, поэтому остается неопределенным круг гражданско-правовых договоров, заключаемых в отношении указанного блага. Климатический проект сейчас является неким статусным мероприятием для крупных рыночных игроков. Законодательство об ограничении выбросов парниковых газов, как представляется, сужает круг субъектов, участвующих в снижении углеродного следа, устанавливая чересчур высокий порог для входа на углеродный рынок. При этом деятельность иных субъектов, неспособных нести расходы, связанные с официальной регистрацией и реализацией климатического проекта, но добровольно повышающих секвестрацию парниковых газов, никак не стимулируется. В статье анализируется правовая природа углеродной единицы как иного имущества и выдвигаются предложения по расширению круга лиц, чья деятельность может способствовать снижению глобальной температуры.
Ключевые слова: климатический проект; секвестрация; парниковые газы; ограничение выбросов; углеродная единица; иное имущество; цифровое право
Для цитирования: Городов О. А., Семенович К. С. Рассуждения об углеродных единицах и климатических проектах. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 3. С. 133–145. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.133-145

Reflections on Carbon Units and Climate Projects

Oleg A. Gorodov
Kristina S. Semenovich
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The study is devoted to carbon regulation, as well as the legal support of a climate project as a set of measures to reduce the carbon footprint of industrial activities, increase the volume of absorption (sequestration) of greenhouse gases, or reduce their emissions. The potential for utilizing a carbon unit generated through a climate project and obtaining income from its sale is an effective economic incentive for taking proactive measures to achieve a balance of emissions and absorption. Meanwhile, the legal norms do not allow us to attribute the verified result of the climate project to one of the types of objects specified in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation, and therefore the range of civil law contracts concluded in relation to this benefit remains uncertain. The climate project is now a kind of status event for major market players. Legislation on limiting greenhouse gas emissions appears to narrow the range of actors involved in reducing the carbon footprint by setting an excessively high threshold for entry into the carbon market. At the same time, the activities of other entities that are unable to bear the costs associated with the official registration and implementation of the

© Городов О. А., Семенович К. С., 2026

climate project, but voluntarily increase the sequestration of greenhouse gases, are not stimulated in any way. The paper analyzes the legal nature of the carbon unit as another asset and makes proposals to expand the circle of people whose activities can contribute to reducing global temperatures.
Keywords: climate project; sequestration; greenhouse gases; emission limitation; carbon unit; other property; digital law
Cite as: Gorodov OA, Semenovich KS. Reflections on Carbon Units and Climate Projects. *Lex russica*. 2026;79(3): 133-145. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.133-145

Введение

Проблема изменения климата во многом обусловлена повышением глобальной температуры воздуха, связанным с антропогенным ростом концентрации парниковых газов в атмосфере в результате сжигания ископаемого топлива[1]. Парниковые газы, самым известным из которых является углекислый (CO_2), активно пропускают лучи света, нагревающие Землю, и задерживают тепловое излучение от ее поверхности, что напоминает механизм действия парника. В XXI в. глобальное потепление представляет собой ключевой вопрос, охватывающий экологические, экономические, социальные аспекты устойчивого развития и требующий незамедлительного принятия государствами мер по его разрешению.

Июль 2024 г. стал самым жарким месяцем за 175-летнюю историю метеонаблюдений[2], с температурой на 0,04 °C выше, чем июнь 2023 г., который также был самым жарким в истории наблюдений за прошлый период. Причина, согласно данным World Weather Attribution[3], заключается именно в антропогенных выбросах парниковых газов. Воздействие человека на климат привело к тому, что температура поднимается дополнительно на 2,5 °C в Южной Европе, на 2 °C в Северной Америке и примерно на 1 °C в Китае. Такое экстремальное повышение температуры негативно сказывается на здоровье людей, увеличивается смертность.

Противодействие изменению климата на нашей планете возможно только общемировыми усилиями. Сегодня для снижения темпов роста глобального потепления человечеством предпринимаются, в частности, следующие действия:

— ограничивается и сокращается потребление углеводородов (нефти, газа, каменного угля);

— повышается энергоэффективность используемых средств и развивается энергосбережение;

— в энергопотреблении приоритетными источниками становятся альтернативные ресурсы (возобновляемые источники энергии, неуглеродные носители энергии);

— развиваются экологически чистые и низкоуглеродные технологии;

— обеспечивается восстановление лесов, являющихся естественными поглотителями углекислого газа.

Любые глобальные инициативы на местном государственном уровне требуют законодательной поддержки — создания правовых механизмов, в которых изначально закладываются представления о целях и способах их достижения.

Тематика углеродного регулирования в Российской Федерации занимает лидирующие позиции в научных исследованиях. Среди авторов, в чьих работах подробно анализируется отечественное законодательство в обозначенной сфере, можно выделить В. Б. Агафонова[4],

---

1 IPCC, 2021: Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / eds. V. Masson-Delmotte, P. Zhai, A. Pirani [et al.]. Cambridge University Press. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/downloads/report/IPCC_AR6_WGI_Full_Report.pdf (дата обращения: 21.01.2025).

2 July 2024 was second-hottest month on record // URL: https://www.yahoo.com/news/july-2024-second-hottest-month-043826743.html (дата обращения: 21.01.2025).

3 Extreme heat in North America, Europe and China in July 2023 made much more likely by climate change // URL: https://www.worldweatherattribution.org/extreme-heat-in-north-america-europe-and-china-in-july-2023-made-much-more-likely-by-climate-change/ (дата обращения: 21.01.2025).

4 *Агафонов В. Б.* Роль природно-климатических проектов в правовом обеспечении экологической и климатической безопасности Российской Федерации // Экологическое право. 2024. № 2. С. 2–4.

Н. Г. Жаворонкову[5], В. В. Аристова, Т. М. Медведеву[6], М. А. Егорову[7], Н. В. Кичигина, Р. В. Никонова[8], С. Н. Чернова[9]. Такое повышенное внимание к проблематике ограничения выбросов парниковых газов связано, очевидно, с новизной объекта регулирования и высокими ожиданиями в отношении фактических результатов состоявшейся правовой регламентации.

Настоящее исследование проведено авторами с целью оценки реализации российского законодательства о сокращении выбросов парниковых газов в условиях преодолеваемых страной экономического и политического кризисов. Задачами исследования являются изучение действующего правового регулирования в сфере сокращения выбросов парниковых газов, обзор зарегистрированных и реализуемых в Российской Федерации климатических проектов, а также анализ иных путей стимулирования участия в противодействии изменениям климата.

Международное регулирование

Противодействие изменениям климата — задача мирового масштаба и, соответственно, мирового уровня. Для решения проблемы изменения климата необходимо формирование общей стратегии, которая будет реализовываться всеми государствами. В принципе 6 Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды (Стокгольмская декларация) от 16.06.1972[10] установлено, что введение в окружающую среду токсических веществ или других веществ и выброс тепла в таких количествах или концентрациях, которые превышают способность окружающей среды обезвреживать их, должны быть прекращены, с тем чтобы это не наносило серьезного или непоправимого ущерба экосистемам.

Основные направления реализации странами принципа 6 Стокгольмской декларации отражены в Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК) от 09.05.1992[11], в соответствии с которой правительства подписавших РКИК стран обязались принять меры по значительному сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу и удержанию их объема на уровне 1990 г.

В развитие РКИК 11 декабря 1997 г. был принят Киотский протокол[12], которым предусматривалось в период с 2008 по 2012 г. достижение индустриально развитыми странами уровня выбросов парниковых газов ниже уровня 1990 г. примерно на 5 %. Соединенные Штаты Америки не участвовали в реализации Киотского протокола, Канада в 2011 г. отказалась от его выполнения, развивающиеся страны, а также Индия и Китай обязательств по реализации протокола не приняли.

На период с 2013 по 2020 г. предполагалось введение дополнительных, по сравнению с Киотским протоколом, обязательств по сокращению выбросов парниковых газов, которые содержались в Дохийской поправке к Киотскому протоколу от 08.12.2012[13]. До настоящего времени названный документ не вступил в силу, не принят необходимым количеством стран (144),

---

5 *Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б.* Роль национального климатического закона в обеспечении «энергетического перехода» // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 151–162.

6 *Аристов В. В., Медведева Т. М.* Углеродные единицы: зарубежное регулирование. Часть вторая // Хозяйство и право. 2024. № 6. С. 54–71.

7 *Егорова М. А.* Особенности фундаментальных правовых основ «зеленой» экономики в контексте концепции устойчивого развития для целей совершенствования предпринимательской деятельности в условиях цифровизации // Предпринимательское право. 2022. № 4. С. 13–22.

8 *Кичигин Н. В., Никонов Р. В.* Подходы к правовому регулированию климатических прав и обязанностей в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 5. С. 115–127.

9 *Чернов С. Н.* Нормативно-правовые механизмы регулирования климатических процессов в России // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 9. С. 142–157.

10 URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 21.01.2025).

11 History of the Convention // URL: https://unfccc.int/process/the-convention/history-of-the-convention (дата обращения: 21.01.2025).

12 СПС «Гарант» (дата обращения: 21.01.2025).

13 URL: https://unfccc.int/process/the-kyoto-protocol/the-doha-amendment (дата обращения: 21.01.2025).

а Россия, Япония, Новая Зеландия отказались от продолжения исполнения Киотского протокола.

Модель дифференцированной ответственности, заложенная в Киотском протоколе, не позволила достичь ожидаемых результатов в области сокращения выбросов парниковых газов: активно развившиеся экономики государств, на которые не распространялись обязательства по Киотскому протоколу, за счет расширения производственных мощностей на их территориях значительно увеличили эмиссию парниковых газов в атмосферу. По сути, климат в мире является общественным благом, и меры, предпринимаемые только отдельными группами государств, приводят к неоптимальному общему результату. В варианте Киотского протокола ярко выражена так называемая проблема безбилетника[14]: те, кто пользуется общественными благами, не могут быть отстранены от его использования, при этом не платят за него или платят недостаточно, а также могут повредить это благо.

Взамен Киотского протокола по итогам 21-й Конференции РКИК 12 декабря 2015 г. было принято Парижское соглашение[15], вступившее в силу 4 ноября 2016 г. и ставшее универсальным руководством по переходу к низкоуглеродной экономике. Все 198 членов РКИК ООН либо подписали Парижское соглашение, либо присоединились к нему. Основные цели, на достижение которых направлено Парижское соглашение: существенное сокращение эмиссии парниковых газов и удержание повышения глобальной среднегодовой температуры в пределах 2 °C с возможностью ограничения температуры на уровне 1,5 °C. Парижское соглашение, в отличие от Киотского протокола, предусматривает обязательства для всех стран, независимо от уровня экономического развития. При этом стороны должны самостоятельно определить национальные способы достижения обозначенных целей и собственные вклады в глобальное реагирование на изменение климата (INDC[16]).

Так, Япония в своих INDC[17] указывает, что планом по сокращению выбросов парниковых газов на период после 2020 г. предусмотрено сокращение на 26,0 % к 2030 финансовому году по сравнению с 2013 финансовым годом (на 25,4 % по сравнению с 2005 финансовым годом) (приблизительно 1,042 млрд т CO_2 в эквиваленте выбросов к 2030 г.). США, согласно INDC[18], к 2025 г. поставили цель сократить выбросы парниковых газов на 40 % ниже уровня 2005 г. Республика Беларусь приняла на себя обязательство[19] обеспечить к 2030 г. сокращение выбросов парниковых газов не менее чем на 28 % от уровня выбросов 1990 г. без учета выбросов и стоков парниковых газов в секторе «Землепользование, изменение землепользования и лесное хозяйство» и без каких-либо дополнительных условий.

В рамках РКИК ООН ежегодно проходят конференции Организации Объединенных Наций по изменению климата, на которых с 2016 г. обсуждаются способы выполнения принятых странами обязательств в рамках Парижского соглашения. Актуальна для обозрения 29-я Конференция (COP29), прошедшая 11–22 ноября 2024 г. в Азербайджане, в г. Баку. Отметим, что первоначально место проведения Конференции подверглось критике, так как Азербайджан является крупным производителем нефти и газа[20]. В результате COP29 было принято решение об увеличении финансирования развивающихся стран, применении своеобразных

---

[14] *Groves Th., Ledyard J.* Optimal Allocation of Public Goods: A Solution to the “Free Rider Problem”. Econometrica, May 1977 // URL: https://www.kellogg.northwestern.edu/research/math/papers/144.pdf (дата обращения: 21.01.2025) ; *Coase R.* The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. № 3. P. 1–44.

[15] СПС «Гарант» (дата обращения: 21.01.2025).

[16] INDC — Submission // URL: https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC/Submission%20Pages/submissions.aspx (дата обращения: 21.01.2025).

[17] INDC — Japan // URL: https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC/Published%20Documents/Japan/1/20150717_Japan’s%20INDC.pdf (дата обращения: 21.01.2025).

[18] INDC — America // URL: https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC/Published%20Documents/United%20States%20of%20America/1/U.S.%20Cover%20Note%20INDC%20and%20Accompanying%20Information.pdf (дата обращения: 21.01.2025).

[19] INDC — Belarus // URL: https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC/Published%20Documents/Belarus/1/Belarus_INDC_Rus_25.09.2015.pdf (дата обращения: 21.01.2025).

[20] Сколько нефти будет добывать Азербайджан ежедневно в 2025 году? Прогноз МЭА // URL: https://news.day.az/economy/1709872.html (дата обращения: 21.01.2025).

грантов для скорейшего отказа от всех видов ископаемого топлива в энергетических системах, утроения доли возобновляемых источников энергии и повышения устойчивости к изменению климата[21]. Последовавшие реакции на COP29[22], а также повторный выход США из Парижского соглашения, о котором было объявлено 20 января 2025 г.[23], свидетельствуют о постепенном охладевании мирового сообщества к зеленому переходу в связи с разобщением интересов развитых и развивающихся государств, так как борьба с изменением климата требует значительных инвестиций, перспектива окупаемости которых слишком далека от реального времени и неактуальна в сравнении с иными расходами, требующими незамедлительного финансирования.

Российское законодательство об ограничении выбросов парниковых газов

Российская Федерация приняла Парижское соглашение постановлением Правительства РФ от 21.09.2019 № 1228[24]. В российских INDC[25] отмечается, что ограничение антропогенных выбросов парниковых газов в России до 70–75 % от уровня 1990 г. к 2030 г. может стать долгосрочным показателем при условии максимально возможного учета поглощающей способности лесов, что позволит стране встать на путь низкоуглеродного развития, совместимого с долгосрочной целью удержания повышения глобальной температуры на уровне ниже 2 °C. Для обеспечения достижения обозначенных показателей планировалось создание отечественной нормативно-правовой базы.

Указом Президента РФ от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов»[26] во исполнение Парижского соглашения перед Правительством РФ поставлены задачи по обеспечению к 2030 г. сокращения выбросов парниковых газов до 70 % относительно уровня 1990 г. с учетом указанной в INDC поглощающей способности лесов и иных экосистем и при условии устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации; разработке и утверждению стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.; созданию условий для реализации мер по сокращению и предотвращению эмиссии парниковых газов, а также увеличению объемов секвестрации таких газов.

Распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р утверждена Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.[27], которая относится к документам стратегического планирования, определяет меры по выполнению обязательств, установленных в INDC. Основным приоритетом Стратегии стало сокращение в период с 2021 по 2050 г. накопленного объема чистой эмиссии парниковых газов в стране до более низких значений, чем показатели Европейского Союза.

Парижское соглашение предусматривает возможность функционирования рыночных и

---

[21] COP29 UN Climate Conference Agrees to Triple Finance to Developing Countries, Protecting Lives and Livelihoods. 24 November 2024 // URL: https://unfccc.int/news/cop29-un-climate-conference-agrees-to-triple-finance-to-developing-countries-protecting-lives-and (дата обращения: 21.01.2025).

[22] См.: Конференция по борьбе с потеплением закончилась фактически безрезультатно // URL: https://expert.ru/v-mire/uchastniki-cop29-ne-dayut-planete-ostyt/?ysclid=m42h7ps8kb452808043 ; Развивающиеся страны раскритиковали сделку по климату COP29 // URL: https://www.forbes.ru/society/525747-razvivausiesa-strany-raskritikovali-sdelku-po-klimatu-cop29?ysclid=m42h9mxt2m534519920 (дата обращения: 21.01.2025).

[23] США выйдут из Парижского соглашения по климату // URL: https://www.rbc.ru/politics/20/01/2025/678e8bf09a79475efc26e49a (дата обращения: 21.01.2025).

[24] Постановление Правительства РФ от 21.09.2019 № 1228 «О принятии Парижского соглашения» // СПС «Гарант» (дата обращения: 21.01.2025).

[25] INDC — Russia // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?URL=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruBXbRzmvP3MglMm6IcgDDIWe3qTwr1IZUFmlWLAFhqdylj5bsLCAmNcy0o8hrLR6P4rScE8pNULpL8t9vYkxdup4zYBoviFX5cqdlf-a6uC-v_PusAGhhvmIyvKtiwKrxg%3D%3D%3Fsign%3DabzhjAeMWrvmSzf9Gx04qU5JowY8JNJWXUJFne3pcP4%3D&name=Russian%20Submission%20INDC_rus.doc&nosw=1 (дата обращения: 21.01.2025).

[26] СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7095.

[27] СЗ РФ. 2021. № 45. Ст. 7556.

нерыночных стимулирующих механизмов для сокращения выбросов. Рыночные механизмы заключаются в реализации результатов уменьшения выбросов парниковых газов или увеличения их поглощения, нерыночные призваны стимулировать эмитентов сокращать выбросы внереализационными способами — посредством введения дополнительных налогов, технических и сертификационных требований к продукции и производственным процессам. На законодательном уровне развитие низкоуглеродных секторов экономики и привлечение в них капитала обеспечивается за счет системы углеродного регулирования, которая делает выбросы парниковых газов платными. Схемы ограничения выбросов и торговли ими предполагают задействование быстрых и дешевых источников сокращения выбросов, поскольку у компаний имеется соответствующий стимул[28].

Парижское соглашение обеспечило правовую базу для создания глобального углеродного рынка. Например, действующая с 2005 г. Система торговли квотами на выбросы в Европейском Союзе (EU ETS) функционирует по принципу: одна квота позволяет держателю выбрасывать 1 т CO_2. Работа EU ETS уже позволила сократить выбросы на 7 %[29]. Правила EU ETS предусматривают возможность ее объединения с другими торговыми системами, к чему должны в конечном итоге прийти стороны Парижского соглашения.

В России 30 декабря 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»[30], которым устанавливаются основы правового регулирования в рассматриваемой области. К мерам по ограничению выбросов парниковых газов относятся: государственный учет выбросов, установление целевых показателей их сокращения, а также поддержка деятельности по сокращению выбросов и увеличению поглощения парниковых газов.

Юридические лица и индивидуальные предприниматели, ведущие хозяйственную и иную деятельность, сопровождаемую выбросами парниковых газов, масса которых эквивалентна не менее 150 тыс. т углекислого газа в год за период до 1 января 2024 г. или не менее 50 тыс. т углекислого газа в год за период с 1 января 2024 г., соответствующие критериям, установленным постановлением Правительства РФ от 14.03.2022 № 355[31], относятся к регулируемым организациям. Масса выбросов парниковых газов рассчитывается посредством умножения показателя производственного процесса и (или) вида хозяйственной и иной деятельности за период с 1 января по 31 декабря на установленный Правительством РФ удельный коэффициент. Регулируемые организации ежегодно представляют отчеты о выбросах парниковых газов до 1 июля года, следующего за отчетным. Не относящиеся к регулируемым организациям лица не обязаны, но вправе представлять отчеты о выбросах парниковых газов, образовавшихся в результате осуществляемой ими хозяйственной и иной деятельности. Государственный учет выбросов парниковых газов ведется в государственной информационной системе — реестре выбросов парниковых газов.

Климатические проекты

Парижским соглашением в числе рыночных механизмов для сокращения выбросов предусматривается реализация климатических проектов. Климатическим проектом называются мероприятия, позволяющие снизить углеродный след производственной деятельности, например за счет модернизации производства, увеличить объем секвестрации парниковых газов, в частности при лесоразведении, или уменьшить эмиссию парниковых газов, например путем обводнения высушенных торфяных болот. Разложение торфа является основным источником выбросов парниковых газов, а торфяное болото в условиях переувлажнения — это способ хранения CO_2. Так, в Дании с 2021 г. реализуется

---

[28] *Ellerman D., Buchner B*. Over-Allocation or Abatement? A Preliminary Analysis of the EU ETS Based on the 2005–06 Emissions Data // Environmental and Resource Economics. 2008. № 41 (2). P. 267–287.

[29] Systematic review and meta-analysis of ex-post evaluations on the effectiveness of carbon pricing / N. Döbbeling-Hildebrandt, K. Miersch, M. Khanna Tarun [et al.] // Nature Communications. 2024. № 15 (1). P. 41–47.

[30] СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124.

[31] Постановление Правительства РФ от 14.03.2022 № 355 «О критериях отнесения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к регулируемым организациям» // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1840.

проект по повторному заболачиванию ранее осушенных 345 га лесополосы[32].

В качестве примера можно привести и более понятные для неспециалиста технологии в сельскохозяйственной деятельности и лесном хозяйстве. Например, в области сельского хозяйства выделяют технологии, направленные на секвестрацию парниковых газов, в рамках которых происходит или связывание атмосферного углекислого газа в почве, или увеличение поглощения CO_2 растениями, а также технологии, ориентированные на селекцию новых сортов и видов сельскохозяйственных культур, требующих меньшего количества ресурсов для их созревания, что способствует сокращению выбросов парниковых газов. В сфере лесоразведения, например, это технологии, обеспечивающие создание устойчивых экосистем (облесение и лесовозобновление), и технологии, направленные на уменьшение эмиссии парниковых газов при прекращении деградации лесов.

В России реализовывать климатические проекты вправе юридические лица, индивидуальные предприниматели или физические лица. Проект, претендующий на то, чтобы стать климатическим, должен быть валидирован с целью оценки и подтверждения его соответствия установленным критериям. Порядок и критерии отнесения проектов к климатическим установлены приказом Минэкономразвития России от 11.05.2022 № 248[33].

При реализации климатического проекта выпускаются углеродные единицы, каждая из которых представляет собой верифицированный в порядке, установленном постановлением Правительства РФ от 24.03.2022 № 455[34], результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, равной 1 т углекислого газа. Иными словами, в углеродных единицах измеряется объем выбросов парниковых газов, который удалось предотвратить исполнителю климатического проекта. Углеродная единица, введенная в обращение, является определенной платой за выброс, которую могут приобретать эмитенты парниковых газов для покрытия произведенной эмиссии. Владелец углеродных единиц может зачитывать углеродные единицы для покрытия собственных выбросов.

Выпущенные в результате выполнения климатических проектов углеродные единицы и их купля-продажа подлежат регистрации в реестре углеродных единиц[35], ведение которого происходит в порядке, установленном постановлением Правительства РФ от 30.04.2022 № 790[36]. Средневзвешенная цена продажи первых зарегистрированных в реестре углеродных единиц составила 1 тыс. российских рублей за единицу[37]. Выпущенные в обращение углеродные единицы учитываются при оценке достижения целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов. Отметим, что реализация владельцами углеродных единиц на территории РФ подлежит обложению НДС в общем порядке (ст. 148 НК РФ).

По состоянию на январь 2025 г. в российском реестре углеродных единиц зарегистрировано более 45 климатических проектов, среди которых значатся:

1. Строительство установки по производству сжиженной углекислоты производительностью 4 т/ч с целью сокращения выбросов парниковых газов.

Исполнитель — Новомосковская акционерная компания «Азот».

---

[32] Ringfenner Lavbundsprojekt i St. Vildmose — Realisering // URL: https://naturstyrelsen.dk/ny-natur/lavbundsprojekter/ringfenner-lavbundsprojekt-i-st-vildmose-realisering (дата обращения: 21.01.2025).

[33] Приказ Минэкономразвития России от 11.05.2022 № 248 «Об утверждении критериев и порядка отнесения проектов, реализуемых юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями или физическими лицами, к климатическим проектам, формы и порядка представления отчета о реализации климатического проекта» (в ред. приказа Минэкономразвития России от 08.07.2024 № 417) // СПС «Гарант» (дата обращения: 21.01.2025).

[34] Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 № 455 «Об утверждении Правил верификации результатов реализации климатических проектов» // СЗ РФ. 2022. № 13. Ст. 2115.

[35] Реестр углеродных единиц. URL: https://carbonreg.ru/ru/ (дата обращения: 21.01.2025).

[36] Постановление Правительства РФ от 30.04.2022 № 790 «Об утверждении Правил создания и ведения реестра углеродных единиц, а также проведения операций с углеродными единицами в реестре углеродных единиц» // СЗ РФ. 2022. № 19. Ст. 3208.

[37] Средневзвешенная цена продажи составила 1 тыс. российских рублей за углеродную единицу // URL: https://carbonreg.ru/ru/news/startovali-birzhevye-torgi-na-tovarnykh-aukczionakh/ (дата обращения: 21.01.2025).

Ожидается выпуск в обращение 583 995 углеродных единиц[38].

Планируемый срок завершения — 31 августа 2042 г.

2. Сокращение выбросов парниковых газов за счет изменения технологии производства диоктилтерефталата (ДОТФ) АО «Сибур-Химпром», Пермский край.

Исполнитель — АО «Сибур-Химпром».

Ожидаемый эффект сокращения выбросов парниковых газов в ходе реализации проекта до 2025 г. — около 15 тыс. т CO_2-экв.[39]

Планируемый срок завершения — 31 марта 2026 г.

3. Строительство общезаводской факельной системы Миннибаевского газоперерабатывающего завода Управления «Татнефтегазопереработка».

Исполнитель — ПАО «Татнефть» имени В.Д. Шашина.

Планируемый срок завершения — 31 декабря 2030 г.

4. Подключение трубопровода от ДНС-102к ЦДНГ-1 к газопроводу ДНС163-БУСО ЦКПиПН УГС.

Исполнитель — ПАО «Татнефть» имени В.Д. Шашина.

Планируемый срок завершения — 31 декабря 2030 г.

5. Снижение удельных выбросов парниковых газов на Владивостокской ТЭЦ-2 за счет модернизации с заменой угольных котлоагрегатов № 12–14 на газовые.

Исполнитель — ПАО «РусГидро».

Климатический проект будет поэтапно верифицироваться до 2027 г., ежегодно на счет компании будут начисляться около 64 тыс. углеродных единиц[40].

Планируемый срок завершения — 30 декабря 2027 г.

6. Сокращение выбросов парниковых газов в результате внедрения объекта генерации электроэнергии на основе солнечной энергии в районе села Рейдово на острове Итуруп, южная группа Курильских островов, Сахалинская обл.

Исполнитель — ООО «ДальЭнергоИнвест».

Планируемый срок завершения — 31 декабря 2031 г.

Климатические проекты могут быть реализованы практически во всех сферах жизни общества: и в транспортной отрасли — путем расширения строительства и охвата линий метрополитена, и в животноводстве — путем использования метана, образующегося на животноводческих фермах.

Зарегистрированные российские климатические проекты являются частными инициативами, в развитии которых заинтересовано государство, выпущенные углеродные единицы характеризуются как добровольные, или единицы добровольного рынка. Обязанностей по регистрации и реализации климатических проектов для регулируемых организаций в законодательстве нет, как нет и обязанностей по приобретению углеродных единиц для компенсации произведенных выбросов, в силу чего нельзя говорить о наличии жестких отечественных механизмов противодействия изменениям климата. В то же время пилотный запуск обязательного рынка углеродных единиц в России уже состоялся, работа его пока ограничена территориально.

Климатический проект на острове Сахалин

В рамках реализации принятых по Парижскому соглашению обязательств с 1 сентября 2022 г. на территории Сахалинской области проводится эксперимент по ограничению выбросов парниковых газов. Эксперимент имеет нормативное закрепление в Федеральном законе от 06.03.2022 № 34-ФЗ[41] и проводится в целях создания необходимых условий для сокращения выбросов парниковых газов и увеличения их

[38] Компания «ЕвроХим» зарегистрировала крупнейший в России климатический проект на 584 тысячи углеродных единиц // URL: https://carbonreg.ru/ru/news/kompaniya-evrokhim-zaregistrirovala-krupnejshij-v-rossii-klimaticheskij-proekt-na-584-tysyachi-uglerodnykh-edinicz/ (дата обращения: 21.01.2025).

[39] Сибур зарегистрировал первый климатический проект в российском реестре углеродных единиц // URL: https://carbonreg.ru/ru/news/sibur-zaregistriroval-pervyj-klimaticheskij-proekt-v-rossijskom-reestre-uglerodnykh-edinicz/ (дата обращения: 21.01.2025).

[40] Первый климатический проект «РусГидро» внесен в реестр углеродных единиц Российской Федерации // URL: https://carbonreg.ru/ru/news/pervyj-klimaticheskij-proekt-rusgidro-vnesen-v-reestr-uglerodnykh-edinicz-rossijskoj-federaczii/ (дата обращения: 21.01.2025).

[41] Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1391.

поглощения. На данный момент в эксперименте задействована Сахалинская область, где разница между эмиссией и поглощением невелика, предусматривается возможность включения иных территорий. Установленный срок окончания эксперимента — 31 декабря 2028 г. В эксперименте участвуют региональные регулируемые организации, осуществляющие хозяйственную деятельность на территории Сахалинской области. Включение в перечень таких организаций производится в порядке, определенном приказом Минэкономразвития России от 06.05.2022 № 247[42]. К региональным регулируемым организациям, например, отнесены[43] ПАО «Сахалинэнерго», ООО «Далькреветка» и ООО «Солнцевский угольный разрез».

Эксперимент функционирует по следующим правилам: для каждой регулируемой организации на основе ее отчетности предусматриваются индивидуальные квоты на выбросы, превышение оплачивается хозяйствующим субъектом по правилам, установленным Правительством РФ постановлениями от 05.08.2022 № 1390[44] и от 18.08.2022 № 1441[45], либо в возмещение излишних выбросов приобретаются углеродная единица, выпущенная в рамках иных климатических проектов, или остатки ежегодной квоты других регулируемых организаций. В литературе отмечается, что вносимая в бюджет «плата не является штрафной санкцией: с одной стороны, это мера экономического стимулирования к снижению эмиссии парниковых газов, а с другой — компенсация государству расходов, связанных с хозяйственной деятельностью плательщика»[46]. Каждый следующий год квота на выбросы региональной регулируемой организации обновляется. Фактически хозяйствующий субъект может не менять процесс своего производства, если он готов ежегодно нести дополнительные расходы, связанные с компенсацией излишне произведенных выбросов.

В качестве примера иной модели обязательного рынка углеродных единиц можно привести реализуемую в Калифорнии (штат США) программу «Ограничение и торговля квотами»[47], в рамках которой создаются и продаются квоты, равные общему объему допустимых выбросов. Каждая квота соответствует одной метрической тонне выбросов в эквиваленте углекислого газа. Ежегодно квота уменьшается, а цена на квоты увеличивается. То есть с каждым регулируемым периодом допустимая эмиссия становится меньше и дороже, что побуждает хозяйствующие субъекты инвестировать в «озеленение» своего производства. Очевидно, что лучшим побудителем к включению хозяйствующих субъектов в борьбу с изменениями климата является снижение вынужденных производственных расходов.

Объектоспособность углеродных единиц

В последнее время одной из проблем в области климатического права, требующих решения, становится корректная юридическая привязка новых материальных благ к ресурсам, функционирующим в облике традиционных объектов гражданских прав. Другими словами, речь идет об оценке их так называемой объектоспособности, или правообъектности. К числу таких новых

[42] Приказ Минэкономразвития России от 06.05.2022 № 247 «Об утверждении порядка отнесении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к региональным регулируемым организациям в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // СПС «Гарант» (дата обращения: 21.01.2025).

[43] Распоряжение Правительства Сахалинской области от 27.09.2024 № 660-р // URL: https://sakhalin.gov.ru/fileadmin/main/files/RRO.PDF (дата обращения: 21.01.2025).

[44] Постановление Правительства РФ от 05.08.2022 № 1390 «Об утверждении Правил исчисления и взимания платы за превышение квоты выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области» // СЗ РФ. 2022. № 34. Ст. 5990.

[45] Постановление Правительства РФ от 18.08.2022 № 1441 «О ставке платы за превышение квоты выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области» // СЗ РФ. 2022. № 32. Ст. 5858.

[46] *Недорезков В. В.* Правовая природа платы за превышение квоты выбросов парниковых газов // Современное право. 2024. № 5. С. 30–34.

[47] Cap-and-Trade Program // URL: https://ww2.arb.ca.gov/our-work/programs/cap-and-trade-program/about (дата обращения: 21.01.2025).

благ, наряду с атрибутами генерации, относятся и углеродные единицы. И если первые, согласно п. 2 ст. 41.1 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»[48], являются объектами гражданских прав, то есть они как экономическое, по сути, благо правообъектны, несмотря на отсутствие в перечне, установленном дефинитивной нормой ст. 128 ГК РФ, то в отношении вторых законодатель ограничивается указанием на возможность их передачи владельцем иному лицу посредством зачисления на счет приобретателя, а также указывает на способность к обращению, включающую совершение совокупности операций, которые регистрируются в реестре углеродных единиц путем внесения в него соответствующих записей.

Согласно легальному определению, сформулированному законодателем, углеродная единица представляет собой верифицированный результат реализации климатического проекта. При этом процедуре верификации подвергаются сведения о сокращении выбросов парниковых газов или увеличении их поглощения. Как известно, любые сведения, независимо от формы их представления, в российском законодательстве рассматриваются в качестве юридически значимого понятия информации (ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[49]). Таким образом, приходим к выводу, что углеродная единица имеет информационную природу и, зафиксированная в установленном порядке в реестре углеродных единиц, должна рассматриваться как информационный ресурс.

В довольно обширной юридической литературе, посвященной правовому режиму углеродных единиц, доминирующим следует признать оценочное мнение, согласно которому указанные единицы могут быть отнесены к иному имуществу, включенному законодателем в перечень объектов гражданских прав. В основу такого мнения положен анализ верифицированного результата реализации климатического проекта на соответствие этого результата установленному законом перечню и существу традиционных объектов гражданских прав. Действительно, верифицированный результат реализации климатического проекта не тождественен ни вещам (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), ни имущественным правам (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), ни результатам работ и действиям по оказанию услуг, ни охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации (интеллектуальная собственность), ни нематериальным благам. К вещам в широком смысле он причислен быть не может, поскольку таковыми выступают не информационные ресурсы, а телесные предметы, являющиеся продуктами человеческого труда, или предметы, созданные природой и используемые людьми. Деньги как вещи, выполняющие функции эквивалента различных экономических благ, а равно документарные ценные бумаги как документы, удостоверяющие обязательственные и иные права, не могут быть признаны тождественными углеродной единице по той же причине, что и иные вещи.

Имущественные права как один из элементов более широкого понятия имущества традиционно относились и относятся к категории благ, способных удовлетворять экономические и социальные потребности участников гражданского оборота. Действующее законодательство не дает определения субъективному имущественному праву как таковому. Доктрина относит к имущественным правам четыре их разновидности в зависимости от имеющихся различий конкретных объектов, а именно: вещей, требований имущественного характера, охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации участников гражданского оборота, производимой ими продукции, промышленных и торговых предприятий. В этой связи различают вещные права, обязательственные права, корпоративные права и исключительные имущественные права. Как представляется, углеродные единицы не могут выступать в роли объектов названных выше разновидностей имущественных прав. Результаты работ и оказание услуг, являющиеся объектами обязательственных прав, связанных с исполнением, например, договора подряда или договора возмездного оказания услуг, также не тождественны углеродной единице.

Что касается охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, собирательно

[48] СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.
[49] СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

именуемых интеллектуальной собственностью, то отнесение к их числу углеродных единиц не только противоестественно их сущности, но и юридически противоречит пункту 1 ст. 1225 ГК РФ, содержащему исчерпывающий перечень подлежащих правовой охране объектов интеллектуальной собственности, в котором законодатель еще не зарезервировал место для верифицированного результата реализации климатического проекта.

Особого рассмотрения требует оценка углеродных единиц с точки зрения возможности их отнесения к цифровым правам. По смыслу ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Это необычайно широкое определение для феномена, именуемого субъективным правом, но не признаваемого законодателем в качестве такового. Необычность заключается в том, что вводится некоторый специальный класс субъективных прав второго уровня (право на право), являющихся одновременно обязательственными или иными правами, которые признаются при определенных условиях объектами гражданских прав, то есть по смыслу действующего законодательства неким благом. В соответствии с правилом, закрепленным в ст. 128 ГК РФ, цифровые права принадлежат к разряду имущественных прав как разновидности имущества. Легко увидеть, что при указанном подходе к определению цифрового права таковым может быть признано любое субъективное право, в том числе право имущественного характера, содержание которого зависит от действующих в той либо иной информационной системе правил. В этой связи можно сделать осторожное предположение, что углеродная единица в зависимости от принятой модели ее оборота как информационного ресурса в той либо иной информационной системе является элементом цифрового правоотношения в облике цифрового права как разновидности иного имущества. Это предположение между тем не снимает правовую неопределенность в оценке углеродной единицы как объекта гражданского права, поскольку ее легальная формула не позволяет с должной степенью точности признать верифицированный результат реализации климатического проекта правообъектным.

Рассуждения об альтернативах

Борьба с изменениями климата на уровне одной страны возможна только при совместной реализации усилий общества и государства. В то же время для формирования ответственного общественного отношения к вопросам противодействия изменениям климата добровольно-обязательной модели углеродного рынка, воплощенной в Сахалинском эксперименте, недостаточно. Действующее законодательство не содержит никаких льгот для лиц, реализующих климатические проекты. Инициатор климатического проекта несет существенные расходы, связанные с формированием проекта, его валидацией и регистрацией, верификацией результатов, обслуживанием и актуализацией, а также увеличивает свою налоговую нагрузку. Климатический проект сейчас в России является неким статусным мероприятием, расходы на которое могут позволить себе только крупные рыночные игроки. Иные субъекты, оценивая потенциальные расходы на климатический проект, предпочтут ограничить свое участие в зеленом курсе.

Нормативное регулирование, которое ограничивает возможность официального сокращения выбросов только конкретными мероприятиями — климатическим проектом, лишает субъектов свободы поиска и применения иных способов снижения углеродного следа предпринимательской деятельности, их финансовой и рейтинговой привлекательности. Представляется, что углеродная единица фактически может появляться не только в результате климатического проекта. Действующее законодательство в области ограничения выбросов парниковых газов и легальная дефиниция углеродной единицы иных вариантов ее возникновения не предусматривает. При этом возможно использование более простых и эффективных механизмов секвестрации парниковых газов, например углеродное (карбоновое) земледелие, при котором меняется метод производства, увеличивается скорость поглощения углерода почвой и растительным материалом. У крестьянско-фермерских хозяйств, изменивших технологии своей сельскохозяйственной деятельности по собственной инициативе, но не способных нести расходы, связанные с правовым оформлением климатического проекта, возможностей получения дополнительного дохода не возникнет. Ввиду этого в перспективе сто́ит нормативно расширить основания верификации углеродных единиц и выпуска их в обращение, за счет чего

может быть приумножена аудитория субъектов, увеличивающих в ходе своей деятельности секвестрацию парниковых газов.

Заключение

Цель достижения чистого нуля не предполагает сокращения выбросов парниковых газов в принципе, а указывает на соблюдение тождества эмиссии и секвестрации. В условиях концентрации внимания общества на экономических и политических курсах страны пропаганда разумного энергопотребления, сортировки и переработки отходов, применения экологичных материалов или эффективного энергопользования, а также иных способов, в перспективе позволяющих снизить рост глобальной температуры, представляется, меркнет. Для общества должны быть созданы удобные и привлекательные условия перехода к зеленой повестке. Поощрения за технологические разработки в области сокращения эмиссии и обновление производственных процессов, их субсидирование, поддержка научных исследований должны стать неотъемлемой частью государственных механизмов противодействия изменениям климата.

Углеродные единицы по смыслу ст. 128 ГК РФ должны быть признаны *иным имуществом*, режим которого не определен в нормативных правовых актах гражданского законодательства. Такая квалификация создает неопределенность в части применимых норм, в том числе норм об отдельных договорных типах. В ряде случаев заключение тех или иных договоров ограничивается по объекту (например, договор аренды только в отношении вещей, договор кредита только в отношении денег и т.д.). Квалификация углеродных единиц как иного имущества ограничит круг возможных договоров, которые могут быть заключены в отношении углеродных единиц. Правообъектность углеродной единицы должна быть определена с большей четкостью, что задаст направления новым научным исследованиям в этой сфере.

С позиции реализации климатической повестки углеродная единица в ближайшей перспективе должна стать не роскошью, доступной ограниченному кругу хозяйствующих субъектов, не элементом рейтингового статуса компании, а способом поощрения инициатив по увеличению поглощения парниковых газов неограниченного круга лиц. Только путем вовлечения широких масс в дело охраны и защиты всеобщего блага — комфортного климата — можно достичь реальных результатов, что применимо как для отдельного государства, так и для мирового сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агафонов В. Б. Роль природно-климатических проектов в правовом обеспечении экологической и климатической безопасности Российской Федерации // Экологическое право. 2024. № 2. С. 2–4.

Аристов В. В., *Медведева Т. М.* Углеродные единицы: зарубежное регулирование. Часть вторая // Хозяйство и право. 2024. № 6. С. 54–71.

Егорова М. А. Особенности фундаментальных правовых основ «зеленой» экономики в контексте концепции устойчивого развития для целей совершенствования предпринимательской деятельности в условиях цифровизации // Предпринимательское право. 2022. № 4. С. 13–22.

Жаворонкова Н. Г., *Агафонов В. Б.* Роль национального климатического закона в обеспечении «энергетического перехода» // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 151–162.

Кичигин Н. В., *Никонов Р. В.* Подходы к правовому регулированию климатических прав и обязанностей в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 5. С. 115–127.

Недорезков В. В. Правовая природа платы за превышение квоты выбросов парниковых газов // Современное право. 2024. № 5. С. 30–34.

Чернов С. Н. Нормативно-правовые механизмы регулирования климатических процессов в России // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 9. С. 142–157.

Coase R. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. № 3. P. 1–44.

Ellerman D., *Buchner B.* Over-Allocation or Abatement? A Preliminary Analysis of the EU ETS Based on the 2005–06 Emissions Data // Environmental and Resource Economics. 2008. № 41 (2). P. 267–287.

Systematic review and meta-analysis of ex-post evaluations on the effectiveness of carbon pricing / N. Döbbeling-Hildebrandt, K. Miersch, M. Khanna Tarun [et al.] // Nature Communications. 2024. № 15 (1). P. 41–47.

REFERENCES

Agafonov VB. The role of natural and climate projects in the legal provision of environmental and climate security of the Russian Federation. *Ekologicheskoe pravo [Environmental Law]*. 2024;2:2-4. (In Russ.).

Aristov VV, Medvedeva TM. Carbon units: Foreign regulation. Part two. *Khozyaystvo i pravo [Business and Law].* 2024;6:54-71. (In Russ.).

Chernov SN. Normative and legal mechanisms for climate processes regulation in Russia. 2024;9:142-157. (In Russ.).

Coase R. The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*. 1960;3:1-17.

Döbbeling-Hildebrandt N, Miersch K, Khanna Tarun M, et al. Systematic review and meta-analysis of ex-post evaluations on the effectiveness of carbon pricing. *Nature Communications*. 2024;15(1):41-47.

Egorova MA. Features of the fundamental legal foundations of the «green» economy in the context of the concept of sustainable development for the purpose of improving entrepreneurial activity in the context of digitalization. *Predprinimatelskoe pravo [Business law].* 2022;4:13-22. (In Russ.).

Ellerman D, Buchner B. Over-Allocation or Abatement? A Preliminary Analysis of the EU ETS Based on the 2005-06 Emissions Data. *Environmental and Resource Economics*. 2008;41(2):267-287.

Kichigin NV, Nikonov RV. Approaches to the legal regulation of climate rights and obligations in Russia and abroad. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2024;5:115-127. (In Russ.).

Nedorezkov VV. The legal nature of fees for exceeding greenhouse gas emissions quotas. *Sovremennoe pravo [Modern law].* 2024;5:30-34. (In Russ.).

Zhavoronkova NG, Agafonov VB. The role of the national climate law in ensuring «Energy Transition». *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;2:151-162. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Городов Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, член Общественного совета при Федеральной службе интеллектуальной собственности
д. 7–9, Университетская наб., г. Санкт-Петербург 199034, Российская Федерация
gorodovoleg@gmail.com

Семенович Кристина Сергеевна, кандидат юридических наук, директор Центра энергетического права, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета
д. 7–9, Университетская наб., г. Санкт-Петербург 199034, Российская Федерация
enlcenter@spbu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg A. Gorodov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Member of the Public Council at the Federal Service for Intellectual Property, St. Petersburg, Russian Federation
gorodovoleg@gmail.com

Kristina S. Semenovich, Cand. Sci. (Law), Director of the Center for Energy Law, Associate Professor, Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
enlcenter@spbu.ru

Материал поступил в редакцию 22 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 22 февраля 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 22.01.2025.
Revised 22.02.2025.
Accepted 15.02.2026.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научных уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – **11178**, Lex Russica – **11198**,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – **40650**, «Право и цифровая экономика» – **39492**.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920